

10976
Op - CK - ИК - 1
E 112 / 153 W
801-14 / 293

ПЕРСЫ

ВЪ ИХЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

915

B-88

СОСТАВИЛА

Э. С. Вульфсонъ.

915
B 88

У. № 50к

МОСКВА.
Собств. книгоиздательницы А. С. ПАНАФИДИНОЙ.
Покровка, Лялинъ пер., соб. домъ.
1909.

ГЛАВА I.

Возникновение Персидскаго государства. — Киръ — основатель древней Перси. — Вторженіе Александра Македонскаго и паденіе Перси. — Возрожденіе (Сасаниды). — Вторженіе арабовъ. — Абассиды. — Появленіе тюрковъ. — Нашествіе монголовъ. — Новѣйшая исторія Перси.

Три года тому назадъ весь образованный міръ былъ изумленъ неожиданной вѣстью: персидскій шахъ даровалъ народное представительство своей измученной, разоренной странѣ. Это было 23-го мая 1906 г.¹⁾ и съ тѣхъ поръ день этотъ сталъ истори-

¹⁾ По лѣтосчисленію персовъ—14-го Джамадіосани 1324 года.

90 35802-88

2011094492

ческимъ въ жизни персовъ, проведя рѣзкую грань между безотраднѣмъ прошлымъ и наступающими лучшими временами.

Даже ученые, хорошо знакомые съ исторіей и жизнью персовъ, не ожидали такого счастливаго поворота дѣль. Они знали славное, блестящее прошлое этого народа, который нѣкогда по праву гордился своей высокой образованностью, но зато знали и его жалкое, безотрадное настоящее; вотъ почему они привыкли смотрѣть на персовъ, какъ на поконченный народъ, который въ недалекомъ будущемъ неминуемо долженъ утратить свою самостоятельность и подпастъ подъ власть болѣе сильныхъ народовъ.

Но внутри народной жизни незамѣтно зрѣли и крѣпли новыя силы, недоступныя взорамъ чуждаго наблюдателя; невидимыми струйками упорно пробивались онѣ сквозь тлѣнъ стараго, пока, наконецъ, не слились въ одинъ могучій непобѣдимый потокъ. И онъ хлынулъ на старые отжившіе устои, и если ему не удалось еще окончательно разрушить ихъ, то они поколеблены настолько, что страна неминуемо должна пойти теперь по новому пути. Еще долго будутъ чувствовать надъ собой персы гнѣтъ прошлаго, — исторія не знаетъ рѣзкихъ перемѣнъ и медленно вступаетъ въ свои права новая жизнь; не мало борьбы и труда встрѣтитъ на своемъ пути юное народное предствительство. Но новое русло проложено, и по немъ хотя и медленно, но неминуемо должна будетъ направиться жизнь страны.

Возникновеніе Персидскаго государства, или, какъ называютъ свою страну персы, *Ирана*, теряется въ глубь вѣковъ. Здѣсь, на обширномъ Иранскомъ плоскогорьѣ появлялись когда-то могущественнѣйшія царства, сильныя своимъ богатствомъ и образованностью. Ассирія, Вавилонія, Финикія, Мидія — все это великія древнія страны, которыя и до сихъ поръ приковываютъ къ себѣ вниманіе ученыхъ. Какъ блестящія звѣзды на темномъ небосклонѣ проносился здѣсь одинъ народъ за другимъ, оставляя неизгладимый слѣдъ въ исторіи человѣчества.

Въ VII вѣкѣ до Рождества Христова особенно процвѣтала здѣсь могучая блестящая Мидія. Сильныя мидяне подчинили себѣ весь западный Иранъ; это же племя способствовало и гибели Ассирійскаго государства. Но не долго длилась слава и могущество побѣдителей: уже въ VI вѣкѣ ихъ смѣняютъ персы, обитавшіе дотолѣ на крайнемъ юго-западѣ Ирана — въ прекрасной, цвѣтущей Персидѣ¹⁾. Средняя часть этой области, со своими фруктовыми садами, роскошными виноградниками и цѣлыми полями дивныхъ розъ, и понынѣ еще сохранила свою былую славу; и въ наши дни — это страна прекраснаго винограда, душистыхъ розъ и сладкоголосыхъ соловьевъ. Здѣсь, въ цвѣтущей долиинѣ нынѣшняго Шираза, образовалось въ то время самое сердце Персидскаго царства, съ его древнѣйшей столицей Пасаргадами, куда

¹⁾ Нынѣшняя провинція Фарсистанъ.

послѣ блестящихъ походовъ, обыкновенно, являлись отдыхать персидскіе монархи. Тутъ же короновались они въ своемъ роскошномъ дворцѣ, устраивали торжественные приемы, творили судъ и расправу. Въ дивномъ тѣнистомъ паркѣ находилась и гробница великаго Кира съ ея великолѣпной пирамидой, построенной уступами изъ огромныхъ глыбъ бѣлаго мрамора.

Этотъ знаменитый царь былъ основателемъ древнеперсидской монархіи и происходилъ изъ рода Ахеменидовъ. Онъ былъ сыномъ перса Камбиза и Манданы — дочери мидійскаго царя Астиага. Но въ 558 г. до Р. Хр. Киръ возсталъ противъ своего дѣда и овладѣлъ его престоломъ. Покоривъ, такимъ образомъ, богатую Мидію, онъ продолжалъ свои завоеванія и подчинялъ себѣ народъ за народомъ, пока вся западная Азія не оказалась въ его рукахъ; на востокъ же царство его простиралось почти до Индіи.

Древній греческій историкъ Геродотъ¹⁾ рассказываетъ слѣдующее персидское преданіе о томъ, какъ Киръ основалъ свое царство. Устрашенный привидѣвшимся ему недобрымъ сномъ, мидійскій царь Астиагъ выдалъ свою дочь Мандану не за мидянина, а за знатнаго перса Камбиза²⁾. Не прошло и года послѣ свадьбы, какъ отцу Манданы снова приви-

1) Самый поучительный изъ древнихъ историковъ, жившій приблизительно между 485 и 425 гг. до Р. Хр.

2) Въ то время персы были подвластны мидянамъ.

дѣлся необычайный сонъ: ему снилось, что изъ утробы его дочери выросъ такой виноградный кустъ, который тѣнью своею покрылъ всю Азію. Астиагъ тотчасъ же призвалъ своихъ маговъ¹⁾, прося разъяснить смыслъ загадочнаго сна. Тѣ отвѣтили царю, что недоброе вѣщаетъ и этотъ сонъ: у дочери его родится сынъ, который отниметъ у него царство. Не долго думая, испуганный Астиагъ вызываетъ дочь въ свою роскошную столицу Экбатану; когда же здѣсь родился у нея сынъ Киръ, царь призвалъ къ себѣ вѣрнаго слугу Гарпага и поручилъ ему убить малютку. Взявъ Кира, Гарпагъ призадумался; онъ разсудилъ, что Астиагъ уже старъ, сыновей у него нѣтъ, а слѣдовательно послѣ смерти его престолъ перейдетъ къ Манданѣ, которая, конечно, жестоко отомститъ ему тогда за убійство сына. И вотъ смысленный царедворецъ придумалъ выходъ изъ бѣды: чтобы свалить отвѣтственность на другого, онъ передалъ Кира царскому пастуху Митрадату, приказавъ отъ имени царя отнести малютку въ дикое горное ущелье, гдѣ и оставить его. Но когда пастухъ принесъ Кира къ себѣ, онъ былъ пораженъ богатствомъ его золотого одѣянія, а жена его, у которой только что умеръ единственный сынъ, стала умолять мужа пощадить ребенка и взять къ себѣ на воспитаніе. Послѣ долгихъ колебаній пастухъ, наконецъ

1) Такъ назывались жрецы древнихъ персовъ, отличавшіеся большою ученостью.

согласился; бросивъ въ горное ущелье своего мерт-
ваго младенца, онъ оставилъ Кира и сталъ воспиты-
вать его какъ родного сына.

Такимъ образомъ внукъ могущественнаго мидій-
скаго царя росъ между пастухами цѣлыхъ десять
лѣтъ, превратившись въ большого красиваго маль-
чика. Однажды, играя со своими сверстниками въ
какую-то дѣтскую игру, Киръ былъ выбранъ ими
царемъ. Тотчасъ же онъ распредѣлил между своими
подданными ихъ будущія должности: однихъ сдѣ-
лалъ копьеносцами, другихъ привратниками, кого
«окомъ», а кого «ушами царя»¹⁾. Началась игра.
Всѣ товарищи безпрекословно исполняли приказа-
нія маленькаго царя, лишь одинъ мальчикъ, сынъ
знатнаго мидянина, случайно забредшій къ пасту-
хамъ, отказался повиноваться ему. Тогда Киръ при-
казалъ своимъ копьеносцамъ схватить ослушника и
наказать его плеткой. Мальчикъ въ слезахъ побѣжалъ
въ городъ и пожаловался отцу. Разгнѣванный вель-
можя взялъ сына и пошелъ къ самому Астіагу, чтобы
доложить ему, какъ осмѣлился обидѣть его ребенка
сынъ царскаго пастуха.

Астіагъ призвалъ къ себѣ пастуха и Кира и
обратился къ послѣднему съ вопросомъ:

— Какъ смѣлъ ты такъ дерзко оскорбить сына
знатнаго мидянина?

¹⁾ Такъ назывались царскіе сановники, на обязанности которыхъ
лежало всюду слѣдить за властями и обо всемъ доносить царю.

— Господинъ,—твердо отвѣтилъ Киръ,—я по-
ступилъ съ нимъ по закону. Если же я долженъ
быть наказанъ за это,—наказывай, я здѣсь предъ
тобою!

Астіага поразилъ этотъ отвѣтъ. Онъ внимательно
сталъ вглядываться въ мальчика и замѣтилъ вдругъ
необыкновенное сходство съ собою. Уединившись
съ пастухомъ, царь подъ угрозой пытки вынулъ
у него всю правду.

Взбѣшенный Астіагъ рѣшилъ тяжело наказать
Гарпага и приказалъ звѣрски убить его собственнаго
сына. До поры до времени несчастный отецъ затаилъ
свою злобу. А Астіагъ призвалъ тѣхъ самыхъ маговъ,
которые когда-то истолковывали ему сны, рассказалъ
имъ о случившемся и спросилъ совѣта: оставить
Кира въ живыхъ или нѣтъ? Тѣ отвѣтили ему, что
въ сущности сонъ его уже сбился, такъ какъ Киръ
провозглашенъ былъ царемъ въ игрѣ деревенскихъ
мальчиковъ и теперь больше уже не опасенъ для
него. Тогда успокоенный царь отослалъ ребенка
къ отцу, въ страну персовъ.

Киръ выросъ храбрымъ юношей, горячо любимый
своими сверстниками. И вотъ наступила очередь
Гарпага. Желая отомстить Астіагу, онъ завелъ сно-
шенія съ Киромъ, сталъ посылать ему подарки
и возбуждать противъ дѣда, а самъ тѣмъ временемъ
тайно склонилъ на свою сторону мидійскихъ вель-
можъ, предлагая имъ свергнуть ненавистнаго Астіага
и поставить на его мѣсто Кира. Когда все было

готово, Гарпагъ послалъ Киру въ подарокъ зайца и велѣлъ слугѣ передать ему, чтобы внутренности зайца онъ вскрылъ самъ и наединѣ. Внутри зайца оказалось письмо, въ которомъ Гарпагъ убѣждалъ Кира поднять персовъ и свергнуть Астіага. И тутъ онъ рассказалъ ему о предсказаніи маговъ, о томъ, какъ когда-то мидійскій царь приказалъ ему убить его, сообщалъ, что въ Мидіи все готово къ тому, чтобы провозгласить его царемъ.

Пораженный всѣмъ этимъ, Киръ рѣшилъ послѣдовать совѣту Гарпага. И вотъ, для болѣе успѣшнаго выполненія задуманнаго дѣла, онъ пустился на слѣдующую хитрость. Собравъ всѣхъ персовъ, подвластныхъ въ то время мидянамъ, Киръ сообщилъ имъ, что Астіагъ назначилъ его военачальникомъ надъ ними; послѣ этого онъ приказалъ всѣмъ собраться еще разъ, непременно захвативъ по серпу. Когда всѣ явились, онъ велѣлъ имъ расчистить обширное поле, поросшее терновникомъ. Не легка была работа. А когда персы кончили ее, Киръ приказалъ имъ на утро надѣть свои лучшія одежды и снова явиться къ нему. Теперь ожидалъ ихъ уже не тяжкій трудъ, а роскошный пиръ: дорогія кушанья заготовлены были въ изобиліи, вино лилось рѣкой. Расположившись на лугу, персы пировали на славу, какъ вдругъ Киръ спросилъ ихъ:

— Скажите, персы, что нравится вамъ больше: то, что было вчера, или что происходитъ сейчасъ?

Сомнѣнья не было: вѣдь вчера былъ тяжкій трудъ, а нынче радость и веселье. Тутъ Киръ раскрылъ имъ свои замыслы и закончилъ рѣчь такими словами:

— Итакъ, рѣшайте, о персы! Если вы послѣдуете за мною, то вамъ всегда будетъ такъ же хорошо, какъ сейчасъ, и не будете вы знать рабскаго труда. Если же вы не согласитесь, — всю жизнь ждетъ васъ такой же тяжкій трудъ, какъ вчера. Идемъ за мной, и вы будете свободны, такъ какъ я рожденъ по Божьему назначенію, чтобъ избавить васъ отъ рабства. Я же считаю васъ ни въ чемъ не хуже мидянъ, особенно на полѣ брани...

Воодушевленные персы съ радостью послѣдовали за нимъ, такъ какъ сами они давно уже тяготились властью мидянъ.

Тогда Астіагъ призвалъ къ защитѣ весь свой народъ, но въ какомъ-то ослѣпленіи поручилъ начальство надъ нимъ вѣроломному Гарпагу. Лъстивый царедворецъ сумѣлъ обойти царя, и Астіагъ думалъ, что онъ давно уже примирился съ потерей сына. И вотъ, когда дѣло дошло до сраженія, Гарпагъ, вмѣстѣ съ преданными ему мидянами, которыхъ онъ заранѣе посвятилъ въ свои планы, перешелъ на сторону персовъ; остальные же были разбиты и обратились въ бѣгство.

Узнавъ объ этомъ, взбѣшенный Астіагъ приказалъ пригвоздить къ кресту тѣхъ самыхъ маговъ, которые посовѣтовали ему оставить Кира въ живыхъ. Затѣмъ онъ вооружилъ всѣхъ мидянъ, бывшихъ

въ городѣ, отъ мала до велика, и повель ихъ на персовъ. Но и тутъ судьба была противъ него: онъ проигралъ сраженіе и былъ взятъ въ плѣнъ.

Однажды, сидя въ неволѣ, Астіагъ увидалъ подходящаго Гарпага. Тотъ самый царедворецъ, который еще такъ недавно трепеталъ предъ могущественнымъ мидійскимъ царемъ, теперь сталъ издѣваться надъ нимъ, припоминая звѣрское убійство своего сына.

— Вотъ тебѣ награда за это,—сказалъ онъ:— вмѣсто царской власти, позорное рабство.

А Астіагъ отвѣчалъ ему:

— Если все это дѣло рукъ твоихъ, то ты самый глупый и безразсудный челоуѣкъ на свѣтѣ. Глупый — потому что ты отдалъ власть въ руки Кира, вмѣсто того, чтобы самому сдѣлаться царемъ; безразсудный же — потому, что изъ-за смерти сына отдалъ въ рабство всѣхъ мидянъ.

Такъ пала великая Мидія (въ 558 г. до Р. Хр.), послѣ блестящаго владычества, продолжавшагося больше полутора ста лѣтъ. А Астіага Киръ оставилъ у себя, не дѣлалъ ему больше никакого зла и держалъ до самой смерти.

Этотъ великій основатель персидскаго царства продолжалъ свои блестящія побѣды. Онъ покорилъ славившагося своими несмѣтными богатствами лидійскаго ¹⁾ царя Креза; завоевалъ всю Малую Азію;

¹⁾ Лидія — въ древности страна въ Малой Азіи.

взялъ Вавилонъ и финикійскіе торговые города: царство его разрасталось до огромныхъ размѣровъ. Особенно помогало ему въ этомъ замѣчательное персидское войско того времени. Да и вся жизнь персовъ была проста и безыскусственна,—это укрѣпляло ихъ силы, дѣлало здоровыми и выносливыми. По свидѣтельству древнихъ греческихъ историковъ, персы обучали своихъ мальчиковъ лишь тремъ вещамъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду. Вырастали отважные охотники и воины, а правдивость ихъ была поразительна; это были «всадники, искусные въ стрѣльбѣ изъ лука, страшные видомъ, ужасные въ бою».

Но покоривъ мидянъ, персы мало-по-малу стали перенимать ихъ нравы, какъ, впрочемъ, и у другихъ подчиненныхъ имъ народовъ. Они стали носить шерстяную рубашку съ рукавами, повязку на головѣ (*tiary*), кафтанъ, широкія шаровары. Вмѣсто звѣриныхъ шкуръ, появились роскошныя пурпурныя одежды, великолѣпное оружіе, явились ковры, золотыя серьги, ожерелья, браслеты и драгоценныя перстни; у египтянъ они переняли чешуйчатый панцирь, у вавилонянъ—ихъ привычку румяниться, натирать тѣло благовонными маслами, тщательно расчесывать волосы и бороду,—словомъ, стали подражать во всемъ изнѣженнымъ народамъ. Исчезло суровое воспитаніе, а съ нимъ и старинный простой образъ жизни персовъ, и на ихъ мѣсто выступали обычаи и учрежденія покоренныхъ ими народовъ.

Да и вообще надо отдать справедливость побѣдителямъ: они уважали законы и обычаи побѣжденныхъ, уважали ихъ вѣру — религіозныхъ гоненій не знала древняя Персія.

Во время одного изъ своихъ походовъ Киръ лишился жизни; это было въ 529 г. до Р. Хр., и сказанія объ этомъ событіи различны. Тѣло его доставлено было въ столицу Пасаргады и погребено въ знаменитой усыпальницѣ предковъ. Киръ надолго остался въ памяти народной, какъ образецъ царя и челоуѣка; высоко чтили его и древніе греческіе историки. Ему воздвигались великолѣпные памятники; еще и теперь, близъ второй древней столицы, Персеполя, можно видѣть остатки одного изъ нихъ; подъ прекраснымъ выпуклымъ изображеніемъ великаго основателя персидскаго царства видна простая, скромная надпись: «Я — царь Киръ, Ахеменидъ».

Второй царь древней Персіи — Камбизъ, былъ сыномъ Кира. Онъ счастливо продолжалъ завоеванія своего отца и приумножилъ свое царство, покоривъ Египетъ и часть Эѳіопіи. Но царь этотъ не пользовался особою любовью народа, любимцемъ же былъ родной братъ его, Бардія, который правилъ восточнымъ Ираномъ, т. е. почти половиной всего царства. Камбизъ боялся этого соперничества, тѣмъ болѣе, что у него не было дѣтей; ему всюду чудились заговоры и посягательства на его власть. Умственные силы его разстраивались, на него находили припадки слѣпой, безпричинной ярости, заканчивавшіеся же-

стокими казнями. И вотъ, отправляясь въ далекій походъ въ Египетъ, гдѣ онъ могъ при случаѣ пробыть и нѣсколько лѣтъ, Камбизъ тайно приказалъ убить Бардію, боясь, что тотъ воспользуется его отсутствіемъ и займетъ его мѣсто.

Три года провелъ Камбизъ въ Египтѣ, одерживая побѣду за побѣдой, какъ вдругъ дошла до него съ родины страшная вѣсть: Бардія, братъ его, будто бы возсталъ противъ него и провозгласилъ себя царемъ. Онъ уже разослалъ гонцовъ во всѣ концы обширнаго государства оповѣстить объ этомъ населеніе, приказывая повиноваться отнынѣ ему, а не Камбизу. Одинъ изъ такихъ грозныхъ вѣстниковъ явился даже въ Египетъ и, не стѣсняясь присутствіемъ Камбиза, сталъ поднимать противъ него войска.

И послѣдній оплотъ царя, его вѣрное войско, повѣрило этой вѣсти. Вѣдь убійство Бардіи совершилось втайнѣ, и народъ былъ увѣренъ, что онъ живетъ въ уединеніи въ своемъ дворцѣ; вотъ почему теперь всѣ такъ легко и повѣрили этому слуху. Лишь одинъ Камбизъ прекрасно понималъ, что тутъ дѣло идетъ о самозванцѣ, который, воспользовавшись его долгимъ отсутствіемъ, задумалъ отнять у него престоль. Онъ приказалъ своему войску спѣшно собраться въ обратный путь; но силы ему уже измѣнили, звѣзда его закатилась. Мучимый угрызеніями совѣсти, видя, что дѣло его проиграно, онъ рѣшилъ открыть всю правду. И вотъ онъ собираетъ своихъ приближен-

ныхъ, открыто и честно рассказываетъ имъ о своемъ тяжкомъ грѣхѣ и тутъ же лишаетъ себя жизни (въ 522 г. до Р. Хр.).

Его родственникъ, молодой Дарій, сынъ Гистаспа, съ большимъ трудомъ повелъ уже распатанное теперь персидское войско на родину. Тутъ онъ забралъ всѣ запутанныя дѣла въ свои руки и былъ выбранъ законнымъ наслѣдникомъ Камбиза.

Этотъ новый царь занимаетъ такое же почетное мѣсто въ исторіи древней Персіи, какъ и великій Киръ. Дарій Гистаспъ прежде всего умирилъ возстанія, которыя вспыхнули, было, во всѣхъ частяхъ монархіи, упрочилъ престолъ Ахеменидовъ и далъ правильное устройство своему государству. При Кирѣ и Камбизѣ персидское царство, разросшееся до огромныхъ размѣровъ, не имѣло единой связи; оно состояло изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ странъ и народовъ. Дарій первый изъ царей рѣшилъ положить основу государственности. Каждому изъ покоренныхъ народовъ онъ оставилъ его языкъ, вѣру, законы и обычаи, его нравы, нерѣдко даже любимыхъ народныхъ вождей, но надо всѣмъ этимъ поставилъ единое правительство. Для этого онъ раздѣлилъ все государство на 20 ¹⁾ областей, или *сатрапій*.

Во главѣ каждой сатрапіи стоялъ особый управитель, или *сатрапъ*, выбираемый, обыкновенно, изъ

¹⁾ Такъ говоритъ древній Геродотъ, но по найденнымъ стариннымъ надписямъ видно, что такихъ сатрапій было отъ 23 до 31.

придворной знати. Его главною обязанностью было наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ податей и налоговъ, а также за воздѣльваніемъ земли: это занятіе было важнѣйшимъ промысломъ жителей, а слѣдовательно отъ него зависѣлъ какъ ихъ достатокъ, такъ и благосостояніе всего государства. Каждая сатрапія ежегодно обязана была уплачивать два налога ¹⁾: одинъ—золотомъ и серебромъ, а другой—натурою. Вотъ почему въ сокровищницахъ персидскихъ царей накоплялись несмѣтныя богатства въ слиткахъ; второй налогъ шелъ на содержаніе царскаго двора и войска, на жалованье сатрапамъ и другимъ должностнымъ лицамъ. Каждая страна, входившая въ персидское царство, доставляла извѣстные продукты; такъ, напр., Египетъ поставлялъ хлѣбъ, Мидія—лошадей, муловъ и рогатый скотъ, Арменія—жеребятъ, Эіопія—черное дерево и слоновую кость. Лишь одна Персія освобождена была отъ налоговъ и попрежнему ограничивалась добровольными приношеніями. Приказанія царя передавались сатрапамъ царскими секретарями, а время отъ времени объѣзжали страну «глаза и уши царя»: это были особые царскіе повѣренные, которые наблюдали за поступками сатраповъ и другихъ областныхъ сановниковъ и обо всемъ доносили царю. Но это новое государственное устройство отнюдь

¹⁾ До этого налоговъ не существовало, а были лишь добровольныя приношенія.

не вело къ процвѣтанію народа, а лишь разоряло его въ угоду сатрапамъ и другимъ властямъ.

Дарій Гистаспъ первый ввелъ золотую денежную систему и еще больше расширилъ свои владѣнія: онъ покорилъ нѣкоторые средне-азиатскіе и индійскіе народы, подчинилъ и часть Балканскаго полуострова. Главнымъ городомъ Персіи были въ то время Сузы, но Дарій положилъ начало новой столицѣ, знаменитому потомъ Персеполю¹⁾, съ его замѣчательною крѣпостью, далеко возвышавшейся надъ окружающею мѣстностью. Здѣсь, за тройнымъ обводомъ крѣпкихъ стѣнъ, стоялъ нѣкогда роскошный царскій дворецъ; тутъ же, въ особомъ сооруженіи, была усыпальница и сокровищница персидскихъ царей.

И эта столица, какъ и знаменитыя Пасаргады, была разрушена еще въ древности, но развалины Персеполя и до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ. Тутъ и безчисленные остатки стѣнъ изъ полированного камня и причудливыя колонны; однѣ изъ нихъ лежатъ безпомощно поверженныя, точно побѣжденные воины на полѣ сраженія, другія еще уцѣлѣли на своихъ мѣстахъ и гордо высятся къ небу. То тутъ, то тамъ видны обломки человѣческихъ изваяній въ старо-персидской одеждѣ, какихъ-то сказочныхъ животныхъ; вотъ и широкія

1) Что означаетъ «Городъ персовъ». Эта вторая древняя столица лежала въ плодородной цвѣтущей долинѣ, нѣсколько ниже Пасаргады.

мраморныя лѣстницы, подземные залы, искусственныя пещеры — все это великолѣпные остатки былого величія, свидѣтельствующіе о красотѣ и обширности бывшей когда-то здѣсь столицы персидскихъ царей.

Дарій умеръ въ 486 г. до Р. Хр., среди обширныхъ приготовленій къ войнѣ съ греками. Онъ оставилъ огромное наслѣдіе; велико было персидское царство, а могущество его царей доходило до того, что они не знали предѣла своей власти. Однажды, напр., сынъ Дарія, Ксерксъ, вздумалъ даже вступить въ бой съ грозно разбушевавшейся стихіей: онъ повелѣлъ бичевать цѣпями море, когда оно разметало персидскіе корабли... Но не было внутренняго единства въ персидскомъ государствѣ; могущество его, главнымъ образомъ, зависѣло отъ личности царя, предъ которымъ все трепетало. Цѣлый рядъ правителей прошелъ послѣ Дарія, но звѣзда рода Ахеменидовъ начала уже меркнуть. Еще велико было ихъ царство; было и огромное по числу войско, но качество его было сомнительно, а дисциплина въ немъ слаба. Это были уже не закаленные простымъ и здоровымъ воспитаніемъ бойцы Кира; вмѣстѣ съ мидійской и ассирійской роскошью проникла въ Персію и изнѣженность нравовъ, а съ нею и духъ разложенія. И вотъ огромное царство не устояло предъ маленькой, но сильной духомъ и умственнымъ развитіемъ Греціей, которая дружно сплотилась въ виду грознаго врага. Послѣ цѣлаго ряда войнъ, въ которыхъ счастье то улыбалось, то отвертыва-

лось отъ персовъ, непобѣдимое царство Кира, наконецъ, пало. Это было въ IV вѣкѣ до Рождества Христова, когда знаменитый Александръ Македонскій вторгся съ своими войсками въ Персію и подчинилъ себѣ славное царство Ахеменидовъ. Самостоятельная Персія перестала существовать (въ 330 г. до Р. Хр.).

Послѣ смерти Александра (въ 323 г.) не осталось наслѣдника, и обширная монархія его быстро распалась на цѣлый рядъ отдѣльныхъ государствъ; во главѣ ихъ стали правители отчасти греческаго, отчасти мѣстнаго происхожденія. Такъ, напр., Ираномъ завладѣли Селевкиды, владѣтели Сиріи. Они усердно заботились о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, въ числѣ которыхъ очутились теперь и персы: насаждали среди нихъ греческую образованность и греческія науки, строили школы, поощряли ученыхъ. Но и царство Селевкидовъ въ послѣдствіи не выдержало и распалось на нѣсколько мелкихъ государствъ; изъ нихъ особенно сильнымъ было царство Паряанское. И вотъ персы подпали теперь подъ власть тѣхъ самыхъ паряанъ, которые до вторженія Александра Македонскаго находились подъ владычествомъ персидскихъ царей...

Однако, для потомковъ великаго Кира настали и лучшія времена. Въ 226 г. уже послѣ Р. Хр., когда могущество паряанъ ослабѣло, одинъ изъ мѣстныхъ вождей, персъ Ардаширъ изъ рода Сасанидовъ, сумѣлъ сплотить свой народъ, зажечь въ

немъ вѣру въ свои силы, и съ оружіемъ въ рукахъ персы вернули себѣ свободу. Такимъ образомъ, престоль «царя царей»¹⁾ перешелъ къ династіи Сасанидовъ.

Но ничтожна была по величинѣ своей эта новая Персія въ сравненіи съ огромною когда-то монархіей Дарія Гистаспа. Зато самое главное было сдѣлано: персы снова получили свободу, а ихъ новые правители усердно занялись устроеніемъ государства.

Подъ главенствомъ Сасанидовъ въ первое время для Персіи какъ бы вернулись прежніе дни; владѣнія были расширены, управленіе государствомъ приведено въ стройный порядокъ. Ученіе Зороастра—эта мудрая религія древнихъ персовъ—сдѣлалось государственнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилилась и власть духовенства. Особеннаго внутренняго и внѣшняго могущества достигло государство при Хозроѣ I Ануширванѣ. Этотъ умный царь старался обуздать произволь чиновниковъ, покровительствовалъ торговлѣ и промышленности; пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла при немъ пехлевійская²⁾ литература, а послѣдніе греческіе философы, изгнанные изъ Византіи, были приняты съ почетомъ.

Но при послѣдующихъ Сасанидахъ счастье снова стало измѣнять Персіи; начались и внутреннія смуты. Царемъ былъ Хозрой II Парвезъ, когда разрази-

1) Древній титулъ персидскихъ царей.

2) Такъ назывался среднеперсидскій языкъ тѣхъ временъ.

лось страшное возстаніе, въ которомъ персамъ усердно помогли и христіане, оскорбленные этимъ правителемъ; неудачи въ войнѣ съ византіяцами, непопулярные налоги — все это озлобило народъ; вѣдь безконечныя войны требовали огромныхъ затратъ, которыя въ концѣ-концовъ ложились тяжкимъ бременемъ все на то же населеніе. Въ 628 г. Хозрой былъ низложенъ и казненъ; послѣ нѣкоторыхъ междоусобій на престолъ возведенъ былъ малолѣтній Ездегердъ III. Но было уже поздно, — надъ Персіей неожиданно разразилась новая гроза: въ 633 г. въ нее вторглись арабы, исповѣдывавшіе мусульманскую вѣру. Воодушевленные ученіемъ Магомета, который завѣщалъ имъ распространять новую вѣру среди другихъ народовъ, арабы разрушительнымъ потокомъ хлынули на обезсилѣвшую страну и послѣ упорной борьбы завоевали ее.

И вотъ въ 650 г. пала древняя столица Персіи — знаменитый Персеполь, однажды уже разоренный Александромъ Македонскимъ. Теперь вся страна подпала подъ власть арабовъ, и стали управлять ею арабскіе намѣстники. Новые завоеватели силой оружія стали распространять среди побѣжденныхъ свою вѣру: вѣдь каждому воину, павшему на полѣ битвы за распространеніе ислама, Магометъ обѣщалъ вѣчное блаженство въ свѣтломъ раю... И большинство персовъ волей-неволей должны были принять исламъ; иные бѣжали въ Индію, не желая разставаться съ своей мудрой древней религіей. Были и такіе

немногіе смѣльчаки, которые, отказавшись отъ магометанства, все же остались на родинѣ. Побѣдители оставили имъ жизнь, но окружили ихъ презрѣніемъ: имъ запрещено было носить оружіе, съ которымъ никогда раньше не разставался персъ, ихъ заставляли носить особыя одежды въ отличіе отъ мусульманъ; верхомъ они могли ѣздить только на ослахъ и при встрѣчѣ съ магометаниномъ обязаны были уступать ему дорогу...

Но, навязавъ персамъ свою вѣру, жестокіе пришельцы не удовольствовались этимъ: они навязали еще имъ свой языкъ, одежду и обычаи. Мало-по-малу стала гибнуть вся старая письменность персовъ, они стали писать по-арабски, да и обиходная рѣчь ихъ наводнилась арабскими словами. Воодушевленные однимъ лишь стремленіемъ — во что бы то ни стало распространить ученіе Магомета, — невѣжественные, ослѣпленные арабы несли за собой разрушеніе и тьму. Гибли великолѣпныя зданія — драгоценныя памятники древне-персидской образованности, и одни обломки свидѣтельствовали потомъ о ихъ быломъ величіи. И вотъ, недовольство побѣжденныхъ росло и крѣпло, а когда вдругъ представился случай, персы жестоко отомстили своимъ новымъ властителямъ.

Разгорѣлся споръ среди самихъ арабовъ. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Магомета возникли разногласія на счетъ новаго *халифа*, — какъ назывался въ то время духовный и свѣтскій владыка арабовъ. Одни хотѣли видѣть преемникомъ пророка зятя

его Алія, женатаго на дочери Магомета, такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя сыновей; но большинство стояло за выборнаго халифа, и выборъ палъ на тестя пророка, стараго Абу-Бекра. За этимъ послѣдовали еще два выборныхъ повелителя: Омаръ, подъ начальствомъ котораго арабы и завоевали Персію, и Османъ. Только четвертымъ халифомъ былъ избранъ наконецъ Алій. На этомъ и кончился бы, вѣроятно, споръ о наслѣдїи пророка, если бы спустя нѣсколько времени Алій не былъ убитъ и ни одинъ изъ его двухъ сыновей не избранъ въ халифы. Этимъ законнымъ потомкамъ пророка предпочли жестокаго врага Алія, Муавія, и выборъ этотъ рѣшилъ участь будущаго магометанства: послѣдователи великаго Магомета раскололись на два враждующихъ толка, или *секты*, которыя существуютъ и понынѣ.

Когда сторонники Алія вздумали отстаивать права его сыновей, Гуссейна и Гасана, выборные халифы воздвигли на нихъ жестокаго гоненія, и вся семья Алія погибла мученическою смертью. Но это лишь усилило число приверженцевъ несчастныхъ потомковъ Магомета; они упорно отвергали первыхъ трехъ выборныхъ халифовъ, а Алія и его двухъ сыновей стали почитать святыми, твердо вѣруя въ то же время, что Магометъ еще вернется на землю и возстановитъ свое царство. Отнынѣ это непримиримое меньшинство арабовъ стало именоваться *шиитами* ¹⁾, въ отличіе

1) Т.-е. пристрастными.

отъ своихъ противниковъ—*суннитовъ* ¹⁾. И вотъ, лишь только произошелъ расколъ, персы, какъ бы въ отместку своимъ жестокимъ повелителямъ, прикнули не къ ихъ сектѣ, а къ шиитамъ.

Сто лѣтъ спустя (въ 750 г.) персамъ послѣ долгихъ усилій удалось все-таки доставить халифство Аббасидамъ, потомкамъ дяди Магомета, Аббаса. При этихъ правителяхъ поднялось и значеніе ихъ; снова оживаетъ и персидскій языкъ, въ которомъ, однако, и до нашего времени сохранилось много арабскихъ словъ. Народъ мало-по-малу входилъ въ силу и снова рвался къ самостоятельности; помогало персамъ и то, что арабы, упоенные своими побѣдами, стали изнѣживаться и подпали подъ вліяніе тѣхъ изъ покоренныхъ ими народовъ, которые были образованнѣе ихъ. И вотъ персы стали постепенно забирать въ свои руки отдѣльныя области, образовывать изъ нихъ какъ бы намѣстничества, но и тутъ повторили свою прежнюю ошибку: вмѣсто того чтобы дружно сплотиться при видѣ общаго врага, они шли врозь и даже враждовали между собой.

А гроза не заставила себя ждать: не даромъ Персія лежала на пути между Азіей и Европой. Какъ только какая-нибудь дикая азіатская орда устремляла свои жадные взоры на Европу, она уже неминуемо должно была пройти черезъ Иранъ, и

1) Отъ слова *сунна*. Такъ называется толкованіе Корана, составленное по преданіямъ тремя первыми послѣ Магомета халифами, которыхъ сунниты и считаютъ истинными наслѣдниками пророка.

несчастную Персію ожидалъ новый разгромъ. И вотъ въ X вѣкѣ съ Востока появляются вдругъ турки, подъ начальствомъ своихъ князей Газневидовъ¹⁾, которымъ, однако, не удалось прочно утвердиться здѣсь. Уже въ XI вѣкѣ ихъ смѣняютъ болѣе сильныя турки-сельджуки; ихъ дикія орды нагрянули на Иранъ и, разрушая все на своемъ пути, побѣдно прошли вплоть до самаго Багдада — столицы халифа. Этотъ безсильный правитель возвелъ вождя турокъ, Тогрула, въ санъ султана. Подъ власть этихъ новыхъ пришельцевъ и подпала теперь несчастная Персія.

Черезъ нѣсколько времени разоренная страна начинаетъ нѣсколько оправляться благодаря стараніямъ великаго визиря турецкаго султана, умнаго Низам-оль-молька. Но послѣ смерти этого замѣчательнаго человѣка, государство снова начинаетъ разлагаться: поднялись кровавыя междоусобія среди членовъ султанской семьи, ихъ атабековъ (опекуновъ) и намѣстниковъ отдѣльных мѣстностей. Не дремали и внѣшніе враги, и вотъ одно за другимъ начинаютъ ускользать изъ рукъ турокъ-сельджуковъ ихъ владѣнія, пока, наконецъ, не нагрянули монголы и не свергли ихъ владычество.

Это было въ XIII вѣкѣ. Изъ глубины Азіи потянулись дикія орды Чингизъ-хана; опустошительнымъ

¹⁾ Прозвище это они получили отъ имени города Газни, откуда они явились.

потокомъ прошли они черезъ Иранъ, безжалостно разоряя все на своемъ пути. Еще разъ была разгромлена изстрадавшаяся Персія, и монголы черезъ Кавказъ направились въ Россію. А въ 1253 г. ихъ новый великій ханъ, Мангу, вспоминаетъ о несчастной странѣ и посылаетъ брата своего, грознаго Гулагу-хана, съ сильнымъ войскомъ управлять Ираномъ. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное: новые пришельцы вскорѣ же сами подпали подъ вліяніе персовъ, забросили свое язычество и приняли магометанство, а со временемъ сдѣлались и шитами. Теперь уже правитель Персіи Газанъ, какъ правовѣрный, отказался признавать надъ собою хотя бы и слабую власть великаго хана-язычника; онъ торжественно объявилъ себя независимымъ государемъ.

Однако, и эти новые властители не сумѣли прочно удержаться въ Персіи. Безконечныя смуты обезсиливали страну, и лишь въ XV вѣкѣ, съ воцареніемъ персидской династіи Сефевидовъ, для персовъ наступили лучшіе дни. Теперь государственнымъ языкомъ сталъ персидскій, а религіей *шиизмъ*. Сами правители приняли древній титулъ персидскихъ царей *шахин-шахъ* («царь царей»), что такъ нравилось персамъ, напоминая имъ ихъ бывшее величіе и могущество. Подъ знаменемъ шиизма — единой теперь для всей страны религіи — объединились не только персы, но и многочисленные турки, проживавшіе въ Иранѣ. И вотъ на первомъ планѣ начинаетъ выступать въ государствѣ новая разрушительная сила — не

терпимое шиитское духовенство. Оно налагает свою невѣжественную руку на малѣйшее проявленіе свободы въ странѣ, душитъ всякую живую мысль; хирѣетъ богатая персидская литература: писателямъ предоставляется лишь восхвалять въ своихъ сочиненіяхъ духовенство, писать только угодное этимъ темнымъ, ограниченнымъ пастырямъ. Но зато именно благодаря помощи отважныхъ иранскихъ турокъ, сплотившихся теперь съ персами на почвѣ единой вѣры, страна могла выдерживать безпрестанные на- тиски другихъ дикихъ племенъ.

Въ 1586 г. на престолъ вступилъ Аббасъ I Великій. Умный и даровитый, этотъ шахъ много способство- валь государственному устройству Персіи. Онъ пер- вый завелъ постоянное войско, вооруженное огне- стрѣльнымъ оружіемъ, и завелъ сношенія съ Европой. Внутри страны Аббасъ старался поднять торговлю, строилъ много дорогъ, мостовъ, каравансараевъ ¹⁾ и базаровъ. Онъ покровительствовалъ и искусствамъ: новая столица Персіи, Испагань, была украшена прекрасными дворцами и мечетями (храмами), сохра- нившимися и до нашихъ дней. Но устроить прочный порядокъ въ государствѣ было не такъ-то легко, и со смертью Аббаса новыя междоусобія жестоко раздирають Персію.

¹⁾ *Каравансарай* — по-русски означаетъ *караванный домъ*. Такъ называются большія общественныя зданія на Востокѣ, — въ горо- дахъ, на дорогахъ и въ ненаселенныхъ мѣстахъ, — служащія кровомъ и стоянками для путешественниковъ и каравановъ.

Въ 1725 г. угасъ родъ Сефевидовъ, и спустя нѣ- сколько лѣтъ на персидскій престолъ вступаетъ лов- кій выходецъ изъ тюркскаго племени афшаровъ, по имени Надиръ. Этотъ шахъ прославился на весь міръ своими побѣдоносными войнами: онъ очистилъ Пер- сію отъ всѣхъ враговъ, покорилъ богатую Индію, Хиву и Бухару, но зато былъ жестокъ внутри госу- дарства, чѣмъ вызвалъ ненависть къ себѣ даже своихъ афшаровъ, которые въ концѣ-концовъ и убили его (въ 1747 г.). Съ его смертью въ Персіи воцарилась анархія ¹⁾, длившаяся цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. За это время на Востокѣ успѣлъ отложиться Афгани- станъ, подъ главенствомъ Ахмедъ-хана; съ той поры это государство такъ и живетъ своей особой жизнью. А въ остальныхъ частяхъ Персіи шла безконечная вражда то между родственниками Надиръ-шаха, то между начальниками различныхъ тюркскихъ племенъ. На время вражда эта смолкла, и Персія вздохнула свободнѣе, когда, въ 1760 г., власть взялъ въ свои руки вождь племени зендовъ, справедливый и чело- вѣчный Керимъ-ханъ. Но послѣ его смерти опять, по обыкновенію, пошли раздоры между его родствен- никами. Этимъ воспользовался вождь племени *кад- жаровъ*, князь Ага-Мохаммедъ, который послѣ упор- ной борьбы и добился шахскаго престола (въ 1794 г.). Этотъ-то правитель и является родоначальникомъ дома нынѣшняго персидскаго шаха.

¹⁾ Такъ называется безначаліе, когда въ государствѣ нѣтъ ни- какой законной власти.

Въ началѣ XIX столѣтія Персія дважды воевала съ Россіей изъ-за Грузіи и Закавказья, но оба раза неудачно. Какъ выгодный торговый рынокъ, Персія стала привлекать къ себѣ взоры многихъ европейскихъ народовъ, но главнымъ образомъ борьба на этомъ поприщѣ завязалась между русскими и англичанами. Въ 1848 г. на престолъ вступилъ одинъ изъ ближайшихъ къ нашему времени шаховъ, Наср-ед-Динъ. Это былъ первый персидскій правитель, который рѣшился посѣтить Европу. Три раза побывалъ онъ въ этой новой для него части свѣта, посѣтилъ многіе европейскіе дворы и, наглядѣвшись иноземныхъ порядковъ, сдѣлалъ потомъ нѣкоторыя нововведенія и у себя дома. Но всесильное духовенство было противъ него, называло его невѣрнымъ, и шаху трудно было бороться съ нимъ. Да и народъ не любилъ шаха за тяжесть податей, за его жестокость и за тюркское происхождение его рода. Въ 1896 г. Наср-ед-Динъ былъ убитъ въ мечети переодѣтымъ убійцей и на престолъ вступилъ второй сынъ его Музафферъ-ед-Динъ.

Этотъ шахъ не мало заботился о просвѣщеніи народа. Воспитателемъ его былъ Мирза-Низамъ — персіянинъ, получившій европейское образованіе. Самъ шахъ прекрасно говорилъ по-французски и повелѣлъ перевести на персидскій языкъ много книгъ съ нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и русскаго языковъ. Онъ основалъ высшее военное училище въ Тегеранѣ, а въ другомъ большомъ городѣ, Тавризѣ, стала

выходить по его почину и передовая газета, ратовавшая за просвѣщеніе народа. Но мягкій и добрый по природѣ, шахъ былъ неостороженъ въ выборѣ своихъ помощниковъ: первымъ министромъ онъ назначилъ алчнаго, льстиваго принца Эйнедъ-Доуле, прозваннаго Атабекомъ ¹⁾. Это былъ первый случай, когда, вопреки обычаю, на самый главный постъ въ странѣ призывался членъ шахской семьи. Атабекъ началъ свое управленіе съ того, что принялся безсовѣстно грабить народъ, чѣмъ быстро возстановилъ противъ себя большинство населенія. Онъ увеличилъ налоги до невыносимыхъ размѣровъ, въ конецъ разоряя страну; даже привычный ко всякимъ насиліямъ персъ — и тотъ начиналъ терять терпѣніе. Солдатамъ не выдавалось жалованья; они голодали и роптали, пускались въ грабежи, не разъ переходя въ открытое возстаніе. Возмущено было и духовенство: всесильный временщикъ не стѣснялся съ нимъ и были даже случаи, когда уважаемые священнослужители наказывались палками... Ко всему еще цѣны на хлѣбъ и мясо возросли до небывалыхъ размѣровъ: ненасытный Атабекъ бралъ съ кушцовъ огромныя взятки, позволяя имъ произвольно поднимать цѣны. И вотъ долготерпѣніе народа не выдержало и персы возстали. Нашлись народные печальники, которые давно уже страдали за свою родину и видѣли, что корень зла — въ невѣжествѣ и безправіи населенія. Они

¹⁾ То-есть «отецъ народа».

взяли теперь дѣло освобожденія въ свои руки; къ нимъ присоединилось и духовенство, безъ котораго немислимо въ Персіи ни одно серьезное народное движеніе. Видя, что число недовольныхъ растетъ съ каждымъ часомъ, къ нимъ пристали и купцы. Началось мирное народное возстаніе.

Быстро стали закрываться въ Тегеранѣ лавки; жители толпами устремились вонъ изъ столицы и стали собираться въ Шахъ-Абдултъ-Азимѣ — священномъ мѣстѣ мусульманъ. Городъ замеръ. И тутъ впервые шахъ узналъ ту правду, которую отъ него такъ долго скрывали царедворцы. Народъ потребовалъ справедливости, равныхъ для всѣхъ законовъ, отставки Атабека и прочихъ министровъ, которые такъ беспощадно обирали населеніе. Смущенный шахъ вступилъ въ переговоры; онъ обѣщалъ исполнить всѣ желанія народа, лишь бы жители снова вернулись въ опустѣвшую столицу. Народъ возликовалъ, благодарилъ за поддержку духовенство и возвратился въ Тегеранъ. Лавки открылись и жизнь понемногу стала вступать въ прежнія права. Всѣ томительно ждали отставки Атабека, отмѣны налоговъ, но правительство вновь замолчало... Населеніе, однако, не пало духомъ: руководимое своимъ духовенствомъ, оно повело открытую борьбу, порѣшивъ побѣдить или умереть. И вотъ, безъ всякихъ погромовъ и кровопролитій, единственно благодаря дружной сплоченности и одушевленію, персидскій народъ добился своего: 23-го мая 1906 г. возвѣщены были рефор-

мы ¹⁾ и Персія получила народное представительство въ лицѣ своего государственнаго *Меджлиса* ²⁾. Такъ проведена была грань между прошлымъ и настоящимъ и потомки великаго Кира вступили на новый путь.

Нынѣ Персіей править старшій сынъ Музафферъ-эд-Дина, шахъ Магометъ-Али. Этотъ новый правитель вступилъ на опасный путь борьбъ съ разореннымъ народомъ: весною 1908 г. онъ распустилъ Меджлисъ и сталъ править на прежнихъ основаніяхъ. Неправда и незаконіе снова водворились въ странѣ. Съ тѣхъ поръ Персія объята пламенемъ возстанія и анархіи; происходятъ настоящія сраженія съ пушками, ружьями и бомбами между возмущеннымъ народомъ и шахскими войсками, и конца не видать пока этой братоубійственной войнѣ.....

Г л а в а II.

Гдѣ находится Персія.—Ея границы и пространство.—
Климатъ.—Народонаселеніе.

Персидская монархія занимаетъ западную часть Иранскаго плоскогорья и лежитъ въ такъ-называемомъ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ. Границы ея съ сѣвера составляютъ наши русскія владѣнія — Закавказье

¹⁾ Преобразованія.

²⁾ Такъ называется собраніе персидскихъ народныхъ представителей. Собственно, слово это по-арабски означаетъ *засѣданіе*, но персы называютъ еще свой Меджлисъ трогательнымъ именемъ *Идалатъ-Хане* — Домъ Справедливости.

и Туркестанъ, а также Каспійское море, съ запада — Турція и съ востока — Афганистанъ и состоящій подъ англійскимъ покровительствомъ Белуджистанъ; южная же граница вся сплошь морская: Индійскій океанъ, Ормузскій проливъ и Персидскій заливъ. Пространство Персіи равняется приблизительно 1.445.000 кв. вер., а самое положеніе ея почти въ центрѣ Стараго Свѣта — дѣлаетъ ея страну чрезвычайно важною, какъ въ торговомъ, такъ и политическомъ отношеніи. Находясь на пути изъ западной Азіи и отъ береговъ Средиземнаго моря въ южную, восточную и сѣверную Азію, — вплоть до самыхъ береговъ Тихаго океана, а съ другой стороны отъ Чернаго и Каспійскаго морей къ Индійскому океану, — Персія издавна уже сдѣлалась притягательной силой для европейскихъ государствъ и главнымъ образомъ, для Россіи и Англій. Для Россіи, какъ естественной сосѣдки Персіи, имѣетъ еще огромное значеніе и то обстоятельство, что обѣ онѣ какъ бы обнимаютъ всю толщу Стараго Свѣта между Ледовитымъ и Индійскимъ океанами, чѣмъ дѣлятъ его на двѣ части, и вся сухопутная торговля между ними неминуемо должна направляться транзитомъ ¹⁾ черезъ Россію или Персію.

По устройству своей поверхности Персія является страной возвышенной; высокія горныя цѣпи, преимущественно мѣловыя и известковыя, пересѣкаютъ

¹⁾ *Транзитъ* — перевозъ товаровъ изъ одного государства въ другое черезъ промежуточное третье.

ее внутри и окаймляютъ съ сѣвера, запада и юга. Внутри страны средняя высота нагорій доходитъ на западѣ до 4000 футовъ надъ уровнемъ моря, на востокѣ же вдвое меньше. Въ южной Персіи горныя цѣпи постепенно понижаются и, дойдя до Персидскаго залива, круто обрываются въ него, образуя рядъ гористыхъ острововъ, идущихъ вдоль береговъ. Нѣкоторые изъ горныхъ вершинъ и хребтовъ здѣсь, на югѣ Персіи, достигаютъ значительной высоты и имѣютъ причудливую форму, какъ, напр., гора Ширъ-кухъ: высота ея доходитъ до 13.120 футовъ и издали она имѣетъ видъ полосатой шапки.

Въ западной Персіи есть горный хребетъ Сехендъ, который такъ и кишитъ всевозможными цѣлебными водами, но всѣ онѣ, къ сожалѣнію, и понынѣ еще находятся въ самомъ первобытномъ состояніи. Тутъ и холодные и теплые источники, сѣрныя, кислотатые и желѣзистые, и будь мѣстность эта въ рукахъ образованнаго народа, тысячи людей находили бы здѣсь исцѣленіе своимъ недугамъ. Къ сѣверо-востоку отъ Сехенда, между двумя деревнями, находится такъ-называемая «Пещера Александра», гдѣ въ такомъ изобиліи выдѣляется угольная кислота, что случайно забредшія туда животныя быстро умираютъ. Есть старинное преданіе, что здѣсь, въ глубинѣ этой страшной пещеры, Александръ Македонскій зарылъ когда-то свои несмѣтныя сокровища, которыя и оберегаются этими ядовитыми газами.

На восточномъ склонѣ этого же самага горнаго

хребта имѣются богатая залежи серебряно-свинцовой руды съ большой примѣсью серебра; но по какому-то странному недоразумѣнію, жители стараются добывать какъ можно больше свинца, пренебрегая почему-то дорогимъ серебромъ. На сѣверо-востокъ отъ Сехенда протянулись Талышскія горы, поражающія путешественника совершенной противоположностью восточнаго и западнаго склоновъ. Въ то время какъ первый изъ нихъ, благодаря близости моря, покрытъ роскошной дѣвственной растительностью, что вмѣстѣ съ дивнымъ сочетаніемъ красокъ даетъ чудную, величественную картину, второй — западный склонъ — выжженъ солнцемъ и имѣетъ унылый, пустынный видъ.

Что касается климата Персіи, то онъ представляетъ большое разнообразіе, смотря по мѣстности. Въ прибрежной полосѣ и ближайшихъ къ берегу горныхъ цѣпяхъ воздухъ болѣе влажный, — его питаютъ вѣтры, дующіе съ моря: вотъ почему и растительность здѣсь богаче, и вся природа роскошнѣе. Чѣмъ дальше отъ берега тѣмъ горы обнаженнѣе, бесплоднѣе, а внутренняя котловина Персіи представляется уже почти сплошной пустыней. Здѣсь воздухъ сухой и горячій, нѣтъ ни воды ни растительности, повсюду лишь бурый песокъ. А если и попадетъ мѣстами блестящее соленое озеро, то и вокругъ него все голо и пустынно — ни кустика, ни травки. Въ зимнее время на горахъ скопляется масса снѣга, который на цѣлые мѣсяцы затрудняетъ сообщеніе. Позднею осенью изрѣдка вы-

падаетъ дождь; весной бываетъ нѣсколько бурныхъ ливней; зато дожди отсутствуютъ лѣтомъ, за исключеніемъ Каспійскаго побережья и сѣверныхъ склоновъ высокаго Эльбурса. Итакъ, наибольшая часть осадковъ выпадаетъ зимою, въ видѣ снѣга въ горахъ, что очень важно для сельскаго хозяйства: скопившіяся за зиму снѣжныя массы, съ наступленіемъ лѣта, начинаютъ мало-по-малу стаять съ высокихъ горъ и питаютъ каналы, служащіе для искусственнаго орошенія полей.

Внутренняя Персія, которую отъ морей отдѣляютъ многочисленныя горныя цѣпи, очень бѣдна осадками; тутъ воздухъ поразительно сухой, и температура ¹⁾ чрезвычайно неровна. Въ то время какъ въ февралѣ, напримѣръ, стоятъ 20-градусныя морозы, въ іюлѣ жара доходитъ до 40°, а температура почвы и до 56°. Точно такъ же и въ теченіе сутокъ въ жаркое время года можно наблюдать очень рѣзкія колебанія: передъ восходомъ солнца то и дѣло не больше 8° тепла, а послѣ полудня термометръ ²⁾ показываетъ уже 32°. Лѣтомъ жара настолько невыносима днемъ, что караваны совершенно не въ состояніи двигаться; лишь съ заходомъ солнца пускаются они въ путь, совершая свои переходы по ночамъ. И оба побережья Персіи рѣзко отличаются другъ отъ друга по климату: при-

¹⁾ Степень теплоты.

²⁾ *Термометръ*, или градусникъ, — приборъ для опредѣленія степени теплоты или холода различныхъ веществъ, напр. воздуха, воды и т. п. У насъ чаще всего принятъ термометръ Реомюра, котораго мы и придерживаемся здѣсь.

брежье Каспійскаго моря богато осадками, воздухъ тамъ влажный, а слѣдовательно растительность роскошна; многочисленныя ручьи и маленькіе водопады, сбѣгающіе съ высокыхъ горъ Эльбурса и Талыша, прекрасно орошаютъ мѣстность. Наоборотъ, побережье Индійскаго океана и Персидскаго залива замѣчательно своимъ сухимъ и знойнымъ климатомъ, что объясняется близостью огромной Аравійской пустыни.

Такъ же разнообразна и растительность Персіи. Въ знойномъ прибрежьи Персидскаго залива растетъ финиковая пальма, являющаяся огромнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ мѣстнаго населенія. Далѣе, къ сѣверо-востоку, долины между горными цѣпями Загроса покрыты пастбищами, отчасти же фруктовыми садами и цвѣтущими полями; самые склоны горъ одѣты лѣсами и рощами. Чѣмъ дальше отъ Персидскаго залива, тѣмъ бѣднѣе становится растительность, и картина дѣлается все болѣе и болѣе унылой; внутренній сѣверо-восточный склонъ Загроса носитъ уже степной характеръ, постепенно переходящій въ пустыню. Тутъ глазу уже не надъ чѣмъ отдохнуть; лишь рѣдкіе одинокіе саксаулы ¹⁾ да другія солончаковыя растенія разнообразятъ мертвую природу. Но вотъ по южному склону Эльбурса снова потянулись степи, сѣверный же склонъ его, отличающійся обильнымъ орошеніемъ, представляетъ уже роскошную, цвѣту-

¹⁾ Древесная порода въ песчаныхъ и солончаковыхъ мѣстностяхъ. Въ Персіи дерево это не имѣетъ особаго значенія.

щую картину — цѣлое море зелени: тутъ и дубъ, и ясень, пышный грабъ, вязъ, букъ и т. д. Еще болѣе радуется глазъ Каспійское побережье; тутъ кромѣ только что перечисленныхъ растеній появляются еще липа, тополь, клень, каштанъ, тутъ ¹⁾ и масса плодовыхъ деревьевъ; съ успѣхомъ воздѣлывается и рисъ.

Животный міръ представленъ въ Персіи довольно богато и опять-таки разнообразится смотря по мѣстности: внутри страны, съ ея степнымъ и пустыннымъ характеромъ, мы встрѣчаемъ гордаго льва, шакала, гіену, дикаго осла и газелей; далѣе — ящерицъ, скорпионовъ и саранчу. Страшный обитатель лѣсовъ, тигръ, встрѣчается въ области Мазандерана; въ горахъ Эльбурса и Загроса — дикая коза и кабанъ. Изъ другихъ хищныхъ звѣрей въ Персіи водятся волки, медвѣди, лисицы, дикіе бараны и т. д.

Что касается народонаселенія Персіи, то точно опредѣлить его количество невозможно, такъ какъ переписи здѣсь ни разу не производилось. Въ 1860 г. впервые сдѣланъ былъ опытъ всенародной переписи, но дѣло кончилось полной неудачей, поглотивъ лишь огромные безцѣльные расходы. Причиной тутъ является какъ невѣжество народа, его темныя предрассудки, такъ и замкнутость гаремовъ ²⁾: вѣдь туда не допускаются постороннія лица, а слѣдовательно

¹⁾ Шелковичное дерево.

²⁾ Гаремъ, или *эндерунъ*, — женская половина въ персидскомъ домѣ, куда не допускается ни одинъ посторонній мужчина.

точно исчислить населеніе невозможно. Родившимся и умершимъ также не ведется правильной записи, и вотъ, благодаря всѣмъ этимъ недочетамъ, всѣ ученые различно опредѣляютъ число жителей въ Персіи: одни въ 7 — 8 милліоновъ, другіе въ 9 и болѣе. Половину всего населенія составляютъ осѣдлые сельскіе жители, другая половина поровну приходится на горожанъ и кочевыя племена.

Самый составъ населенія чрезвычайно пестрый, и ученые, принимающіеся за изученіе Персіи, встрѣчаютъ тутъ огромныя затрудненія. По мѣрѣ прилива въ Иранъ новыхъ племенъ, коренное населеніе постепенно смѣшивалось съ ними, и вотъ тутъ-то иранцы и утрачивали свои самобытныя черты. Тѣмъ не менѣе главную массу осѣдлаго населенія (60%) составляютъ *персы*. Они разбросаны по всему Иранскому плоскогорью, но всего больше населяютъ провинціи Кирманъ, Фарсистанъ, Гилянъ, Мазандеранъ и Иракъ-Аджми. Это едва ли не самый красивый народъ во всемъ мірѣ. Средняго роста, прекрасно сложенный, стройный и изящный — иранецъ поражаетъ своей благородной осанкой. Правильныя, въ большинствѣ случаевъ, черты лица, черные глаза и волосы, орлиный носъ, маленькій ротъ, дугообразныя брови, часто сходящіяся надъ переносьемъ, красивая черная борода, о которой такъ заботится персъ, — все это дѣлаетъ его однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній природы. Ко всему этому иранецъ услужливъ, добродушенъ и справедливъ; лицо его выражаетъ спокой-

ствіе и кротость; природа наградила его большими способностями. Персъ гордится древностью своего происхожденія, своей старинной образованностью, и съ презрѣніемъ относится къ окрестнымъ народамъ, позднѣе его занявшимъ мѣсто въ исторіи. А сосѣдніе съ Персіей народы во всѣ времена считали персидскій языкъ языкомъ образованнымъ. И понынѣ еще афганецъ или белуджистанецъ, желая щегольнуть своимъ образованіемъ передъ слушателями, непременно заговоритъ по-персидски. Чистокровный типъ перса сохранился, главнымъ образомъ, въ центральныхъ и восточныхъ частяхъ Ирана: недоступность природы не давала проникать сюда чужеземнымъ пришельцамъ и удерживала жителей отъ смѣшенія съ ними. Примѣромъ такой цѣльности могутъ служить *гебры* или *парсы* (такъ-наз. персы-огнепоклонники), число которыхъ доходитъ здѣсь до 9.000 человекъ.

Ближайшими по происхожденію къ персамъ будутъ кочевыя племена *луры* и *курды*. Они также принадлежатъ къ древнѣйшимъ обитателямъ страны и кочуютъ въ горахъ западной Персіи — въ Курдистанѣ и Луристанѣ. Число курдовъ одинъ изъ знаковыхъ этой страны опредѣляетъ въ 675.000 чел., а луровъ — въ 234.000; однако, другіе ученые насчитываютъ послѣднихъ гораздо больше — до 800.000 ч. Часть курдовъ персидское правительство переселило въ другія области государства, главнымъ образомъ, на сѣверо-восточную границу его. Проживая въ неприступныхъ горахъ, эти воинственныя племена

больше всего на свѣтѣ дорожать своей независимостью и слабо подчиняются персидскому правительству.

Потомки древнихъ парянъ — курды извѣстны были еще въ древнѣйшія времена. Они славились тогда своимъ воинственнымъ духомъ и наклонностями

къ разбоямъ, и черты эти сохранили нетронутыми и до нашихъ временъ. И кочуютъ они все въ тѣхъ же дикихъ, неприступныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда кочевали ихъ отдаленные предки. Курды не представляютъ изъ себя одной народности, а дробятся на отдѣльныя, болѣе или менѣе мелкія племена; всѣ они исповѣдуютъ магометанскую вѣру, придерживаясь суннитскаго толка. Своими разбойничьими нападѣніями курды наводятъ трепетъ на сосѣднее осѣд-

лое населеніе и путешественниковъ, наносятъ огромный ущербъ торговлѣ, стѣсняя свободу сношеній. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются скотоводствомъ и владѣютъ большими стадами воловъ, козъ и овецъ. Одежда курдовъ похожа на турецкую ¹⁾, но вмѣсто тюрбана они носятъ высокую шапку изъ краснаго сукна, обвивая ее вокругъ пестрой шелковой шалью. Концы этой своеобразной шапки глубоко спускаются на плечи и украшены шелковыми кистями. Волосы на головѣ и бородѣ бреются; лишь старики носятъ длинныя бороды. Всѣ мужчины прекрасные наѣздники и много занимаются тѣлесными упражненіями, особенно военными; вообще курды отличаются большими способностями, но до нельзя фальшивы. Положеніе ихъ женщинъ несравненно лучше, чѣмъ у персовъ: онѣ не только не носятъ покрывала, но пользуются даже большою свободой; гаремной замкнутости нѣтъ и въ поминѣ. Курды — и мужчины и женщины — большіе любители пѣнія, и между ними не рѣдкость встрѣтить красивые сильные голоса.

Луры кочуютъ южнѣе курдовъ. И они, въ свою очередь, дѣлятся на множество отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои нравы и обычаи, во многомъ отличающіе ихъ отъ другихъ иранцевъ. Какъ и прочіе кочевники, всѣ они лѣтомъ поднимаются въ горы, гдѣ кочуютъ въ строго опредѣленныхъ мѣ-

¹⁾ Бѣлыя шаровары, вышитая куртка съ короткими рукавами, широкій кафтанъ и плащъ.

стахъ, при чемъ пастбищами своими владѣютъ или въ силу обычая, или же приобрѣли ихъ просто путемъ захвата. Они располагаются, обыкновенно, большимъ таборомъ, проживая въ своихъ удобопереносимыхъ кибиткахъ, а съ наступленіемъ зимы спускаются въ долины, чтобъ укрыться отъ холода и вьюгъ. Эти зимнія становища, имѣющія видъ небольшихъ разбросанныхъ деревушекъ, называются *кишлаками*, лѣтнія же носятъ названіе *айлаковъ*.

Къ иранскимъ племенамъ относятся еще и *белуджи*, кочующіе на юго-востокѣ Персіи, численностью до 20.000 чел. Отличаясь огромной физической силой и выносливостью, шутя перенося всевозможныя лишения, белуджи своими постоянными разбоями являются настоящимъ бичомъ для всего юго-востока страны, вплоть до гор. Иезда. Нападенія свои они задумываютъ обыкновенно очень искусно: намѣтивъ опредѣленное мѣсто, они подъ покровомъ ночи неожиданно появляются туда на своихъ быстроногихъ верблюдахъ, забираютъ добычу и несутся вскачь обратно. Быстрота и внезапность — вотъ главныя условія удачи; нечего говорить, что большую службу оказываютъ имъ тутъ и верблюды, которымъ ничего не стоитъ пробѣжать безъ всякаго отдыха сто и больше верстъ. Надо, однако, сказать, что при всѣхъ своихъ дикихъ наклонностяхъ белуджи лишь грабятъ свои намѣченныя жертвы, но не убиваютъ ихъ.

Къ кочующимъ народамъ принадлежатъ также и

арабы — до 260.000 человекъ. Они занимаютъ всю южную прибрежную полосу и особенно населяютъ юго-западную провинцію Хузистанъ, которую часто благодаря этому называютъ еще и Арабистаномъ. И арабы также отличаются своимъ воинственнымъ духомъ, склонностью къ разбоямъ и грабежамъ. Въ провинціи Хорасанъ, на сѣверо-востокѣ Персіи, кочуютъ еще переселившіеся сюда издревле *туркмены*. Незначительное по своей численности — ихъ насчитывается здѣсь всего 55.000 чел. — племя это издавна враждовало съ жителями Хорасана изъ-за горныхъ пастбищъ. И туркменовъ не манитъ собой осѣдлая жизнь, и они охотно предаются грабежамъ, считая такое занятіе лучшимъ удовольствіемъ на свѣтѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторые изъ нихъ вступили на мирный путь, избравъ себѣ занятіемъ хлѣбопашество и земледѣліе. Туркмены дѣлятся на колѣна, а колѣна на роды; и тѣ и другіе находятся въ вѣчной враждѣ между собою.

За персами по численности идутъ тюрко-татары — осадокъ тѣхъ грозныхъ монгольскихъ нашествій, которыя не разъ опустошали Персію и погубили ея былую образованность. Общее число этихъ племенъ равняется въ Персіи 1.700.000 чел., изъ которыхъ около половины кочевники. Населяютъ они сѣверную часть страны; здѣсь климатъ болѣе благопріятствуетъ имъ, чѣмъ знойный климатъ юга; особенно распространены они въ прикаспійскихъ областяхъ — Гилянъ и Мазандеранъ, такъ же какъ и въ Азербейджанъ — къ

востоку отъ озера Урміи. Уступая далеко по численности персамъ, тюркскія племена занимаютъ, однако, важное мѣсто въ политическомъ отношеніи, такъ какъ нынѣшняя династія ¹⁾ принадлежитъ къ тюркскому роду Каджаровъ; благодаря этому и члены этого рода занимаютъ въ странѣ вліятельное положеніе, пользуясь исключительными правами. Слѣдуетъ, однако, сказать, что каджарская династія переняла у персовъ ихъ языкъ, нравы и обычаи, вообще подчинилась вліянію ихъ высшей образованности. Персидская армія также пополняется преимущественно тюркскими племенами; своимъ воинственнымъ духомъ они болѣе подходятъ къ военной службѣ, чѣмъ робкіе, миролюбивые персы. Зато по красотѣ и умственному складу тюрко-татары намного уступаютъ персамъ, напоминая болѣе своихъ западныхъ сосѣдей — ту-рокъ.

Среди кочующихъ народовъ въ Персіи, какъ и повсюду почти, можно встрѣтить и *цыганъ*. Они разсѣяны по всему Ирану, хотя число ихъ и не особенно велико. Кочуютъ они большими таборами — до 300 чел., повсюду предлагая свои услуги по разнымъ мастерствамъ — паяльному, лудильному, кузнечному и т. д. Какъ и у насъ, цыганки занимаются главнымъ образомъ гаданіемъ, повсемѣстно пристають къ туземцамъ, навязываютъ имъ свое искусство загля-

¹⁾ Династія — рядъ царствующихъ государей, происходящихъ отъ одного родоначальника.

дывать будто бы въ будущее челоуѣка, лишь бы заработать лишній грошъ на пропитаніе. Но трудно удается это имъ, и бѣдность цыганъ доходитъ тутъ до того, что они нерѣдко питаются падалью...

Чтобы покончить съ кочевниками Ирана, мы должны сказать, что нѣкоторыхъ изъ нихъ очень привлекаетъ осѣдлая жизнь, и не одинъ кочевой народъ вернулся бы къ мирному земледѣльческому труду, если бы не препятствовали этому персидскія власти: мирные жители, какъ мы увидимъ это ниже, обложены здѣсь такими непосильными поборами, что кочевникъ предпочитаетъ, хотя иногда и скрѣпя сердце, продолжать свою тревожную бродячую жизнь, при которой ему легко ускользнуть отъ цѣпкихъ рукъ жаднаго персидскаго чиновника. Вотъ почему и общее число кочевниковъ непостоянно въ Персіи; оно увеличивается по мѣрѣ притѣсненія властей, и уменьшается, лишь только чувствуется малѣйшее послабленіе съ ихъ стороны. Однако, ученые насчитываютъ здѣсь до 2 милліоновъ всѣхъ кочевниковъ, которыхъ въ отличіе отъ осѣдлаго населенія называютъ въ Персіи *илятами* (т.-е. племенами). Свободно кочуя въ отведенныхъ имъ мѣстностяхъ, эти вольныя дѣти природы пользуются полнымъ самоуправленіемъ, повинуюсь лишь своимъ старшинамъ; они освобождены отъ всякихъ натуральныхъ повинностей и гораздо меньше обременены налогами, чѣмъ осѣдлое населеніе.

Изъ христіанскихъ народовъ въ Персіи про-

живають до 50.000 *армянъ*; бóльшая часть ихъ живеть на крайнемъ сѣверо-западѣ страны, въ окрестностяхъ города Хоя, занимаясь земледѣліемъ. Немало армянъ — купцовъ и ремесленниковъ — разсѣяно по разнымъ торговымъ городамъ; особенно много ихъ въ предмѣстьѣ Испагани и Джульфѣ, куда персидское правительство насильно переселило ихъ изъ древняго города Джульфы, на рѣкѣ Араксѣ. Надо отдать справедливость армянамъ, что между ними довольно широко распространена грамотность; въ Тегеранѣ и Тавризѣ есть даже особія армянскія школы, при чемъ на тавризскую школу русскія власти на Кавказѣ ежегодно отпускаютъ по 550 руб., съ тѣмъ условіемъ, чтобы дѣти непременно обучались русскому языку.

Изъ другихъ христіанскихъ народностей можно встрѣтить лишь немногочисленныхъ представителей различныхъ европейскихъ государствъ, связанныхъ съ Персіей своими служебными или торговыми дѣлами; нѣсколько тысячъ русскихъ подданныхъ живутъ болѣе или менѣе осѣдло въ этой странѣ. Зато здѣсь, на западѣ отъ озера Урміи, проживаютъ издавна *халдеи* (въ числѣ 23.000 чел.), исповѣдующіе несторіанскую вѣру, и *евреи* (19.000 чел.), разсѣянные по разнымъ городамъ, — главнымъ образомъ въ Тегеранѣ, Ширазѣ, Хамаданѣ и Испагани. Въ послѣдней, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, число еврейскихъ лавокъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ. Кромѣ торговли, евреи усердно

занимаются еще и всевозможными ремеслами, а по нѣкоторымъ изъ нихъ это зачастую единственные въ городахъ мастера. Обладая выдающимися медицинскими ¹⁾ способностями, евреи дали Персіи лучшихъ докторовъ и акушеровъ въ странѣ. Музыка, пѣніе и танцы, къ которымъ, по всеобщему признанію, такъ способны евреи, также сосредоточены здѣсь исключительно въ ихъ рукахъ; извѣстно, что восточные народы считаютъ эти искусства унижительными для человѣка, и тѣхъ же взглядовъ придерживаются и персы.

Теперь, когда мы уже знаемъ, какіе народы населяютъ Персію, посмотримъ, чѣмъ они занимаются, какимъ трудомъ поддерживаютъ свое тяжелое подчасъ существованіе

Г л а в а III.

Чѣмъ занимаются персы. — Земледѣліе и искусственное орошеніе полей. — Скотоводство. — Минеральныя богатства. — Ловля жемчуга. — Торговля Персіи съ Россіей и Англіей.

Осѣдлое населеніе Персіи почти исключительно занимается земледѣліемъ и садоводствомъ; скотоводство же стоитъ здѣсь на второмъ планѣ, такъ какъ персидскій земледѣлецъ обходится безъ удобренія. Несмотря на отсутствіе воды и жаркій кли-

¹⁾ Лѣкарскими.

мать, несмотря на недостатокъ годной для посѣвовъ земли, которая равняется здѣсь $\frac{1}{50}$ части всего пространства Персіи, иранцы ухитряются добывать самые разнообразныя продукты и сравнительно въ обильномъ количествѣ.

И тутъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ вселенной, трудъ и терпѣніе человѣка властно подчинили себѣ природу, заставивъ ее повиноваться своей волѣ. Уже съ самыхъ древнѣйшихъ временъ существуетъ въ Персіи *искусственное орошеніе*, безъ котораго не обойтись въ этой бѣдной водой странѣ хлѣбопашцу; въ то время его религія ставила земледѣліе выше всѣхъ занятій на землѣ, повелѣвая усердно орошать поля. И теперь неустанно заботится объ этомъ само населеніе, приходитъ къ нему на помощь и правительство: уже издавна существуетъ здѣсь особая государственная комиссія, вѣдающая всѣ дѣла по орошенію; предсѣдатель ея носитъ громкое имя *мираба*, т.-е. «князя воды». У подошвы горныхъ склоновъ и повсюду, гдѣ только скопляются снѣгъ и дождевая вода, устраиваются задерживающія плотины. Отсюда, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ подъ землю идутъ подземные каналы, развѣтвляющіеся по всѣмъ направленіямъ, гдѣ только нужна вода земледѣльцу. И какихъ неимовѣрныхъ трудовъ, какого искусства стоитъ безропотному землепашцу устройство такого канала! Персъ не знаетъ не только усовершенствованныхъ землечерпательныхъ машинъ, но у него нѣтъ даже самыхъ обыкновенныхъ поря-

дочныхъ инструментовъ. Онъ отважно стоитъ въ въ глубинѣ канала, терпѣливо наполняетъ кожаный мѣшокъ медленно выкапываемою землею и, набивъ его до верху, передаетъ своему помощнику, который и уноситъ ее прочь; черезъ каждые 200 — 300 шаговъ устраиваются шахты, отъ которыхъ идутъ каналы на встрѣчу другъ къ другу. Нечего говорить, что и персидскія рѣки, которыми такъ небогата страна, также призываются на службу сельскому хозяйству: при помощи безчисленныхъ отводныхъ каналовъ, или *арыковъ*, вода изъ нихъ идетъ на искусственное орошеніе полей. Сами жители уже распредѣляютъ воду во время засухи, платя при этомъ опредѣленную сумму правительству за право пользованія казенными каналами.

Невзрачна на видъ пашня трудолюбиваго иранца, бесплодною и каменистою кажется она съ перваго взгляда; но стоитъ лишь сносно обработать ее и пустить по ней воду, какъ хорошій урожай обезпеченъ. Въ особенности это бываетъ послѣ богатой снѣгомъ зимы, дождливой осени и весны: тогда, во время засухи, иранецъ не глядитъ уже съ тоской на небо, ожидая, пока оно сжалится надъ нимъ и пошлетъ благодатный дождь на его изнывающую ниву, а въ нужную минуту просто затопляетъ ее водою — и труды его не пропадаютъ даромъ. Однако, несмотря на свой поистинѣ богатырскій трудъ, персидскій пахарь не благоденствуетъ здѣсь. Вѣдь въ Персіи, главнымъ образомъ, преобладаетъ крупное

земельное хозяйство, и первым землевладельцем является казна. Она владеет огромными пространствами, приобретенными как путем завоевания, так чаще всего и конфискацией ¹⁾. Земли эти частью розданы за какія-либо заслуги разным государственным людям или просто любимцам шаха, но немалая часть ихъ отведена и кочевникамъ, съ обязательствомъ поставлять за это определенное количество конницы.

За казенными землями слѣдуютъ по величинѣ такъ наз. *вакуфы*, — богатые помѣстья, принадлежащія духовенству; находятся они при мечетяхъ ²⁾, медресахъ ³⁾, различныхъ богоугодныхъ заведенійхъ. Тутъ количество земель все растетъ да растетъ какъ благодаря пожертвованіямъ богобоязненныхъ людей, такъ и хитрымъ обходамъ алчныхъ персидскихъ чиновниковъ. Боязнь народнаго гнѣва заставляетъ ихъ скрывать свое большое состояніе, добытое безчестными поборами, и вотъ они входятъ въ тайныя сдѣлки съ духовенствомъ: отдавая вакуфамъ свое движимое или недвижимое имущество, они за это выговариваютъ себѣ определенную сумму, соотвѣтственно величинѣ имѣнія. Было въ исторіи персовъ время, когда такимъ образомъ вся частная собственность перешла въ руки духовенства, но

1) Отнятіе имѣнія въ пользу казны.

2) Магометанскіе храмы.

3) Высшія школы, откуда выходятъ ученые богословы; построить такую школу считается у магометанъ дѣломъ богоугоднымъ.

тутъ въ дѣло вмѣшался тогдашній шахъ Надиръ, который отобралъ у церкви большую часть помѣстій. Это было въ XVIII вѣкѣ. Однако, съ тѣхъ поръ государственная машина въ Персіи дѣйствовала все въ томъ же направленіи, почему и послѣдствія получились такія же плачевныя: нынѣ земельныя богатства мечетей вновь разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ, и народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новыхъ, болѣе справедливыхъ порядковъ, которые утолятъ, наконецъ, его земельный голодъ.

Нечего говорить, что положеніе персидскаго крестьянина мало чѣмъ отличается при такомъ порядкѣ вещей отъ положенія крѣпостного: своей земли у него нѣтъ, и онъ вынужденъ арендовать ее. Здѣсь собственники имѣній не любятъ возиться съ землей и охотно сдаютъ ее въ аренду, предпочитая получать доходъ безъ особыхъ хлопотъ. Съ перваго взгляда условія аренды какъ-будто бы и выгодны въ Персіи: владѣлецъ предоставляетъ здѣсь арендатору сѣмена для посѣва, скоть, всѣ необходимыя земледѣльческія орудія, да еще право пользоваться искусственнымъ орошеніемъ. Но всѣ эти заманчивыя условія разсѣиваются какъ дымъ, если принять во вниманіе, что арендаторъ обязанъ за все это уплатить владѣльцу земли отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ своего дохода ¹⁾. Если принять во вниманіе, что въ Персіи,

1) При этомъ почти $\frac{3}{4}$ арендной платы онъ выплачиваетъ натурой.

гдѣ вообще отсутствуетъ всякій справедливый и правильный строй, землевладѣльцы позволяютъ себѣ всякіе незаконные поступки съ своими арендаторами, то легко понять, почему злополучному пахарю то и дѣло приходится бросать хозяйство и искать счастья въ другихъ мѣстахъ.

Поборы съ земледѣльца поистинѣ невыносимы здѣсь; ни неурожай, ни саранча или другое какое-либо бѣдствіе во вниманіе не принимаются, и въ голодные годы нерѣдко были случаи, когда оставленное на произволъ судьбы населеніе повально вымирало, и число жителей въ Персіи сокращалось на половину. Такъ было еще, на примѣръ, сравнительно недавно — въ 1880 г. Правительственныхъ запасовъ на случай неурожая не полагается въ Персіи; такъ же беззаботно относится къ этому вопросу и самъ крестьянинъ, ничего не сберегая отъ своего избытка. «Все равно, — справедливо разсуждаетъ онъ, — явятся сборщики податей или солдаты (и эти защитники народа и отечества не особенно церемонятся здѣсь!) и отнимутъ запасенное добро». Постоянный государственный оброкъ очень чувствителенъ въ Персіи, — онъ составляетъ $\frac{1}{5}$ дохода съ земли; но ужаснѣе всего, что еще столько же взимаютъ въ свою пользу и сборщики податей да разные высокопоставленные чиновники.

Чтобы покончить съ земельнымъ вопросомъ, мы должны упомянуть еще, что, согласно международнымъ договорамъ, иностранцы лишены въ Персіи

права пріобрѣтать земельную собственность. Исключенія составляютъ лишь иностранныя посольства и лица, занимающіяся какими-нибудь обширными предпріятіями; но и въ такихъ случаяхъ испрашивается каждый разъ особое разрѣшеніе персидскаго правительства.

Туго прививается всякое новшество къ темному персу-крестьянину: усовершенствованныя земледѣльческія орудія совершенно неизвѣстны ему, и обрабатываетъ онъ землю свою такимъ же первобытнымъ способомъ, какъ это дѣлали его далекіе предки за 2000 лѣтъ тому назадъ... Соха, на примѣръ, представляетъ собою деревянную основу съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Не лучше обстоитъ дѣло и съ бороной: нерѣдко ее замѣняетъ рядъ досокъ, усаженныхъ острыми кремнями, а то и просто пучокъ прутьевъ. Зато персіанинъ прекрасно владѣетъ лопатой, которая служитъ ему самымъ важнымъ орудіемъ въ садоводствѣ и огородничествѣ. Наша коса совершенно неизвѣстна здѣсь земледѣльцу: и косятъ и жнутъ однимъ и тѣмъ же прямымъ длиннымъ серпомъ. Интересенъ и способъ молотьбы, для чего выбирается обыкновенно подходящій токъ прямо въ открытомъ полѣ. Выравнивъ его тяжелымъ деревяннымъ валькомъ, наваливаютъ колосья въ ладонь вышиною и пускаютъ по току сани, запряженные ослами или волами. На передкѣ саней помѣщаются два человѣка; сзади къ полозьямъ приспособлены два валька, утыканые вкось желѣзными пальцами. И вотъ хитро-

умная машина эта пускается въ ходъ; тутъ все работаетъ — и живое и мертвое... Полозья саней и копыта животныхъ выдавливаютъ зерно изъ колосьевъ, между тѣмъ какъ вальки одновременно крошатъ солому. Обмолоченное зерно сохраняется въ глубокихъ ямахъ, обложенныхъ для защиты отъ сырости соломой; этою же послѣднею обильно покрывается потомъ зерно и сверху.

Изъ зерновыхъ хлѣбовъ, воздѣлываемыхъ въ Персіи, первое мѣсто принадлежитъ пшеницѣ, преимущественно озимой; сѣется она больше всего въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ и въ Хорасанѣ, гдѣ почва и климатъ особенно способствуютъ ея произрастанію. Персія прекрасно могла бы обходиться своимъ собственнымъ хлѣбомъ, не нуждаясь ни въ вывозѣ своего, ни въ привозѣ чужого; но хозяйственныя неурядицы страны, въ видѣ отсутствія путей сообщенія и точныхъ свѣдѣній объ общемъ урожаѣ, ведутъ къ тому, что пограничныя мѣстности торопятся сбыть свой хлѣбъ за границу. Печальнымъ послѣдствіемъ этого являются голодовки, которыя, какъ и въ другихъ странахъ, нерѣдко заканчиваются народными волненіями.

На ряду съ пшеницей, въ тѣхъ же самыхъ провинціяхъ, сѣется и ячмень, который идетъ, главнымъ образомъ, въ кормъ лошадямъ. Овесъ совершенно неизвѣстенъ персамъ, и врядъ ли даже они подозреваютъ о его существованіи. Въ противоположность пшеницѣ, которая любитъ низкія, обильно орошае-

мая мѣста, рожь растетъ только въ высокихъ горныхъ мѣстностяхъ. Рисъ составляетъ любимую пищу населенія, и нѣкоторые сорта его славятся далеко за предѣлами родины; посѣвы его очень распространены въ Персіи повсюду, гдѣ близость рѣкъ позволяетъ затоплять рисовыя поля; но болѣе всего его разводятъ въ жаркихъ и влажныхъ прикаспійскихъ провинціяхъ, откуда онъ вывозится въ значительномъ количествѣ и въ Россію. Въ южныхъ провинціяхъ, напротивъ, чувствуется недостатокъ риса для мѣстнаго потребленія, и его много ввозятъ изъ Индіи.

Время посѣва въ Персіи неодинаково для всей страны и зависитъ, конечно, отъ мѣстныхъ условій но, во всякомъ случаѣ, оно не позже октября. То же самое можно сказать и о созрѣваніи хлѣбовъ. Если къ сѣверу отъ Тегерана — столицы Персіи — хлѣбъ начинаютъ снимать съ іюня мѣсяца, то въ южныхъ провинціяхъ поля убраны уже къ маю, и хлѣбъ тотчасъ же уступаетъ здѣсь мѣсто разнообразнымъ прекраснымъ сортамъ дынь или картофеля. Послѣдній раньше не былъ знакомъ персамъ и привился лишь въ послѣднее время, но жители оцѣнили его вкусъ и питательность, и съ каждымъ днемъ употребленіе его растетъ, въ особенности на сѣверѣ страны.

Что касается овощей, то персамъ прекрасно знакомы всѣ произрастающіе у насъ виды, а нѣкоторые изъ нихъ пользуются здѣсь заслуженною почетною славой. Таковы, напр., персидскіе сорта лука, замѣчательно нѣжнаго и пріятнаго на вкусъ;

мѣстами онъ достигаетъ величины большого сочнаго яблока; великолѣпны и огурцы, въ большомъ количествѣ заготавливаемые въ прокъ. Тыквъ здѣсь также множество сортовъ, при чемъ и кожа ихъ не пропадаетъ даромъ у персовъ: она служитъ сосудомъ для воды.

Славится Персія и своими фруктами, которыхъ здѣсь великое разнообразіе. Многіе изъ нихъ очень высокаго качества и пользуются такою извѣстностью, что успѣшно соперничаютъ на мировомъ рынкѣ съ плодами другихъ странъ. Великолѣпны здѣсь арбузы, особенно въ Мазандеранѣ, и дыни — ананасныя и туркестанскія; есть особый сортъ дынь, — желтовоскового цвѣта и очень сладкій на вкусъ, — такъ называемый *гермекъ*; это скороспѣлка, поспѣвающая уже въ іюнь. Въ противоположность европейцамъ, персы ѣдятъ дыню безъ сахара, удивляясь странному чужеземному вкусу.

И виноградниками Богъ не обидѣлъ страну. Персы съ необыкновенной любовью ухаживаютъ за своими разнообразными сортами винограда, всячески защищая ихъ отъ вредныхъ вліяній, главнымъ же образомъ, — отъ жары и вѣтровъ. Не на одно вино идетъ здѣсь виноградъ: въ большомъ количествѣ онъ сушится и вывозится за границу, въ томъ числѣ и къ намъ въ Россію, гдѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ *кишмиша*. Великолѣпны въ Персіи апельсины, лимоны, айва ¹⁾, гранаты, такъ освѣжающіе въ лѣт-

¹⁾ Айва — крупный жесткій плодъ, наподобіе большого зеленого яблока, терпкій и кислый на вкусъ; въ сыромъ видѣ не употре-

ній зной; очень крупны здѣсь персики ¹⁾, дивные на вкусъ; прекрасны орѣхи, фисташки и миндаль. Но зато привычныя намъ вишни, груши, яблоки и сливы на много уступаютъ здѣсь европейскимъ сортамъ: слишкомъ жарко имъ здѣсь, не балуетъ ихъ климатъ Персіи, и лишь въ высокихъ горныхъ мѣстахъ, гдѣ они могутъ медленно вызрѣвать, можно встрѣтить и хорошіе сорта.

Съ большимъ успѣхомъ разводятъ персы и табакъ; дѣло это поставлено у нихъ такъ умѣло, что продуктъ этотъ вывозится даже за границу — въ Турцію, Египетъ, Аравію и Закавказье. Впервые табакъ сталъ извѣстенъ здѣсь въ самомъ концѣ XVI ст. (1599 г.), когда его привезли сюда изъ Индіи португальцы. Мѣстами разводится прекрасный папиросный табакъ (около Решта); въ другихъ, преимущественно сухихъ мѣстностяхъ внутренней Персіи, воздѣлываются особые сорта для кальяна ²⁾ и для куренія въ трубкахъ. По свидѣтельству знатоковъ этой страны, куреніе табака тамъ очень развито нынѣ; курятъ не только мужчины, но и женщины, даже дѣти съ 7—8-лѣтняго возраста. Въ 1890 г. одно англійское общество сдѣлало, было, попытку ввести здѣсь табачную моно-

бляется. Варенье изъ айвы очень вкусно и отличается тонкимъ, нѣжнымъ ароматомъ.

¹⁾ Хотя самое названіе персиковъ и указываетъ на Персію, какъ бы на первоначальную ихъ родину, однако, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ ученыхъ, родина этого прекраснаго плода — Китай.

²⁾ *Кальянъ* — приборъ для куренія табака, употребляемый на Востокѣ; въ немъ дымъ проходитъ черезъ воду.

полю 1), но потерпѣло полную неудачу. Хотя общество это и выхлопотало у шаха единоличное право на приготовленіе, продажу и покупку всевозможныхъ сортовъ табака, но повело это дѣло настолько неудачно, что возстановило противъ себя все населеніе. Въ Персіи огромное вліяніе на народъ имѣеть духовенство, а его-то и не подумали англичане привлечь на свою сторону. И вотъ муллы стали возбуждать и безъ того уже недовольное населеніе противъ англійскаго общества, объявивъ, что всякій, кто только купитъ табакъ въ монополіи — будетъ *неджесъ*, т.-е. нечистый. Дѣло дошло до настоящаго табачнаго бунта: возставшій народъ уничтожилъ табачныя лавки и нанесъ огромные убытки англичанамъ. Шахъ принужденъ былъ отнять у общества данныя ему права, но возмѣстилъ причиненные убытки.

Неизмѣнно увеличивается съ каждымъ годомъ и производство мака, изъ котораго готовятъ опиумъ 2). Сами персы мало употребляютъ этотъ страшный ядъ, а, главнымъ образомъ, вывозятъ его въ Китай, гдѣ онъ цѣнится очень высоко. Персы настолько усердно занялись разведеніемъ мака, что во многихъ мѣстахъ совершенно перестали сѣять

1) Торговля или промыселъ, захваченные исключительно въ одні руки.

2) *Опиумъ* — одинъ изъ сильныхъ ядовъ; употребляется во врачебной наукѣ, какъ средство, усыпляющее боль. На Востокѣ многие народы, особенно китайцы, ѣдятъ и курятъ опиумъ до опьяненія и постепенно доходятъ до огромныхъ приѣмовъ этого страшнаго яда.

пшеницу и рисъ. И вотъ при отсутствіи подвоза этихъ необходимыхъ припасовъ здѣсь частенько-таки наступаютъ голодовки. Самое добываніе опиума очень несложно. Обыкновенно въ концѣ мая, когда маковыя головки уже достаточно подросли, ихъ надрѣзываютъ и вытекающую изъ нихъ жидкость собираютъ въ сосуды. Здѣсь остается она, пока не высохнетъ и не превратится въ густую массу, изъ которой потомъ уже и изготовляются плитки различной величины.

Когда-то процвѣтало въ Персіи и сахарное производство, но въ настоящее время оно значительно пало и съ каждымъ годомъ уменьшается, такъ что сахара не хватаетъ даже на свои внутреннія потребности и приходится ввозить изъ-за границы; поставщиками тутъ являются Россія и Франція. Издавна славилось и шелководство въ Персіи, сосредоточенное, главнымъ образомъ, въ прикаспійскихъ провинціяхъ, хотя оно довольно широко распространено и въ Хорасанѣ, Азербейджанѣ и внутри страны. Но около полвѣка тому назадъ мѣстами на шелковичныхъ червей появилась болѣзнь, истребившая почти $\frac{2}{3}$ всего числа ихъ. Шелководство пало; на многіе годы захирѣла потому эта важная отрасль народнаго хозяйства, пока на помощь не явилась въ 1889 году одна греческая компанія, которая научными средствами сумѣла оздоровить это дѣло. Мало-по-малу шелководство стало снова возрождаться, и теперь съ каждымъ годомъ шелку вывозится все

больше въ разныя страны Европы, въ томъ числѣ и къ намъ, въ Россію.

Довольно развито въ Персіи и хлопководство, но, къ сожалѣнію, эта важная отрасль промышленности донинѣ еще поставлена здѣсь довольно первобытно. Ни въ дѣлѣ очистки хлопка, ни въ прессовкѣ его, какъ, впрочемъ, и во всемъ производствѣ вообще, — персы не имѣютъ понятія о тѣхъ усовершенствованныхъ приемахъ, которые употребляются, напр., американцами. Правда, персидскій хлопокъ стоитъ выше турецкаго, но до американскаго ему еще очень далеко. Надо надѣяться, что въ будущемъ на это важное подспорье народнаго хозяйства будетъ обращено здѣсь больше вниманія, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были уже сдѣланы удачныя опыты съ посадкой американскаго хлопчатника. Главнымъ образомъ хлопководство распространено въ западной Персіи, Хорасанѣ и Мазандеранѣ.

На берегахъ Сефидъ-руда, одной изъ крупныхъ рѣкъ страны, впадающей въ Каспійское море, существуютъ обширныя оливковыя рощи, но опять-таки еще до сихъ поръ масло добывается здѣсь самымъ несовершеннымъ способомъ, такъ что не употребляется въ пищу, а большею частью идетъ на изготовленіе мыла. Въ Персіи не рѣдкость еще встрѣтить пространныя поля, засѣянныя дивными розами; путникъ съ восхищеніемъ смотритъ на это богатство красокъ, съ наслажденіемъ вдыхаетъ тонкій ароматъ и дивится на эту щедрость природы. Но труженику-

персу некогда любоваться этой красотой: не для нѣги и самоуслажденія служить ему это море благоухающихъ цвѣтовъ, а для будничнаго расчета, для тяжкаго труда. Персы большіе мастера на изготовленіе духовъ, а персидская розовая вода считается лучшею въ мірѣ. И вотъ, чтобы приготовить одинъ лоть розовой воды, терпѣливый труженикъ долженъ извести около 20 тысячъ розъ; но вѣдь онъ продастъ его за 80, а то и больше рублей — сумма огромная для него. И, несмотря на такую высокую цѣну, розовая вода расходуется въ большомъ количествѣ, и дѣло это считается очень прибыльнымъ въ Персіи.

Славится еще Иранъ обиліемъ цѣлебныхъ и красивыхъ растений, не обиженъ и прекрасными лѣсами. Особенно богаты ими сѣверные склоны Эльбурса, который такъ красуется своими густыми дѣвственными орѣховыми, буковыми, дубовыми и другими лѣсами. На орѣховое дерево существуетъ здѣсь большой спросъ за границу, такъ же какъ и на особый родъ чрезвычайно цѣннаго пальмоваго дерева, которымъ очень богаты провинціи Гилянъ и Мазандеранъ. Къ сожалѣнію, пальмовый промыселъ взяло здѣсь въ аренду одно греческое общество, выручившее на немъ огромныя капиталы: оно такъ усердно принялось разрабатывать его, что въ короткий 7-лѣтній срокъ почти совершенно уничтожило пальмовыя лѣса.

Покончивъ съ земледѣліемъ во всемъ его разнообразіи, обратимся теперь къ скотоводству. Эта

важная отрасль персидскаго хозяйства поставлена здѣсь много выше земледѣлія. Да и неудивительно: мы знаемъ вѣдь, что въ Персіи немало кочевыхъ племенъ, а главное богатство ихъ — стада. Кочевникъ не жалѣеть ни силъ ни заботъ, чтобы не только сохранить, но и улучшить свои породы лошадей, верблюдовъ, козъ, овецъ и пр. Стоитъ только вспомнить о знаменитыхъ туркменскихъ, арабскихъ, карабахскихъ или ширазскихъ кровныхъ лошадяхъ, которыя своею красотой, силой и выносливостью извѣстны всему міру. Особенно неутомима туркменская лошадь: на улучшеніе ея породы персидскіе государи положили не мало неусыпныхъ заботъ.

Но, какъ извѣстно, дороже лошади для кочевника незамѣнимый двугорбый верблюдъ, на которомъ онъ во время перекочевокъ перевозитъ свою семью и весь свой домашній скарбъ. Это кроткое, неприхотливое животное оказываетъ здѣсь неоцѣнимыя услуги человѣку. Особенно много верблюдовъ въ юго-восточныхъ провинціяхъ, отличающихся сухимъ климатомъ. Кромѣ двугорбаго, встрѣчаются и одногорбые верблюды, или *дромадеры*; ихъ выносливость и быстрота бѣга высоко цѣнятся въ этой странѣ. Въ восточныхъ провинціяхъ Персіи почтовые гонцы посылаются верхомъ на дромадерахъ, которые шутя переносятъ огромные переѣзды по песчанымъ, безлюднымъ пустынямъ. Если вспомнить, что вся торговля въ этой странѣ производится караванами, то понятно будетъ, насколько неоцѣнимы услуги вер-

блюда тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ровныхъ мѣстахъ — о переходѣ черезъ равнины или пустыни. Тутъ вы встрѣтите порою караванъ въ нѣсколько сотъ верблюдовъ, нагруженныхъ товарами. Терпѣливо и покорно несутъ они свою тяжелую и вѣрную службу человѣку, и неудивительно, что персы такъ много заботятся объ улучшеніи породы этихъ незамѣнимыхъ помощниковъ

своихъ. Кромѣ того, верблюды доставляютъ еще и шерсть, отличающуюся мягкостью, тонкостью и длинной волоса; весной, во время линянія, ее собираютъ пучками и изготовляютъ изъ нея войлоки, производство которыхъ очень распространено въ Персіи. Въ сыромъ видѣ верблюжья шерсть вывозится и въ Европу.

Для перевозки вьюковъ, такъ же какъ и для верховой ѣзды, персы пользуются еще и ослиами, которые соотвѣтственно этому и бываютъ здѣсь двухъ породъ:

болѣе крупныя — для верховой ѣзды и маленькія, зато болѣе выносливыя, — для перевозки тяжестей; своей силою славятся еще въ Персіи и такъ-наз. испаганскія мулы ¹⁾. Во время афганскихъ и абиссинскихъ войнъ англичане пользовались ими въ большомъ количествѣ, находя ихъ весьма полезными для своей артиллеріи. Въ западной, гористой части Ирана на мулахъ перевозятся товары: здѣсь вмѣсто широкихъ дорогъ лишь узкія, едва проходимыя тропинки, къ которымъ уже не приспособлены верблюды.

Рогатый скотъ въ Персіи почти ничѣмъ не отличается отъ нашихъ породъ, но онъ идетъ здѣсь больше для работы, чѣмъ на убой: персы не особенные поклонники мяса, и единственную мясную пищу жителей составляетъ баранина; вотъ почему овцеводство здѣсь очень распространено. У кочевниковъ не рѣдкость встрѣтить большія стада овецъ, часто съ очень толстыми курдюками ²⁾. Молодые ягнята доставляютъ очень цѣнныя смушки; шерсть же взрослыхъ овецъ цѣнится ниже, такъ какъ отличается жесткостью и грязновато-бурымъ цвѣтомъ, почему годится только для выработки грубыхъ тканей. Больше всего овцеводствомъ занимаются въ Курдистанѣ, Ардиланѣ, Луристанѣ, Хорасанѣ и Керманѣ. Несмотря на значительное потребленіе внутри страны, изъ Персіи

¹⁾ Порода эта получается отъ скрещиванія испаганскихъ жеребцовъ съ ослицами.

²⁾ *Курдюкъ* — жировой мѣшокъ на хвостѣ у особой породы курдючныхъ овецъ, доходящій нерѣдко до 1 — 2-хъ пудовъ вѣсомъ.

вывозится еще довольно много живыхъ овецъ, шерсти и овчинъ. Въ прикаспійскихъ провинціяхъ, гдѣ влажный климатъ не благопріятствуетъ овцеводству, разводится много буйволовъ, употребляемыхъ при земледѣльческихъ работахъ. Повсюду въ избыткѣ разводятся и козы, доставляющихъ вкусное молоко и прекрасную шерсть; болѣе грубые сорта ея идутъ на бечевки и на шатры для кочевниковъ, изъ болѣе же нѣжныхъ выдѣлываются различныя ткани и тонкія войлоки. Въ окрестностяхъ Мешхеда и Кермана разводятся цѣнныя кашмирскія козы; изъ пуха ихъ изготовляются знаменитыя персидскія шали, которыя въ большомъ количествѣ вывозятся въ Индію.

Природа наградила Персію обширными минеральными богатствами: обильныя залежи свинца, желѣза, мѣди скрываются въ ея нѣдрахъ; въ горахъ Эльбурса встрѣчается и каменный уголь, но все это почти не разрабатывается. Все побережье Персидскаго залива изобилуетъ и нефтяными источниками, которые встрѣчаются, впрочемъ, и въ другихъ мѣстностяхъ; но о качествѣ нефти судить очень трудно, такъ какъ подробно ее не изслѣдовали — по крайней мѣрѣ до недавняго времени; очень богата Персія и солью.

Говоря о занятіяхъ жителей, нельзя умолчать и о ловлѣ жемчуга. Промыселъ этотъ составляетъ важную статью дохода прибрежнаго населенія многихъ острововъ Персидскаго залива; обиліе жемчужинъ объясняется здѣсь существованіемъ прѣсныхъ клю-

чей. Въ теченіе всего лѣта, отъ восхода до заката солнца, прибрежные жители работаютъ, не покладая рукъ. Трудъ водолаза крайне изнурительный, быстро подтачивающій его здоровье, и вотъ изъ цвѣтущаго, сильнаго человѣка въ нѣсколько лѣтъ получается никуда негодный инвалидъ — слѣпой, слабый и больной. Но неумолимая нужда сильнѣе человѣческой воли: она загоняетъ шахтера въ глубь земли, гдѣ онъ проводитъ большую часть своей короткой жизни вдали отъ Божьей красоты солнца, нерѣдко находя себѣ тамъ и безвременную могилу; она же гонитъ и водолаза въ пучину моря, гдѣ, въ погонѣ за цѣнной жемчужиной, онъ спускается нерѣдко до 15 сажень въ глубину... Смазавъ предварительно ушныя отверстия, чтобы не залила ихъ вода, вставивъ въ носъ роговую трубку, персъ отважно ныряетъ на свой опасный промыселъ; а есть вѣдь такіе смѣльчаки, что остаются подъ водой до пяти и болѣе минутъ. Схвативъ дорогую добычу, счастливый ловецъ выплываетъ наружу и послѣ короткой передышки снова скрывается въ морской пучинѣ... Страшно подумать, сколько загубленныхъ жизней, сколько человѣческаго горя и нужды таитъ въ себѣ каждая нитка драгоценнаго жемчуга, которая такъ манитъ къ себѣ взоры беззаботныхъ красавицъ, завистливо поглядывающихъ на роскошныя витрины ювелирныхъ магазиновъ! Съ особенной опасностью сопряжена добыча крупныхъ жемчужинъ, которыя и попадаютъ гораздо рѣже да и водятся только въ самыхъ глубокихъ

мѣстахъ¹⁾. Въ довершеніе всего, на прибрежныхъ жителей, занимающихся этимъ гибельнымъ промысломъ, нерѣдко нападаютъ еще морскіе разбойники, лишаящіе ихъ не только дорогой добычи, но порою и жизни. И вотъ, для охраны ловли жемчуга, начальство одного изъ острововъ высылаетъ вооруженныя суда, за что съ каждой лодки взимается отъ 6 до 10 жемчужинъ. Торговля жемчугомъ идетъ бойко внутри страны, и немало его вывозится за границу, преимущественно въ Индію и Турцію; изъ послѣдней онъ уже расходуется и по другимъ странамъ Европы. Ежегодный уловъ жемчуга приноситъ жителямъ до 24 милліоновъ рублей дохода.

Гонитъ нужда перса и на чужую сторону: на волжскихъ пристаняхъ, въ Баку на нефтяныхъ промыслахъ — не мало персидскихъ рабочихъ. Работаютъ они не покладая рукъ, довольствуются малымъ, стараясь сколотить какъ можно больше деньжонокъ, и снова вернуться домой. Горячо любятъ персы свою родину: вѣдь до сихъ поръ еще иной изъ нихъ не шутя вѣритъ, что она самая сильная, самая образованная страна въ мірѣ!..

Намъ остается еще сказать о самой важной для насъ статьѣ — торговлѣ Персіи съ иностранными государствами. Уже въ XV вѣкѣ Россія обратила вниманіе на эту страну, и тогдашній царь Іоаннъ III

¹⁾ Одна такая рѣдная жемчужина имѣется у персидскаго шаха: она величиною съ голубиное яйцо и стоитъ 10 милліоновъ на наши деньги.

впервые снарядилъ торжественное посольство къ персидскому шаху. Въ царствованіе же Іоанна Грознаго, послѣ покоренія Астрахани, гдѣ оказалось не мало купцовъ персидскихъ подданныхъ, между русскими и персами сами собою завязались торговля сношенія, которыя, какъ извѣстно, соединяють два народа прочнѣе всякихъ посольствъ.

Но особенно много послужилъ дѣлу сближенія между Россіей и Персіей дальновидный Борисъ Годуновъ. Этотъ умный царь понялъ, какое огромное значеніе можетъ имѣть для насъ торговля съ Персіей, хотя въ то отдаленное время Россія еще не была ея непосредственной сосѣдкой: между обоими государствами стояла тогда еще самостоятельная Грузія¹⁾. Годунову удалось добиться формальнаго соглашенія между двумя странами и не только въ торговомъ, но и политическомъ отношеніи: рѣшено было, что въ случаѣ столкновенія съ турецко-татарскими войсками, оба союзника должны «стоять заодно крѣпко и неподвижно на вѣки». Съ годами дружба между двумя странами упрочивалась все больше, хотя въ свое время она не спасла насъ и отъ военныхъ столкновеній съ Персіей.

Позднѣе и другія европейскія государства устремили свои завистливые взоры на Персію, какъ на выгодный рынокъ для сбыта своихъ издѣлій: вѣдь промышленность и понынѣ еще слабо развита въ этой странѣ, и она не можетъ обойтись безъ чужихъ

¹⁾ Россія приняла въ свое подданство Грузію лишь въ 1801 году.

товаровъ. Франція, Германія, Австро-Венгрія и Турція — всѣ они стремились завязать прочныя торговля сношенія съ Персіей; мечтали о томъ же и нѣкоторыя азіатскія страны — Афганистанъ, Бухара и Индія. Но лишь двумъ сильнымъ государствамъ удалось прочно укрѣпиться въ Персіи, два могучихъ великана тѣсно сошлись въ ней и смѣло стали лицомъ къ лицу — Россія и Англія. И вотъ между двумя великими европейскими странами завязалась хотя и мирная, но долгая и упорная борьба изъ-за первенства въ Персіи, принимавшая порою довольно ожесточенный характеръ.

Но наше близкое сосѣдство съ Персіей давало намъ огромный перевѣсъ въ этой борьбѣ. Въ то время какъ мы прекрасно сбывали свои товары по сухопутной кавказской границѣ, Каспійскому морю, а впоследствии и по Закаспійской жел. дорогѣ — Англіи приходилось изыскивать всевозможные пути съ востока и запада, чтобы успѣшно соперничать съ нами. Къ тому же и персы подозрительно встрѣчали эти настойчивыя стремленія англичанъ и явно тяготѣли къ Россіи. Не только самъ шахъ смотрѣлъ на дружбу съ Россіей, какъ на твердую, вѣрную опору своему престолу, но и въ народѣ русское имя пользовалось большимъ уваженіемъ и любовью. Достаточно было пріѣзжему въ Персію русскому заявить, что онъ *урусъ*¹⁾, какъ мгновенно исчезали всякія подозрѣнія,

¹⁾ Русскій.

и его ждалъ самый радушный пріемъ; даже паспорта у него не требовали, особенно въ сѣверной Персіи.

Но вотъ, наконецъ, оба соперника полюбовно размежевались, и кончилась долготѣнная борьба: 17-го іюля 1907 г. состоялось такъ называемое англо-русское соглашеніе относительно Персіи, Афганистана и Тибета. Теперь Англія отказалась въ пользу Россіи отъ торговой и политической дѣятельности въ сѣверной Персіи; такое же обязательство приняла на себя Россія относительно южной. Между этими двумя частями страны отводится свободная полоса, въ которой могутъ соперничать своими товарами и другіе народы. Соглашеніе это не касается, однако, Персидскаго залива, который попрежнему остается открытымъ для всѣхъ странъ. Такимъ образомъ благополучно кончилась эта упорная борьба въ Персіи двухъ великихъ странъ, исчезли вѣчныя, подчасъ неосновательныя подозрѣнія, и международный миръ въ Средней Азіи обезпеченъ. Надо, однако, замѣтить, что сами персы, пока что, отнеслись недружелюбно къ англо-русскому соглашенію, считая его непрошенымъ вмѣшательствомъ въ свою внутреннюю жизнь и оскорбленіемъ для народнаго самолюбія.

Нынѣ торговый оборотъ Россіи съ Персіей достигаетъ до 70 милліоновъ рублей въ годъ. Нашъ сахаръ, керосинъ и всевозможныя фабричныя издѣлія находятъ прекрасный сбытъ въ этой странѣ. Въ русскихъ рукахъ сосредоточены здѣсь обширныя предпріятія — рыбныя, лѣсныя, горныя, банковскія и

дорожныя. Въ свою очередь и Персія снабжаетъ насъ своими товарами, и болѣе половины ея вывоза приходится на Россію. Она ввозитъ къ намъ пшеницу, рисъ, табакъ, хлопокъ, опиумъ, шелкъ-сырецъ, свѣжіе и сушеные фрукты, изюмъ, красящія вещества, москательный товаръ, подѣлочное дерево, шерсть, жемчугъ, бирюзу, лошадей и овецъ. Изъ произведеній ея промышленности вывозятся преимущественно знаменитыя персидскія шали, ковры и шелковыя издѣлія.

Къ сожалѣнію, недостатокъ удобныхъ путей сообщенія въ Персіи сильно тормозитъ нашу торговлю съ этой страной. Тѣмъ не менѣе положеніе наше настолько упрочилось здѣсь нынѣ, что лишь отъ нашей предпріимчивости, настойчивости и умѣнія зависитъ дальнѣйшій ростъ и процвѣтаніе торговыхъ сношеній Россіи съ Персіей.

Г Л А В А IV.

Ученіе Зороастра — древнѣйшая религія персовъ. — Проникновеніе ислама. — Сунниты и шиты. — Секта бабидовъ. — Праздники и посты. — Персидское духовенство.

Въ древнія времена, еще съ сѣдой старины, иранцы исповѣдывали ученіе Зороастра ¹⁾, названное такъ по имени великаго его основателя. Религія эта одна изъ самыхъ древнихъ въ мірѣ, и трудно опре-

¹⁾ Такъ называютъ этого мудреца греческіе и римскіе писатели; у древнихъ же персовъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Заратуштры* или *Зердушта*.

дѣлать съ точностью, когда жилъ этотъ мудрецъ, хотя по нѣкоторымъ научнымъ признакамъ ученые полагаютъ, что онъ явился не позже 1000 лѣтъ до Рождества Христова.

Иранское преданіе говоритъ, что, прежде чѣмъ начать проповѣдывать людямъ, Зороастръ, наподобіе индійскихъ мудрецовъ, удалился въ уединеніе; цѣлыхъ десять лѣтъ провелъ онъ въ горахъ, размышляя о религіи. Когда же предъ нимъ ясно встала цѣль, къ которой долженъ стремиться каждый человѣкъ, онъ пошелъ по странѣ, всюду проповѣдуя свое ученіе. Близъ Каспійскаго моря великій мудрецъ посадилъ будто бы священный кипарисъ, вырѣзавъ на корѣ его надпись о томъ, что ученіе его принялъ самъ бактрійскій царь Вистаспъ ¹⁾. Последователи Зороастра долго потомъ читли это священное дерево, и до самыхъ временъ магометанства стекалось сюда на поклоненіе множество богомольцевъ.

По ученію этого глубокомысленнаго мудреца, весь міръ и все въ немъ существующее дѣлится на два царства: свѣта и добра — съ одной стороны, мрака и зла — съ другой; каждое изъ нихъ имѣетъ своего особаго представителя: добро восходитъ къ верховному творцу — Ормузду, пребывающему въ царствѣ вѣчнаго свѣта, все же злое на землѣ исходитъ отъ Аримана, живущаго во мракѣ; это онъ создалъ суровую зиму съ ея бѣдствіями, удушливую жару,

¹⁾ *Бактрія* — древняя страна, лежавшая на сѣверо-востокѣ Ирана.

истребительный градъ, вредныхъ и нечистыхъ животныхъ — скорпіоновъ, ящерицъ, змѣй и т. п.; онъ — отецъ лжи, виновникъ всего зла, родоначальникъ самого ада. Каждый изъ этихъ могущественныхъ властителей міра имѣетъ подвластныхъ ему духовъ; ихъ назначеніе — помогать своимъ повелителямъ въ неустанной борьбѣ между добромъ и зломъ.

Несмотря на то, что Ормуздъ и Ариманъ существовали вѣчно, первый былъ все же могущественнѣе своего противника; своими собственными силами онъ сотворилъ вселенную, и царило въ ней все доброе и свѣтлое. Но когда по сотвореніи міра Ормуздъ удалился въ свое духовное жилище, явился вдругъ Ариманъ и осквернилъ всё его творенія. Принявъ образъ змія, этотъ духъ мрака и зла проникъ въ царство добра и, не теряя времени, населилъ его грѣхами, пороками, нечистыми животными и своими помощниками — злыми духами. Вотъ откуда и пошла вѣчная борьба добра и зла, въ которой человѣкъ долженъ стать на сторону Ормузда, такъ какъ онъ сильнѣе Аримана, и придетъ время, когда добро непременно побѣдитъ зло. Такъ училъ мудрый Зороастръ, полагая весь смыслъ человѣческой религіи въ нравственной чистотѣ. Ормуздъ — говорилъ онъ — требуетъ отъ человѣка честной, трудолюбивой жизни, чистоты помысловъ, твердое соблюденіе разъ даннаго слова; только всѣмъ этимъ и можетъ быть побѣждено царство мрака, и тотъ, кто живетъ иначе,

служить главѣ его — злему Ариману. И вотъ, полагая главной и единственной основой религіи *нравственна* начала, Зороастръ совершенно не допускаетъ *вещественнаго* воплощенія божества; поэтому-то у древнихъ иранцевъ и не было ни кумировъ, ни храмовъ. Они приносили свои жертвы только богамъ свѣта — на чистыхъ высотахъ горъ или у чистыхъ водъ: возжигали чистый огонь, поддерживаемый благовоннымъ деревомъ, и при пѣніи торжественныхъ гимновъ и молитвъ совершали возліяніе сока *гаомы* ¹⁾.

Но проникшій въ Персію исламъ ²⁾ (въ VII вѣкѣ по Р. Хр.) мало-по-малу вытѣснилъ эту высокую религію и, послѣ продолжительной борьбы съ арабами, главные послѣдователи Зороастра, удалились въ Бомбей ³⁾, гдѣ потомки ихъ, подъ названіемъ *парсовъ*, живутъ и понынѣ въ числѣ около 100.000 чел. Англичане, подъ владычествомъ которыхъ проживаютъ парсы, глубоко цѣнятъ этихъ людей за ихъ выдающійся умъ, энергію и высокую нравственность. Въ Персіи находится въ настоящее время около 10.000 парсовъ, населяющихъ, главнымъ образомъ, Іездъ или, какъ они называютъ его — «Го-

¹⁾ Название священнаго растенія, изъ котораго съ религіозными обрядами выжимали сокъ, для чего въ каждомъ домѣ постоянно имѣлись стебли его, ступка и чаша. Соку гаомы приписывалось еще и свойство укрѣплять силы и давать безсмертіе, почему его употребляли и внутрь.

²⁾ Такъ, по Магомету, называется открытое исповѣданіе возвращенной имъ вѣры.

³⁾ Городъ въ Индіи.

родъ Свѣта»; живутъ они общинами и тутъ такъ же славятся своими выдающимися качествами, какъ и ихъ индійскіе собратья. Но въ то время какъ персидскіе парсы (или гебры), униженные и загнанные, встрѣчаютъ лишь презрѣніе со стороны окружающихъ ихъ мусульманъ, ихъ индійскіе единовѣрцы, наоборотъ, процвѣтаютъ. Среди нихъ не рѣдкость богатѣйшіе купцы, торговые дома которыхъ находятся въ большихъ городахъ Индіи, въ Шанхаѣ, Гонгъ-Конгѣ, Гокагамѣ, въ Лондонѣ, Египтѣ и т. д. Въ то время какъ загнанный, ограниченный въ своихъ правахъ персидскій парсъ по образованію своему стоитъ на такой же низкой ступени, какъ и его притѣснители, его индійскіе собратья не только выдвинули массу людей, получившихъ вполнѣ европейское образованіе, но и знаменитыхъ ученыхъ. Почти всѣ они свободно владѣютъ нынѣ англійскимъ языкомъ, на которомъ многіе, въ особенности въ образованныхъ классахъ, говорятъ и въ кругу семьи, совершенно забросивъ свой заимствованный *гузерати* ¹⁾. Персидскіе же парсы до сихъ поръ сохранили свое родное иранское нарѣчіе, которое нѣсколько отличается отъ другихъ новоперсидскихъ говоровъ. Теперь уже не рѣдкость, что индійскій парсъ отправляется для полученія образованія въ Англію, гдѣ въ большинствѣ случаевъ изучаетъ юридическія

¹⁾ Новоиндійскій языкъ жителей полуострова Гузерата, куда первоначально укрылись парсы, бѣжавшіе отъ гоненій мусульманъ (около 720 г. по Р. Хр.) въ Индію.

науки ¹⁾; вернувшись домой, онъ становится адвокатомъ, ученымъ или писателемъ — смотря по склонности и способностямъ. Подъ вліяніемъ европейскихъ ученыхъ, индійскіе парсы усердно занялись изслѣдованіемъ своей старины. По своему умственному складу, какъ и наружному виду, они очень похожи на европейцевъ, къ которымъ относятся чрезвычайно дружелюбно. Женщины ихъ очень красивы — черноглазая, съ тонкими дугообразными бровями и роскошными черными волосами, которые онѣ такъ любятъ украшать жемчугомъ и драгоценными камнями. У себя въ домѣ онѣ полныя хозяйки и даже на улицахъ свободно появляются съ открытымъ лицомъ. Хотя браки у парсовъ совершаются между близкими родственниками, но ни вырожденія, ни какихъ-либо особыхъ болѣзней среди нихъ не замѣчается. Парсъ отличается большимъ гостеприимствомъ и общительностью; его религія предписываетъ ему помогать бѣднымъ — вотъ почему среди этого народа совершенно нѣтъ нищихъ.

Въ наибольшей чистотѣ ученіе Зороастра сохранилось у индійскихъ парсовъ, у персидскихъ же ихъ собратьевъ оно потерпѣло сильныя измѣненія. Изъ обрядовъ, дошедшихъ до нашего времени, упомянемъ обрядъ очищенія, культъ (почитаніе) покойниковъ и правила обхожденія съ огнемъ. Когда мальчикъ достигаетъ семилѣтняго возраста, его по-

¹⁾ Науки о правахъ.

свящаютъ въ таинство очищенія. Обрядъ этотъ состоитъ въ томъ, что ему даютъ рубашку отъ козней злого духа и опоясываютъ священнымъ поясомъ съ тремя шнурками, которые должны напоминать парсу три главныя нравственныя основы его вѣры: добрыя мысли, добрыя слова и добрыя дѣла. Вообще ученіе о чистотѣ представляетъ одну изъ особенностей религіи Зороастра: все что сотворилъ духъ добра — чисто, всякое твореніе духа зла — нечисто. И вотъ, стоитъ человѣку совершить какое-либо преступленіе, уничтожить что-нибудь чистое или оскверниться нечистымъ — онъ тѣмъ самымъ идетъ на службу къ Ариману, увеличивая творимое имъ зло. Собака, напр., по ученію Зороастра считается однимъ изъ самыхъ чистыхъ животныхъ «Я сотворилъ собаку, — говоритъ Ормуздъ Зороастру въ одной изъ священныхъ книгъ парсовъ, — съ природнымъ одѣяніемъ и природною обувью, съ острымъ обоняніемъ и острыми зубами, преданную человѣку и кусающую врага въ охрану стадамъ. Когда она здорова и съ хорошимъ голосомъ около плетней, то не приближается къ деревнѣ ни воръ, ни волкъ и не уноситъ ничего незамѣтно. Собака не жадна, терпѣлива и довольствуется малымъ, какъ жрецъ; она идетъ впереди и ходитъ кругомъ жилища, какъ воинъ; по своей бдительности, она всегда не доспитъ, какъ земледѣлецъ; домъ и пища дороже всего для нея, какъ для поселанина; и при этомъ она привѣтлива и ласкова, какъ ребенокъ. Воистину,

не стояли бы жилища прочно на землѣ Ормузда, если бы не было собакъ...» И вотъ всякій, убившій собаку, тѣмъ самымъ сослужилъ службу Ариману, и чтобы искупить свою вину долженъ уничтожить дважды по 800 вредныхъ животныхъ — ящерицъ, змѣй, муравьевъ — и доставить ихъ жрецу...

Почитаніе умершихъ возведено у парсовъ въ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей человѣка, что не мѣшаетъ имъ необыкновенно странно хоронить своихъ покойниковъ. Парсъ ни за что на свѣтѣ не согласился бы предать трупъ землѣ или сожженію: это вѣдь значило бы, по его понятію, что земля и огонь потеряли бы тогда свою чистоту... Уже одно приближеніе къ трупу оскверняетъ всякаго; нечистымъ же сдѣлалъ его женскій демонъ Насушъ, который вселяется въ человѣка тотчасъ же послѣ его смерти. И вотъ, стоитъ кому-либо хотя нечаянно прикоснуться къ покойнику, его подвергаютъ потомъ девятидневному очищенію: подъ молитвы жреца осквернившійся человѣкъ долго отираетъ пострадавшее мѣсто землей, обливаетъ его водой и смываетъ коровьей мочей, которой приписывается большое очистительное дѣйствіе...

Изъ дома, гдѣ появился покойникъ, поспѣшно уносится все чистое — огонь, посуда и т. д. Когда наступаетъ время выносить усопшаго, его кладутъ на носилки, которыя непременно должны нести двое; горе тому человѣку, который вздумалъ бы понести трупъ одинъ: онъ осквернился бы навѣки,

никогда уже больше не очиститься ему и до самой смерти онъ долженъ будетъ жить одинъ, вдали отъ людей... Покойника уносятъ на высокія горы, гдѣ устроены такъ-наз. *бани молчанія*; совершенно нагое тѣло оставляется здѣсь на сѣденіе хищнымъ птицамъ; всѣ присутствующіе быстро удаляются и останавливаются на почтительномъ разстояніи. Вотъ коршунъ, зачуявъ добычу, набрасывается на трупъ; съ ужасомъ слѣдятъ родственники—за какой глазъ вздумаетъ прежде всего приняться хищникъ: правый глазъ принадлежит Ариману, а лѣвый Ормузду, и вотъ, смотря по тому, какой изъ нихъ первымъ выключитъ коршунъ, почившему предстоятъ или муки ада, или вѣчное блаженство... И лишь со временемъ, когда оставшіяся кости будутъ совершенно выбѣлены солнцемъ, все нечистое въ покойномъ считается уничтоженнымъ и не оскверняетъ уже больше природы. Послѣ смерти человѣка его поступки подвергаются обсужденію у такъ-назыв. *моста Чинвадъ*, отдѣляющаго сей міръ отъ загробнаго. Взвѣшиваются его добрыя и злыя дѣла: если перевѣшиваются его добрыя — душа попадаетъ въ рай; человѣкъ получаетъ тогда просвѣтленное тѣло, которое не будетъ отбрасывать тѣни, и будетъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, въ небесной славѣ, у престола самого Ормузда... Если же перевѣсъ на сторонѣ злыхъ дѣлъ, то душа отправляется въ адъ; при равновѣсіи тѣхъ и другихъ—человѣкъ остается въ промежуточномъ царствѣ, въ ожиданіи страшнаго суда...

Огромное значеніе въ религіи парсовъ имѣть служеніе огню. Въ этой стихіи воплощается для парса все чистое, свѣтлое, всеочищающее; вѣдь огонь ближе всего подходитъ въ его представленіи къ свѣтлому и чистому лику Ормузда, и вотъ мало-по-малу онъ сдѣлался символомъ божества. Когда, съ теченіемъ времени, жрецы успѣли исказить высокое ученіе Зороастра, введя въ него массу обрядностей, для отправленія богослуженія стали строиться особыя алтари; они воздвигались, обыкновенно, на высокихъ мѣстахъ, подъ открытымъ небомъ, и вѣчно теплился на нихъ огонь. Вотъ почему на парсовъ ихъ завоеватели и смотрѣли, какъ на идолопоклонниковъ, и разрушали ихъ жертвенники; на этомъ же основаніи многіе и понынѣ совершенно ошибочно называютъ ихъ *огнепоклонниками*. Впослѣдствіи, когда парсы начали строить храмы, они устраивали ихъ безъ крышъ; въ особомъ отдѣленіи, куда доступъ имѣли одни только маги (жрецы), вѣчно поддерживался огонь и мѣсто это считалось главнымъ святилищемъ въ храмѣ¹⁾. При богослуженіи производились молитвы, пѣлись гимны, читался законъ Зороастра, при чемъ жрецъ, чтобы не осквернить своимъ дыханіемъ чистый огонь, надѣвалъ на ротъ особую завѣсу... Жертвоприношенія состояли изъ хлѣба, зерна, цвѣтовъ, возліянія сока священной

¹⁾ Одинъ изъ такихъ храмовъ можно видѣть у насъ на Кавказѣ, близъ Баку

гаомы; жертвенныхъ животныхъ не признавалъ парсъ, такъ какъ это было бы величайшимъ оскорбленіемъ для священнаго огня. На томъ же основаніи парсъ никогда не задуваетъ огня ртомъ, а машетъ на него рукавомъ до тѣхъ поръ, пока не потушитъ. Каждый вѣрный послѣдователь великаго пророка постоянно поддерживалъ огонь и у себя дома; кромѣ него, и остальные стихіи — воздухъ, вода и земля — пользуются огромнымъ уваженіемъ этого народа.

Все дни въ году посвящены были Ормузду и его соратникамъ, а самыми торжественными праздниками считались новый годъ — въ честь этого носителя добра, — и праздникъ Митры или «Рожденія Непобѣдимаго Солнца». Божество Митры еще съ незапамятныхъ временъ высоко чтилось древними персами; въ немъ они воплощали «Непобѣдимое Солнце», полагая, что оно рождается ежегодно, въ день зимняго солнцестоянія, и потому-то день и начинается прибывать тогда. Стоитъ лишь Митрѣ выѣхать на своей блестящей колесницѣ, запряженной четырьмя чистыми бѣлоснѣжными конями, черезъ восточную гору на небо — и мгновенно одѣваются въ золото и пурпуръ чудныя вершины хребтовъ, исчезаетъ зимній холодъ и мракъ, начинается расти хлѣбъ на нивахъ, стада получаютъ пищу и плодородіе. Это былъ царственный богъ, именемъ котораго клялись цари; ему былъ посвященъ конь. Когда царь отправлялся на войну, передъ войскомъ его ѣхала посвященная Митрѣ колесница, запряжен-

ная шестью бѣлыми конями; она была пустая, чтобы непобѣдимый богъ могъ возсѣсть на нее и повести свой народъ къ побѣдѣ... Блѣдная луна и сіяющія звѣзды также считались божествами свѣта и чистоты у древнихъ персовъ; они приносили дождь и давали плодородіе, но Митра былъ выше всего. Поклоненіе этому божеству широко распространилось и за предѣлы Персіи; впослѣдствіи оно настолько сильно охватило Римскую имперію, что одно время явилось даже сильной угрозой христіанству.

Священные книги парсовъ — это такъ-наз. *Зендъ-Авеста*. Это собраніе молитвъ, славословій, правилъ очищенія и т. д.; трудно отличить, что принадлежитъ тутъ самому Зороастру и его многочисленнымъ толкователямъ-жрецамъ, но, несомнѣнно, что сущность ученія великаго мудреца сохранилась въ нихъ вполне. Отсюда поклонникъ Ормузда — современный парсъ — заучиваетъ наизусть молитвы; но онъ произноситъ ихъ безсознательно, не понимая ихъ смысла, чѣмъ грѣшатъ порою и сами жрецы. Въ наше время у индійскихъ парсовъ есть духовныя семинаріи, гдѣ готовятъ ихъ будущіе жрецы — люди очень развитые и отличающіеся большою ученостью; у персидскихъ же парсовъ эти священнослужители остаются такими же невѣжественными, какъ и ихъ паства; все это благодаря тому жалкому, униженному положенію, которое народъ этотъ вообще занимаетъ среди окружающихъ мусульманъ.

Однако вѣрованія парсовъ все-таки не остались безъ вліянія на остальныхъ иранцевъ. Мудрое ученіе Зороастра привлекало къ себѣ сочувствіе многихъ изъ нихъ, зачастую людей образованныхъ, и за послѣднее время въ Персіи возникло не мало сектъ, заимствовавшихъ многія стороны его. Даже среди мусульманъ можно встрѣтить нѣкоторыя обрядности, взятая изъ религіи Зороастра, хотя онѣ и находятся въ полномъ противорѣчій съ ученіемъ Магомета. Такъ, напр., жители Хорасана, выходя на встрѣчу къ какимъ-нибудь почетнымъ посланцамъ, несутъ впереди сосудъ съ горящими углями — несомнѣнный слѣдъ древней религіи иранцевъ.

Когда въ VII вѣкѣ по Р. Хр. арабы во главѣ Омара Великаго покорили Персію, религія Зороастра не устояла и пала подъ напоромъ ислама. Но не мирными средствами, не силою живого и яркаго слова стали новые пришельцы распространять свою вѣру, а жестокими насиліями, огнемъ и мечомъ. И покоренные персы, видя, что арабы обращаются съ ними какъ съ рабами, что сами они первые нарушаютъ заветы великаго Магомета, постепенно ожесточались и платили своимъ побѣдителямъ неприемлемой ненавистью. Вотъ почему, когда около полвѣка спустя въ мусульманствѣ произошелъ расколъ и образовались двѣ секты — *суннитовъ* и *шиитовъ*, персы, какъ бы въ отмѣтку арабамъ, прикнули къ послѣднимъ. Только слѣпою ненавистью

къ своимъ завоевателямъ и можно объяснить такое огромное распространение шиизма въ Персіи, который мало-по-малу охватывалъ всю страну, и съ 1502 г. сдѣлался главной господствующею религіею иранцевъ. Нынѣ шииты въ Персіи составляютъ 90% всего населенія, а суннитовъ и послѣдователей другихъ магометанскихъ сектъ — всего 9%.

Однако, несмотря на расколъ, основой ислама все же остался Коранъ — священная книга всякаго мусульманина безъ различія толка. Эта неизмѣнная святыня содержитъ въ себѣ рядъ духовныхъ откровеній, ниспосланныхъ Магомету Богомъ (по словамъ самого пророка) черезъ Архангела Гавріила. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ Его пророкъ», — такъ гласитъ первый стихъ Корана. Сверхъ этой вѣры въ единого всемогущаго и милосерднаго Бога или Аллаха, каждому правовѣрному предписывается еще вѣрить въ божеское предопредѣленіе судебъ и поступковъ людей, въ загробную жизнь, въ воздаяніе за добрыя и злыя дѣла въ раю и въ аду, въ воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ. Главныя обязанности, налагаемыя Кораномъ, это ежедневное пятикратное моленіе, омовенія, взносъ въ пользу бѣдныхъ въ общественную казну, постъ въ продолженіе мѣсяца Рамазана и паломничество въ Мекку¹⁾. Здѣсь находится главная мусульманская святыня Кааба, оди-

¹⁾ Этотъ священный городъ находится въ Аравіи — къ западу отъ Персіи.

наково дорогая, какъ для шиита, такъ и суннита. Кромѣ этой общей святыни, есть еще и чисто шиитскія: это города — *Мешедъ*, на сѣверо-востокѣ Персіи, и *Кербела*, лежащій къ западу отъ нея, уже въ турецкихъ владѣніяхъ. Въ Мешедѣ покоится прахъ великаго шиитскаго святого Имама-Ризы; это былъ одинъ изъ несчастныхъ потомковъ Алія (зятя Магомета), погибшій отъ руки измѣнника. Въ Кербелѣ погребенъ мученикъ Гуссейнъ, сынъ Алія, обезглавленный изувѣромъ-врагомъ, послѣ долгой борьбы за святую мусульманскую вѣру... И вотъ, завѣтная мечта всякаго правовѣрнаго шиита — сколотить деньжонокъ и отправиться на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ; для этого персъ часто отказываетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, готовъ переносить голодъ и всякія лишенія, лишь бы удостоиться узрѣть святыя могилы. Изнемогая отъ зноя, невыразимо страдая тѣломъ, но бодрые духомъ, медленно плетутся богомольцы по ужаснымъ персидскимъ дорогамъ. Не страшна имъ и сама смерть: вѣдь умереть по пути къ святымъ мѣстамъ, значитъ сбыть большую часть грѣховъ и приблизиться къ царствію небесному... Зато всякій, вернувшійся съ такого паломничества, получаетъ новое почетное имя, прибавляющееся къ его собственному: побывавшій въ Мешедѣ — «Мешеди», въ Кербелѣ — «Кербелай», а посѣтившій Мекку — «Хаджи», т.-е. богомолецъ. Почетнѣе этого послѣдняго имени для перса нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Нравственное ученіе ислама основано на іудей-

скомъ и христіанскомъ ученіи и въ главныхъ чертахъ сходно съ ними. Вѣдь Магометъ явился на 6 вѣковъ

позже Христа, когда ученіе божественнаго посланца пустило уже глубокіе корни на почвѣ язычества. И если тѣмъ не менѣ проповѣдь Магомета встрѣтила

сочувственный откликъ и нашла себѣ послѣдователей, то это объясняется тѣми ожесточенными раздорами, которые царили въ то время между восточной и западной церковью. Сами вѣрующіе не только подкапывались подъ самыя основы ученія Христа, но даже мелкія обрядности вызывали безконечные споры, и дѣло доходило до того, что и пастыри и императоры готовы были лютою смертію карать заблуждающихся... Вотъ тутъ-то сѣмя, брошенное Магометомъ, и пало на благодарную почву: его сочли тѣмъ карающимъ бичомъ, который Господь послалъ христіанамъ за ихъ тяжкія прегрѣшенія. Какъ человекъ большого ума, далеко возвышавшійся надъ окружающими, новый пророкъ не только не показывалъ пренебреженія къ основаннымъ до него религіямъ, но наоборотъ — тщательно изучалъ сущность христіанства и іудейства. Признавъ основы ученія Моисея, онъ оказывалъ глубокое уваженіе и Евангелію, принявъ его къ руководству при основаніи своего вѣроученія.

Видя невѣжество и темноту народа, Магометъ не ограничился одними только правилами вѣры и обрядностями, а преподавалъ ему и здравые гражданскіе законы, которыми и до сихъ поръ послѣдователи его руководствуются въ своей повседневной жизни. Трудно представить себѣ такой житейскій случай, на который не откликнулся бы Коранъ. Но несмотря, однако, на огромный трудъ, положенный Магометомъ на созданіе стройнаго и цѣльнаго вѣроученія,

вскорѣ же послѣ смерти великаго основателя ислама произошелъ расколъ, дошедшій и до нашихъ временъ. Пройдя цѣлый рядъ вѣковъ, расколъ этотъ повелъ къ тому, что многія правила вѣры шитовъ значительно разнятся нынѣ отъ ученія суннитовъ, но главное различіе, какъ мы уже знаемъ, состоитъ въ томъ, что шиты считаютъ законнымъ преемникомъ пророка его зятя Алиа, совершенно отрицая *сунну*. Такъ называется истолкованіе Корана, составленное по преданіямъ тремя халифами — Абу-Бекромъ, Омаромъ и Османомъ, которыхъ сунниты и считаютъ истинными наслѣдниками Магомета.

Но несмотря на то, что персы ярые послѣдователи шиизма, ихъ религіозная мысль не застыла на одной точкѣ развитія: всякое новое ученіе находитъ себѣ въ Персіи краснорѣчивыхъ защитниковъ и ревностныхъ проповѣдниковъ. Въ поискахъ за истиной нарождались новыя секты, которыхъ очень много въ этой странѣ, хотя точное число ихъ и неизвѣстно. Въ особенности сектанство развито среди кочевыхъ племенъ Персіи, и порою дѣло доходитъ здѣсь до того, что вовсе отсутствуетъ какая бы то ни было религія. Есть, напр., племя *Сиринда*, которое придумало себѣ совершенно особое божество: оно считаетъ Богомъ своего предка, знаменитаго кузнеца Дауда, потомки котораго и доннынѣ исключительно занимаются кузнечнымъ ремесломъ...

Справедливость требуетъ сказать, что персидское правительство относится очень снисходительно

къ своимъ сектантамъ. Да оно и понятно: ихъ проповѣдь настолько невинна и миролюбива, что она не вызывала никакихъ религіозныхъ волненій, не причиняла ни малѣйшихъ хлопотъ государству, которое поэтому и оставляло ихъ въ покоѣ. Но совсѣмъ особое мѣсто въ средѣ иранскихъ сектъ занимаютъ такъ-наз. *бабиды*, прозванные такъ по имени основателя секты, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ *Баба*, что означаетъ *дверь къ истинѣ*.

Ученіе этого умнаго проповѣдника сводилось къ тому, что Богу нужны не однѣ молитвы, омовенія, паломничества къ святымъ мѣстамъ и прочія обрядности, предписываемыя шиизмомъ. Братская любовь къ ближнимъ, добрая дѣла, вѣжливое обращеніе съ людьми, уваженіе къ нимъ, словомъ — жизнь не по буквѣ закона, а по духу его — вотъ въ чемъ полагалъ Бабъ истинное служеніе Богу. Онъ призывалъ богатыхъ помогать бѣднымъ, старался всюду распространять свое ученіе и своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ зажигалъ сердца правовѣрныхъ... Бабъ обратилъ также вниманіе на болѣе человѣчное отношеніе къ дѣтямъ, запрещалъ ихъ бить; не обошелъ и женщинъ, положеніе которыхъ такъ тяжело и унижительно на Востокаѣ. Онъ осуждалъ злоупотребленіе разводомъ, самое многоженство¹⁾, призывалъ мужчинъ смотрѣть на жену какъ на совѣтницу и подругу

¹⁾ Какъ извѣстно, Магометъ разрѣшаетъ имѣть до четырехъ законныхъ женъ одновременно.

жизни, уравниль въ правахъ оба пола. Нечего говорить, что такая проповѣдь нашла горячій откликъ среди угнетенныхъ въ Персіи женщинъ. Появились пламенные поклонницы новаго проповѣдника, съ увлеченіемъ принявшіяся за распространеніе его ученія, обѣщавшаго имъ новую, лучшую жизнь; онѣ видѣли впереди уже другой общественный строй, гдѣ и имъ отведено равное съ мужчинами мѣсто и не будутъ больше смотрѣть на нихъ какъ на низшія, езбправныя существа. Но особенно прославилась въ Персіи одна изъ такихъ проповѣдницъ, получившая за свою красоту названіе «Золотой короны», «Утѣшенія глазъ». И слава Баба все росла, все шире и шире раздвигался кругъ сторонниковъ его...

Но вотъ встрепенулись тѣ, благополучію которыхъ прежде всего угрожало это новое ученіе. Первымъ зачуяло опасность духовенство, а за нимъ и правительство. На бабидовъ воздвигнуты были жестокія гоненія, продолжавшіяся много лѣтъ и внесшія сильное опустошеніе въ ряды сектантовъ; послѣднихъ мытарствъ казненъ былъ и Бабъ. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія бабиды, рѣшились на отчаянный шагъ: 15 августа 1852 г. произведено было неудачное покушеніе на жизнь тогдашняго шаха Насръ-эд-Дина. Дѣло ихъ отъ этого не улучшилось: началось невѣроятное истребленіе этихъ мучениковъ убѣжденій, которые смѣло шли на смерть и умирали какъ герои. Многіе бѣжали и къ намъ въ Россію

и поселились въ Закаспійской области, преимущественно въ Асхабадѣ. Здѣсь они мирно трудятся подъ охраною нашихъ законовъ и открыто исповѣдуютъ свою вѣру. Но, несмотря на все гоненія, живое слово не умирало и нынѣ секта эта сильно увеличилась въ числѣ и чрезвычайно распространена въ Персіи. Теперь правительство не преслѣдуетъ бабидовъ, такъ какъ они дѣйствуютъ уже не такъ открыто и тайно распространяютъ свое ученіе, наружно придерживаясь шиизма; тѣмъ не менѣе въ послѣднихъ событіяхъ, давшихъ Персіи народное представительство, сектѣ этой принадлежитъ важная почетная заслуга.

Несмотря на то, что число праздниковъ у мусульманъ весьма значительно, персы празднуютъ лишь немногіе изъ нихъ; при этомъ праздники у нихъ, какъ и у всѣхъ шиитовъ, раздѣляются на духовные и гражданскіе. Первые установлены въ честь рожденія или смерти пророковъ и имамовъ, или какихъ-либо важныхъ религіозныхъ событій. Изъ гражданскихъ праздниковъ самый торжественный у персовъ *Ноурузъ* или Новый годъ, празднуемый въ день весенняго равноденствія.

Въ этотъ день принято у персовъ обмѣниваться подарками и, между прочимъ, золочеными яйцами. Обычай этотъ идетъ со временъ сѣдой старины въ знакъ того, что яйцо есть начало жизни. Праздникъ Ноуруза называется еще у персовъ праздникомъ

«новыхъ платевъ»: въ этотъ день даже самый за- худалый бѣднякъ непремѣнно наряжается въ обновы. Ежедневно, въ теченіе 8 дней, жители совершаютъ прогулки за городъ, куда стекается, обыкновенно, масса народу. Въ день Ноуруза персы прощаютъ другъ другу обиды и обмѣниваются взаимными по- здравленіями.

Но, кромѣ гражданскаго новаго года, существуетъ еще у персовъ и *духовный*, который считается со дня бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину ¹⁾, и празднуется 1-го Мохаррема. Этотъ первый мѣсяцъ мусульманскаго луннаго года считается священнымъ въ глазахъ всякаго шіита, такъ какъ съ перваго дня его начались злключенія высокочтимаго мученика Гуссейна, сына Алія; черезъ 10 дней онъ вмѣстѣ съ 72 приверженцами и родственниками своими палъ въ борьбѣ за вѣру, послѣ долгихъ и тяжелыхъ страданій (въ 680 г. по Р. Хр.). Вотъ почему Мохарремъ считается у шіитовъ мѣсяцемъ плача и печали, особенно первые 10 дней. Въ это время строго воспрещаются всякія торжества; набожные персы не ходятъ даже въ баню, не бреютъ головы, собираются толпами на улицѣ и всенародно предаются печали, доходящей нерѣдко до изуверства. Соединившись вокругъ знамени, они цѣлой толпой устраиваютъ шествія по улицамъ; съ факелами въ рукахъ, потрясая оружіемъ, съ дикими возгласами: «Гуссейнъ! Гус-

¹⁾ Это было въ 622 г. по Р. Хр., въ пятницу 16-го іюля.

сейнъ!» они бьютъ себя кулаками въ грудь, наносятъ раны кинжалами, показывая ихъ народу, и нерѣдко

туть же падаютъ, истекая кровью. Въ 10-й день Мохаррема, когда по улицамъ несутъ изображенія

Гуссейна, эти варварскія самоистязанія достигаютъ своей высшей точки. Особенными неистовствами отличаются тутъ наши закавказскіе шіиты, живущіе въ Эривани, Дербентѣ, Шемахѣ и т. д., такъ что наиболѣе набожные персы перебираются сюда на эти дни изъ Ирана. Русское правительство въ послѣдніе годы принимаетъ строгія мѣры для искорененія этого религіознаго изувѣрства, но народныя предрасудки живучи и поддерживаемыя тьмой и невѣжествомъ туго поддаются исчезновенію: еще въ прошломъ году можно было прочесть въ газетахъ страшныя описанія этихъ мрачныхъ торжествъ, происходившихъ въ г. Баку.

Днемъ происходятъ религіозныя представленія, для которыхъ еще заранѣе по всей Персіи устраиваются особыя палатки огромныхъ размѣровъ. Ежедневно, передъ началомъ самаго представленія на сценѣ появляются нѣсколько взрослыхъ персовъ въ сопровожденіи мальчиковъ, украшенныхъ жемчугомъ; это *синезены* или *бьющіе себя въ грудь*. Подъ мѣрные удары они начинаютъ пѣть печальныя гимны въ память своего великаго имама; вотъ образчикъ такого славословія:

«Ахъ! Въ тотъ мигъ, какъ Шимръ ¹⁾ сразилъ царя вѣры
Гуссейна,

Имамъ спросилъ его: Знаешь ли ты, какой сегодня день?»

¹⁾ Имя убійцы имама. Гуссейнъ былъ уже раненъ, когда явился Шимръ и отрубилъ ему голову.

Отвѣчалъ ему Шимръ: Клянусь пророкомъ, сегодня пятница и часъ молитвы!

Гуссейнъ спросилъ: А знаешь ли ты мой санъ?

Шимръ отвѣчалъ: Въ достоинствѣ не имѣешь себѣ равнаго.

Гуссейнъ спросилъ: А знаешь ли ты, кто мой отецъ, санъ моей матери и дѣда?

Отвѣчалъ ему Шимръ: Дѣдъ твой посланный Богомъ, молящійся за грѣхи его народа,
А отецъ твой Али, отъ котораго небо и земля получили свой свѣтъ,

Твоя мать,—дочь великаго пророка,
Но убить тебя сегодня мнѣ дозволено,
И убиваю я тебя за золото и за золото дѣлаю тебя жертвою смерти.—

Тутъ вынулъ Шимръ мечъ изъ-за пояса и отрубилъ голову царю мучениковъ...»

Долго еще тянутся эти печальныя воспоминанія, пронизывая тоской и жалостью сердца правовѣрныхъ. За мальчиками появляются новыя дѣйствующія лица; у этихъ уже льется кровь изъ нарочно нанесенныхъ ранъ ¹⁾. А тамъ идутъ поочередно «каменобійцы» (*сенгзены*), «играющіе длинными шестами» (*бильбазы*) и «фокусники»; только послѣ всего этого начинается уже самое представленіе, состоящее изъ десяти частей, соотвѣтственно десятидневнымъ страданіямъ и злосчастіямъ Гуссейна. Передъ потрясенными зрителями шагъ за шагомъ проходятъ всѣ муки святого, его страшная борьба; все вос-

¹⁾ Обыкновенно это дѣлается по заранѣе данному почему-либо обѣту.

производится съ такой точностью, такъ живо, что зрители плачутъ, колотятъ себя въ грудь, неистово вопятъ: «О Гуссейнъ! Гуссейнъ! Несчастный Гуссейнъ!».

Вотъ по сценѣ закованные, гремя цѣпями и колотками, проходятъ плѣнные. Зрители глубоко и шумно вздыхаютъ, скорбя объ ихъ жалкой участи... А вотъ показались и царскіе водоносы съ бычачьими кожами, наполненными водою. Охваченная горемъ толпа вспоминаетъ, что самыя тяжкія муки Гуссейна состояли именно въ томъ, что враги лишили его воды. И со всѣхъ сторонъ несутся крики:

— «Ахъ! Что далъ бы Гуссейнъ за одну каплю воды! О бѣдный Гуссейнъ!»

Когда же наступаетъ печальная развязка и презрѣнный Ширъ убиваетъ любимаго святого, зрители рыдаютъ какъ дѣти, убиваются до безумія... Не видно ни одного сухого глаза, а груди у всѣхъ покрываются синяками отъ безчисленныхъ неистовыхъ ударовъ.

Изъ постовъ самымъ важнымъ у персовъ считается Рамазанъ¹⁾, такъ какъ по повѣрью ихъ, въ этотъ мѣсяцъ съ небесъ ниспосланъ былъ Коранъ, а также получили свои откровенія Авраамъ, Моисей и Иисусъ. Весь мѣсяцъ Рамазанъ Коранъ предписываетъ поститься, начиная съ перваго новолунія до новой луны. Отъ поста освобождаются лишь дѣти моложе

¹⁾ Девятый мѣсяцъ послѣ Мохаррема.

7 лѣтъ, путники, больные и женщины во время беременности или кормленія грудью. Весь день — отъ восхода до заката солнца — вѣрующіе обязаны не только воздерживаться отъ какой бы то ни было пищи, но воспрещается курить, нюхать благовонныя вещества, купаться, даже глотать слюну... Зато послѣ солнечнаго заката всякій воленъ ѣсть что угодно и тутъ ни скоромной, ни постной пищи не существуетъ.

Трудно приходится благочестивому персіянину въ этотъ безконечный мѣсяцъ Рамазана! Многіе богатые люди нарочно пускаются на это время въ путешествіе, благо законъ избавляетъ путниковъ отъ поста. Иные, не выдержавъ тяжелаго искуса, начинаютъ ѣсть потихоньку отъ домашнихъ и вотъ поднимается въ семьяхъ взаимный обманъ... Да и вообще вся жизнь нарушена въ этотъ постъ: магазины большую часть дня закрыты, также и правительственныя мѣста; люди бродятъ вялые и унылые, всѣ дѣла въ застоѣ и все мало-мальски серьезное откладывается на послѣ Рамазана.

Зато необычное зрѣлище представляютъ по ночамъ города и селенія въ этотъ долгій изнуряющій постъ. Послѣ длиннаго унылаго дня голодный персъ, подкрѣпившись вдоволь, спѣшитъ на улицу, гдѣ всю ночь царитъ оживленіе и веселье. Особенно бьетъ ключомъ жизнь на базарахъ: едва близится солнечный закатъ, какъ сюда спѣшатъ торговцы съѣстными припасами; голодная толпа мгновенно окружаетъ ихъ

и жареная баранина и горячій *кебабъ* ¹⁾ разбираются нарасхватъ. Тутъ же снуютъ продавцы необыкновенно жидкаго чая съ своими огромными кувшинами; къ услугамъ публики готовится любимый кальянъ. Но вотъ грянулъ пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій правовѣрнымъ, что солнце закатилось и томительный день оконченъ; толпа завозилась, какъ огромный потревоженный муравейникъ: кто жадно принимается за ѣду, кто набрасывается на чай, иные благодушно поныхиваютъ душистый кальянъ... Забытъ долгій мучительный день, — не думаетъ тутъ беззаботный персъ, что тотъ же голодъ ждетъ его и завтра, наслаждаясь лишь настоящей минутой. То тутъ, то тамъ устроены балаганы, гдѣ одно представленіе смѣняется другимъ, гремитъ музыка, поютъ пѣвцы, показываютъ свое искусство фокусники, словомъ — правовѣрные веселятся на славу... Но время летитъ и вотъ снова раздается выстрѣлъ, возвѣщающій близость утра, и вмѣстѣ съ восходомъ солнца ²⁾ опять все замираетъ; уныло и печально бродятъ голодные люди, съ тоской поглядывая на небо и страстно ожидая наступленія ночи.

Изъ дней недѣли персы, какъ и прочіе мусульмане, особенно чтятъ *пятницу*; это день отдохновенія празднуемый ими, какъ празднуется суббота у евреевъ

¹⁾ Любимое кушанье персовъ, изготовляемое изъ мелко нарѣзанной баранины съ лукомъ.

²⁾ По Корану солнечнымъ восходомъ считается то мгновеніе, рано утромъ, когда можно отличить бѣлую нитку отъ черной.

и воскресенье у христіанъ. О выборѣ именно этого дня существуетъ въ народѣ масса преданій. Но самое простое и правдоподобное объясненіе его даютъ нѣкоторые ученые: они утверждаютъ, что Магометъ избралъ пятницу днемъ отдохновенія съ тою лишь единственной цѣлью, чтобы отличить мусульманъ отъ евреевъ и христіанъ.

Чтобы покончить съ религіей персовъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ духовныхъ пастыряхъ. Персидское духовенство пользуется огромнымъ почетомъ въ странѣ, и вліяніе его на народъ необыкновенно сильно; оно творитъ судь, принимаетъ дѣятельное участіе въ жизни страны, самъ шахъ долженъ считаться съ его могущественной властью, такъ какъ онъ прекрасно знаетъ, что *мулламъ* (священнослужителямъ) ничего не стоитъ поднять народъ. Особеннымъ вліяніемъ пользуются *муштаиды*. Это высшіе представители персидскаго духовенства, при которыхъ, обыкновенно, и состоятъ простые муллы, *сеиды* ¹⁾ и тѣ изъ учениковъ *медресе*, которые избрали себѣ въ будущемъ священническое званіе. Въ то время какъ низшее духовенство все сплошь невѣжественно, даже въ своемъ собственномъ дѣлѣ богослуженія, муштаиды — эти персидскіе архіереи — непременно

¹⁾ Такъ называются потомки Магомета, которыхъ не мало въ Персіи. Они требуютъ себѣ отъ населенія не только почета, но и денежной поддержки. Сеида сейчасъ же можно отличить отъ простаго смертнаго по зеленому поясу и зеленой *чалмѣ* (длинный кусокъ ткани, навиваемый на голову).

должны кончить высшее шіитское училище — медресе. Бывали муштаиды, пользовавшіеся огромной любовью и славой народных печальниковъ. Они избѣгали сношеній съ богатыми и знатными лицами, стараясь ближе держаться къ бѣдному люду съ его нуждами и печальми. И народъ платилъ имъ горячимъ довѣріемъ и любовью. Случалось, что смерть особенно почитаемаго муштаида надолго повергала въ глубокой трауръ ¹⁾ все населеніе. Исторія Персіи знаетъ и такіе случаи, когда обреченный на опустошеніе городъ получалъ пощаду только потому, что въ немъ проживалъ почитаемый народомъ муштаидъ... Преслѣдуемый правительствомъ, въ горѣ и несчастіи, — персъ шелъ искать защиты и покровительства къ этому всеобщему заступнику и не напрасно: власти, даже самъ шахъ, изъ страха передъ народнымъ гнѣвомъ, никогда не рѣшились бы отказать въ просьбѣ этому любимцу народа.

Нынѣ такіе народные печальники большая рѣдкость. Это по большей части алчные, корыстные люди, которые стараются извлечь всевозможныя выгоды изъ своей невѣжественной паствы. Самые крупные помѣщики въ Персіи — муштаиды. Чѣмъ богаче такой пастырь, тѣмъ выше окружающее его число простыхъ муллъ, сеидовъ и тулибовъ ²⁾. Всѣ они въ полной зависимости отъ муштаида, который

¹⁾ Печаль по умершемъ.

²⁾ Такъ называются ученики высшихъ училищъ (медресе), собственно персидскіе студенты.

оказываетъ имъ поддержку изъ вакуфныхъ (церковныхъ) доходовъ и не въ опредѣленной суммѣ, а смотря по расположенію. Эти ретивые приспѣшники зорко слѣдятъ за своей паствой и при малѣйшемъ уклоненіи отъ предписаній вѣры тотчасъ же доносятъ муштаиду. Стоить, напр., довести до его свѣдѣнія, что такой-то изъ жителей не соблюдаетъ поста, ходитъ въ гости къ «ференгамъ» (европейцамъ) или пьетъ вино, какъ виновнаго ждетъ тяжкая кара. Хорошо еще, если снисходительный муштаидъ ограничится лишь отеческимъ внушеніемъ; но бѣда, если онъ публично въ мечети объявитъ объ этомъ молящимся и назоветъ несчастнаго «неджесь» (нечистымъ): невѣжественная толпа не задумается учинить надъ нимъ самое дикое насиліе... Вотъ почему даже просвѣщенные персы, которые въ душѣ отрицаютъ излишнія обрядности, наружно все-таки строго придерживаются велѣній своей вѣры.

Правда, три года тому назадъ, когда персидскій народъ такъ бурно устремился къ новой, болѣе справедливой жизни, муллы и муштаиды стали во главѣ движенія. Они видѣли, что народъ потерялъ терпѣніе, и имъ выгоднѣе теперь итти съ нимъ объ руку. Къ тому же власти въ послѣднее время позволяли себѣ не считаться даже съ духовенствомъ. И вотъ муштаиды, въ надеждѣ стать потомъ во главѣ освобожденнаго народа и забрать еще большую власть надъ нимъ, — оказали ему дѣятельную поддержку. Когда же они увидали, что съ теченіемъ времени

онъ уходитъ изъ ихъ рукъ, — они зачуяли опасность и повернули назадъ.

Теперь и народъ начинаетъ понемногу разочаровываться въ своихъ пастыряхъ и понимать истинную подкладку ихъ поступковъ.

Г Л А В А V.

Какъ управляется Персія.—Древніе сатрапы и нынѣшніе хакимы.—Подати и налоги.—Военное могущество Персіи.—Судъ и наказанія.

До 23-го мая 1906 г. Персія, какъ и въ древнѣйшія времена, представляла изъ себя неограниченную монархію; во главѣ государства стоялъ шахъ, который былъ воленъ надъ жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ. Но уже священный въ глазахъ всякаго мусульманина Коранъ, заключающій въ себѣ, какъ извѣстно, не только религиозныя предписанія, но и самыя разнообразныя житейскія правила, прежде всего ограничиваетъ власть правителя; какъ бы тверды и силенъ ни былъ шахъ, власть его мгновенно поколебалась бы въ глазахъ народа, лишь только онъ вздумалъ бы пренебречь великими завѣтами Магомета. Вотъ почему персидскому шаху всегда приходилось считаться съ духовенствомъ — самымъ сильнымъ сословіемъ въ странѣ; уваженіе къ своимъ пастырямъ и вѣра въ нихъ настолько сильны въ Персіи, что

шахъ заранѣе знаетъ, что, поступая противъ воли духовенства, онъ рискуетъ возстановить противъ себя народъ. Поэтому-то излюбленной мечтой персидскихъ правителей и было ослабить нѣсколько власть духовенства, а шахъ Насръ-эд-Динъ сдѣлалъ къ тому и дѣйствительную попытку: къ управленію обширными церковными имуществами, бывшими до тѣхъ поръ въ неограниченномъ распоряженіи духовенства, онъ рѣшилъ привлечь и гражданскую власть. Къ сожалѣнію, участи этой избѣжалъ Мешедъ ¹⁾ — этотъ главный оплотъ шиизма, — который попрежнему безконтрольно остался въ рукахъ духовенства.

Но вотъ къ этимъ двумъ сильнымъ вліяніямъ — Корана и его хранителей — прибавилось въ послѣднее столѣтіе и еще одно: Персіи, какъ и всякой другой странѣ, приходится теперь считаться и съ иностранными государствами и итти порою на важныя уступки. Такъ, напр., въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія шахъ, подъ давленіемъ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, долженъ былъ издать законъ о престолонаслѣдіи, тогда какъ до этого глава Персіи

¹⁾ *Мешедъ* (означаетъ *гробница*) — главный городъ провинціи Хорасанъ, гдѣ находится гробница святого имама Ризы, и важнѣйшая обширная мечеть, благодаря чему городъ этотъ привлекаетъ множество паломниковъ. Кромѣ того, Мешедъ — самый значительный городъ всей сѣверо-восточной Персіи, такъ какъ находится въ узлѣ нѣсколькихъ торговыхъ путей. Благодаря близкому сосѣдству онъ ведетъ бойкую торговлю съ нашимъ Закаспійскимъ краемъ, и на обширныхъ мешхедскихъ базарахъ всегда можно встрѣтить массу русскихъ издѣлій.

выбиралъ себѣ наслѣдника по своему усмотрѣнію; обстоятельство это вызывало вражду и безконечныя распри между многочисленными сыновьями шаховъ.

Итакъ до 23-го мая 1906 года шахъ — тотъ «царь царей»¹⁾ — являлся всесильнымъ неограниченнымъ монархомъ Персіи, а ближайшимъ помощникомъ его въ государственныхъ дѣлахъ былъ великій визирь (*садразамъ*), который въ дѣйствительности и управлялъ государствомъ, пользуясь почти неограниченной властью: вѣдь въ Персіи писанныхъ законовъ на этотъ счетъ не существуетъ. Правда, имѣлся еще и такъ-называемый государственный совѣтъ, но онъ собирался не для того, чтобы вырабатывать законы о лучшемъ управленіи страной, а обсуждать лишь — какъ лучше выполнить уже готовыя велѣнія своего властителя. Самъ великій визирь, съ согласія шаха, выбиралъ еще 5—6 министровъ, но всѣ они являлись только отголосками неограниченной воли монарха и его всесильнаго помощника. Въ 1888 г. шахъ Насръ-эд-Динъ учредилъ еще такъ-называемый «совѣтъ изъ пяти». Въ важныя для жизни страны минуты эти пять государственныхъ мужей призывались къ шаху для совѣщанія о томъ, какъ оградить ее отъ надвигающейся опасности.

Но, конечно, самъ монархъ, какъ и всякій другой глава государства, не могъ одинъ править стра-

¹⁾ По-персидски *шахин-шахъ* — древній титулъ персидскихъ царей.

ной. Въ древней Персіи помощниками его являлись сатрапы — областные начальники, выбираемые обыкновенно изъ придворной знати. Эти царскіе ставленники быстро входили въ силу и нерѣдко забирали такую власть, что становились угрозой и самому властителю Персіи... Въ царствованіе Дарія Гистаспа, напимѣръ, могущественный сатрапъ Оретесъ убилъ посла «царя царей» только за то, что тотъ привезъ ему непріятную вѣсть. Дарій до времени затаилъ обиду: его собственное положеніе на персидскомъ престолѣ было тогда еще не вполне прочно, между тѣмъ какъ одинъ конвой сильнаго Оретеса состоялъ изъ 1.000 солдатъ... Сатрапія его была огромна — Фригія, Лидія и Іонія входили въ ея составъ. И вотъ, чтобы избавиться отъ такого опаснаго помощника, Дарій рѣшился прибѣгнуть къ хорошо испытанному на Востокѣ средству: онъ подкупилъ убійцъ изъ свиты самого же Оретеса, которые и покончили съ всесильнымъ сатрапомъ.

Нечего говорить, что такіе начальники не стѣснялись съ жителями ввѣренныхъ имъ областей; подъ видомъ собиранія податей они безжалостно грабили и истощали народъ, а безумная роскошь, которою они окружали себя, ихъ безграничная развращенность обезсмертили даже самое слово «сатрапъ»: такъ донинѣ еще называютъ опьяненнаго своей властью человѣка, необузданнаго въ своихъ поступкахъ, не знающаго границъ своимъ прихотямъ.

Но времена мѣняются, а съ ними движется и

жизнь страны, хотя порою и слишком медленно. Нынѣ нѣтъ больше сатрапій въ Персіи, исчезли и почти неограниченные сатрапы, но до сихъ поръ еще персы не имѣютъ ни одного писаннаго закона... Вся страна раздѣлена на 20—25 провинцій, которыми управляютъ губернаторы или *хакимы*. Измѣнилось названіе, но сущность во многомъ осталась прежняя. Правда, нынѣ хакимъ уже не сносятся съ иностранными государствами помимо шаха, какъ это нѣкогда позволялъ себѣ заносчивый сатрапъ, но въ своей провинціи онъ является все же маленькимъ неограниченнымъ царькомъ: въ его рукахъ сосредоточена военная, гражданская, судебная и административная власть, онъ можетъ казнить и миловать, пытать по своему усмотрѣнію, словомъ — жизнь и смерть подвластнаго ему населенія вполнѣ зависятъ отъ него...

Хакимы непосредственно подчинены шаху, который главныя провинціи распредѣляетъ, обыкновенно, между членами своей семьи. Эти принцы-правители проживаютъ всего не во ввѣренныхъ ихъ попеченію провинціяхъ, а въ столицѣ, оставляя, вмѣсто себя, на мѣстѣ избраннаго помощника; лишь изрѣдка наѣзжаетъ туда такой родовитый хакимъ, чтобы хотя нѣсколько оправдать свое званіе управителя. Болѣе второстепенныя провинціи назначаются другимъ лицамъ изъ придворной знати; но и тутъ обширность ввѣренной области зависитъ прежде всего отъ связей, богатства и личныхъ качествъ избранника. Надо

замѣтить, что самое число персидскихъ провинцій и понынѣ еще крайне неопредѣленно, такъ какъ границы ихъ точно не установлены; вотъ почему одни изслѣдователи насчитываютъ ихъ больше, другіе меньше. Такъ, напр., знатокъ Персіи, англичанинъ Керзонъ, еще въ 1890 г. насчитывалъ 33 провинціи, въ то время какъ другіе не идутъ дальше 25.

Каждая провинція дѣлится на уѣзды, во главѣ которыхъ стоятъ уѣздные начальники съ очень широкими полномочіями; тамъ дальше идутъ деревни, управляемыя, въ свою очередь, достаточно всеильными старшинами. Въ городахъ — какъ крупныхъ, такъ и малонаселенныхъ — существуютъ еще торговые и ремесленные общества, или цехи; ихъ выборные сносятся съ городскими властями, когда дѣло идетъ о какихъ-либо нуждахъ этихъ цеховъ. Каждый такой выборный долженъ, однако, удостоиться еще прежде утвержденія самого шаха; зато онъ окруженъ такимъ почетомъ, что пользуется почти полной несмѣняемостью: лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ самъ цехъ даетъ отставку своему избраннику. Если же этого потребуютъ власти, то онъ рьяно вступается за своего выборнаго, требуя несомнѣнныхъ доказательствъ его виновности; въ противномъ случаѣ цехъ прямо обращается къ шаху, который и назначаетъ, обыкновенно, строжайшее разслѣдованіе дѣйствій властей.

Однако все, что мы говорили тутъ объ управленіи Персіи, относится лишь къ осѣдлому населенію, ко-

чевые же народы управляются особо, въ зависимости отъ своего образа жизни. Тутъ каждое племя имѣетъ своего отдѣльнаго управителя, носящаго титулъ *ильхана* или *ильбега*; ему подчинены *шейхи*, *хань* и тому подобныя выборныя отъ кочевниковъ, главнѣйшая обязанность которыхъ собирать съ народа подати. Сами же ильханы подчинены или непосредственно шаху, или же тому или иному хакиму. Но на самомъ дѣлѣ такого подчиненія порою и совсѣмъ не существуетъ; такъ, напримѣръ, воинственныя курдскія племена, отличающіяся своей пламенной любовью къ свободѣ, хотя и признаютъ верховную власть шаха, но не позволяютъ ему вмѣшиваться въ свои дѣла, управляясь самостоятельно; этому прекрасно способствуетъ и гористая мѣстность, въ которой они кочуютъ. Какъ и двадцать вѣковъ тому назадъ, курды и понинѣ еще все тотъ же вольный сынъ природы; попрежнему дорожить онъ своими жестокими, воинственными правами, попрежнему ненавидитъ и гонитъ малѣйшій намекъ на просвѣщеніе: вѣдь оно неминуемо повело бы къ смягченію его нравовъ, что умалитъ его свободу, за которую онъ готовъ переносить самыя тяжкія лишенія...

Еще сравнительно недавно, а именно до 1889 г., Персія являлась однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ государствъ, которое не знало долговъ. Въ нужныхъ случаяхъ, тамъ гдѣ въ болѣе образованныхъ странахъ правительство заключаетъ внутренніе или внѣшніе займы, персидскій шахъ обходился чисто домашними

средствами: для пополненія своей казны онъ преспокойно облагалъ населеніе усиленными поборами, хотя оно и безъ того уже стонало подъ тяжестью податей. Да и вообще въ этой области въ Персіи царитъ полный беспорядокъ и произволь, такъ какъ подати собираетъ не само правительство, а отдаетъ ихъ сборъ на откупъ губернаторамъ: каждый изъ нихъ долженъ представить опредѣленную сумму съ своей провинціи — и только. Нечего говорить, что о какой-либо правильности или справедливости тутъ не можетъ быть и рѣчи; къ тому же нѣтъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ населенія, что еще больше ухудшаетъ дѣло. Есть цвѣтушіе, разросшіеся города и селенія, которые платятъ тѣ же суммы, что и въ прежнія, много худшія времена, и наоборотъ: съ опустѣвшихъ, захудалыхъ мѣстностей продолжаютъ взимать тѣ же поборы, что и въ самую счастливую ихъ пору.

Податная тягость увеличивается еще въ Персіи благодаря тому, что при всякомъ случаѣ тамъ принято награждать чиновниковъ. Казна скудно оплачиваетъ трудъ своихъ служащихъ, а между тѣмъ, чтобы получить должность, они должны задабривать своихъ будущихъ начальниковъ довольно чувствительными взятками, часто даже больше годового жалованья. Но ничего не подѣлаешь: иначе въ Персіи не попадешь на государственную службу. Мало того, чтобы не очутиться при случаѣ за бортомъ государственнаго корабля, персидскій чиновникъ долженъ еще ежегодно возобновлять такой подарокъ. И такъ

дѣло ведется по всей чиновничьей лѣстницѣ отъ самыхъ низшихъ ступеней ея до едва достигаемыхъ верховъ: каждый старается оправдать свои расходы, самому не остаться въ убыткѣ и не обидѣть начальство. Даже губернаторы не составляютъ тутъ исключенія: они заставляютъ уѣздныхъ начальниковъ доставлять подати въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ это полагается по закону, такъ какъ, кромѣ собственнаго содержанія, имъ приходится вѣдь расходоваться еще на ежегодные подарки двору и министрамъ. За губернаторское мѣсто, смотря по доходности провинціи, приходится уплатить шаху отъ 30 до 70 тысячъ *тумановъ* ¹⁾. И вотъ плодомъ всей этой уродливой системы является такое произвольное повышение налоговъ, что, по мнѣнію свѣдущихъ людей, съ населенія взимается еще до $\frac{2}{3}$ сверхъ положенной суммы. Надо только удивляться покорности и выносливости персидскаго земледѣльца при такомъ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе что ни голодъ ни неурожай — никакое бѣдствіе не принимается во вниманіе при выколачиваніи податей.

Знаетъ Персія и такіе налоги, которые совершенно неизвѣстны въ другихъ государствахъ. Ежегодно, напримѣръ, къ Новому году, который, къ слову сказать, празднуется здѣсь очень торжественно ²⁾ — съ жителей собирается *пишкешъ*, т. е. денежный пода-

¹⁾ Одинъ туманъ равняется приблизительно двумъ рублямъ.

²⁾ 9 марта по нашему счисленію.

рокъ для поднесенія шаху. Въ экстренныхъ случаяхъ, когда казна почему-либо опустѣла, съ населенія взимается еще и новый очень чувствительный налогъ — *садиръ*, размѣры котораго точно не установлены закономъ. Предстоитъ ли торжество въ семьѣ шаха, въ видѣ, напр., бракосочетанія какого-нибудь принца, предвидится ли пріемъ иностраннаго посольства, надо ли увеличить численность войскъ, или случится другая какая экстренная надобность — шахскіе чиновники требуютъ съ народа *садиръ*, пользуясь, конечно, лишній разъ случаемъ переложить немалую толику изъ истощеннаго и безъ того обывательскаго кармана въ свой собственный. Правительство объявляетъ лишь нужную ему сумму, и, смотря по ея величинѣ, *садиръ* берется или со всего государства или только съ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ провинцій. Въ послѣднемъ случаѣ выбираются, обыкновенно, тѣ изъ нихъ, которыя почему-либо въ опалѣ у высшаго начальства. И вотъ всѣ классы населенія неожиданно обложены новымъ, на этотъ разъ какъ бы карательнымъ налогомъ... Нечего говорить, и здѣсь, какъ всегда, вся сила удара обрушивается, главнымъ образомъ, на бѣднѣйшіе слои народа.

Лишь кочевыя племена, которыя и вообще-то платятъ гораздо меньше податей, счастливо ускользаютъ и на этотъ разъ: подвижной образъ жизни дѣлаетъ ихъ неувимыми и спасаетъ отъ цѣпкихъ рукъ персидскаго чиновника.

Военное могущество Персіи не можетъ представить угрозы для какого бы то ни было европейскаго государства. Въ странѣ этой и до настоящаго времени нѣтъ воинской повинности, хотя по закону срокъ военной службы считается 12-лѣтній, и наборъ долженъ производиться по жребію. Однако, на дѣлѣ дѣйствуетъ старая система: извѣстное число дворовъ, платящее отъ 25 до 45 руб. годового налога, выставляетъ одного солдата, служащаго пожизненно. Не-мусульмане, (въ томъ числѣ и парсы) и горожане освобождены отъ воинской повинности. Нечего говорить, что о какой бы то ни было правильности или справедливости при такой системѣ не можетъ быть и рѣчи. Вотъ почему въ персидской арміи не рѣдкость встрѣтить цвѣтущаго 16—17-лѣтняго юношу рядомъ съ 60-тилѣтнимъ сѣдымъ старикомъ... Нѣтъ не только строго опредѣленнаго закона о возрастѣ призываемыхъ, но даже и о состояніи здоровья будущихъ защитниковъ отечества.

Вся тяжесть воинской повинности ложится тутъ опять-таки на сельскомъ населеніи, такъ какъ горожане и воздѣльватели казенныхъ земель не платятъ податей, а слѣдовательно избавлены и отъ поставки рекрутъ. За наборомъ наблюдаютъ губернаторы, а у кочевниковъ, поставляющихъ лишь незначительное число солдатъ, — глава племени. Лица эти даютъ знать въ данный уѣздъ о количествѣ требуемыхъ съ него рекрутовъ, которыхъ уже совершенно самостоятельно выбираетъ само сельское

населеніе, т.-е. община; она же и назначаетъ каждому рекруту или его семьѣ ежегодное пособіе въ 3—20 тумановъ (отъ 6 до 40 руб.).

Весь наличный составъ арміи въ Персіи едва простирается до 30.000 чел., при чемъ въ него входитъ изрядный процентъ туркменъ и тюрко-татаръ: послѣдніе отличаются гораздо большими воинственными наклонностями, чѣмъ коренные жители Ирана. Чистокровный персъ предпочитаетъ мирную жизнь и всячески радъ уклониться отъ воинской повинности.

О персидскомъ солдатѣ знатоки дѣла отзываются съ величайшей похвалой. Онъ прекрасно сложенъ, удивительно ловокъ, терпѣливъ и выносливъ; воздержаніе въ пищѣ—одна изъ его добродѣтелей, находчивость и наблюдательность часто поражаютъ европейца. Персидскій солдатъ обладаетъ еще весьма цѣнными для пѣхотинца качествами: онъ легко переноситъ всевозможныя лишенія, продолжительные переходы и не поддается усталости. И, несмотря на все это, персидская армія всѣхъ временъ такъ же легко обращалась въ бѣгство, иногда даже передъ самымъ ничтожнымъ по численности греческимъ или арабскимъ полкомъ, какъ и храбро сражалась. Загадка кроется тутъ въ крайней впечатлительности этого народа; персъ быстро воспринимаетъ всякое впечатлѣніе и такъ же быстро мѣняетъ свое настроеніе. Вотъ почему жители однѣхъ и тѣхъ же восточныхъ провинцій нѣкогда покорно подчинялись всякому набѣгу арабовъ, почти не оказывая имъ ни ма-

лѣйшаго сопротивленія, а потомъ, послѣ столѣтняго рабства, въ какихъ-нибудь два года бурнымъ натискомъ отбросили ихъ за Тигръ.

Посмотримъ теперь персидскаго офицера. Этотъ первый руководитель солдатъ лишень здѣсь не только спеціально военного образованія, но нерѣдко и простой грамотности; отъ него требуется лишь знаніе командъ и ружейныхъ приемовъ. Правда, есть въ Персіи и двѣ-три военныя школы для подготовки офицеровъ, но онѣ совершенно не достигаютъ своей цѣли: въ нихъ нѣтъ даже опредѣленной программы преподаванія и все зависитъ отъ вкуса преподавателей... Но хуже всего продажность чиновъ и должностей—эта язва персидской системы управленія. Связи и, главное, деньги—вотъ что стоитъ на первомъ планѣ и тутъ, въ этомъ святомъ дѣлѣ защиты отечества. Ни одно назначеніе, ни одно повышение офицера по службѣ не обходится безъ взятки кому слѣдуетъ. При этомъ въ персидской арміи чины жалуются крайне своеобразно: отъ прапорщика (*намба*) до капитана (*султана*) жалуетъ чины генераль (*сартинъ*); отъ капитана до генерала—военный министръ, а тамъ ужъ всѣ генеральскіе чины жалуются самимъ шахомъ. Высокій чинъ сартина въ Персіи обходится счастливому избраннику отъ 2 до 10 тысячъ рублей...

Но откуда же взять офицеру деньги? Ясно, что такая продажная система носить разложеніе сама въ себѣ. Офицеръ заранѣе знаетъ, что сколько бы онъ

ни трудился по службѣ, какъ бы ни усердствовалъ, какихъ бы знаній ни добивался—все это не поможетъ ему двинуться выше по служебной лѣстницѣ, разъ у него нѣтъ денегъ. И вотъ, чтобы добиться этого могучаго орудія, персидскій офицеръ безсовѣстно грабитъ солдатъ, не останавливаясь ни передъ какимъ произволомъ: онъ урѣзываетъ «сарбазу»¹⁾ его и безъ того скудное жалованіе, доходитъ до того, что распускаетъ цѣлыя части въ отпускъ, а самъ пользуется въ это время деньгами на ихъ продовольствіе. Нѣтъ беззаконія, на которое онъ не рѣшился бы, лишь бы поскорѣе и вѣрнѣе нажитъ. Вотъ почему наличная численность пѣхоты составляетъ лишь 25.000 чел., вмѣсто полагающихся по закону 63.700, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ доходитъ даже до 13.000 чел. А случится внезапная ревизія—офицеръ и тутъ не робѣетъ: онъ преспокойно набираетъ за гроши подставныхъ солдатъ, и дѣло прекрасно сходится съ рукъ къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ... Нечего говорить, что при такомъ взглядѣ начальниковъ на солдатъ, какъ на дойную корову, ни о какой воинской дисциплинѣ не можетъ быть и рѣчи. На случай войны мобилизація арміи положительно ничѣмъ не обезпечена, хотя на бумагѣ и считается, что Персія можетъ выставить войско всѣхъ оружій въ 90.000 съ лишнимъ человѣкъ; въ мирное же время

1) *Сарбазъ* — солдатъ. Собственно слово это означаетъ по-персидски «человѣкъ, не дорожающій своей головой».

солдатскіе бунты явленіе далеко не рѣдкое. Питаніе солдатъ самое жалкое, горячая пища является рѣдкимъ исключеніемъ; овечій сыръ, кислое молоко, хлѣбъ, рѣдька,—такова повседневная пища персидскаго воина. И вотъ, чтобы хотя сколько-нибудь ослабить недовольство своихъ сарбазовъ, офицеры самовольно дѣлаютъ имъ различныя льготы по службѣ: ученье сокращаютъ до двухъ часовъ въ день, въ дурную погоду совсѣмъ его отмѣняютъ, и т. п. Да собственно говоря, и все ученье-то тутъ сводится исключительно къ внѣшней выправкѣ; могутъ солдаты прилично пройтись передъ начальствомъ церемоніальнымъ маршемъ и слава Богу!

Для инженерныхъ работъ у шаха состоятъ на службѣ иностранные инженеры. Интендантскаго вѣдомства совсѣмъ нѣтъ, а каждая часть ведетъ свое отдѣльное хозяйство, гдѣ нажива опять-таки стоитъ на первомъ планѣ. Военнаго флота на Каспійскомъ морѣ Персія, согласно гюлистанскому договору въ 1813 г., содержать не имѣетъ права; лишь въ Персидскомъ заливѣ имѣется единственный винтовой пароходъ въ 600 тоннъ ¹⁾).

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что военное значеніе персидской арміи въ настоящее время весьма незначительно и сколько-нибудь серьезной угрозы для хорошо обученнаго европейскаго войска она представлять не можетъ, хотя за послѣдніе десятки лѣтъ

¹⁾ *Тонна* — мѣра вѣса, около 62-хъ пудовъ.

правители Персіи и усилили свои заботы о ней. Отсюда, однако, ошибочно было бы заключить, что страну эту ничего не стоитъ завоевать. Жестоко были бы наказаны иноземные пришельцы, вздумавшіе проникнуть въ глубь Персіи: вѣдь это страна обширныхъ пустынь и едва проходимыхъ горъ, гдѣ войскамъ, непривычнымъ къ мѣстнымъ условіямъ, пришлось бы еще изнывать отъ голода и жажды, среди враждебнаго населенія. Не мало хлопотъ причинили бы непрошеннымъ завоевателямъ и лихіе кочевники, готовые грудью отстаивать дорогую имъ свободу. Лишь самыя границы Персіи могутъ сдѣлаться при случаѣ добычею сосѣднихъ народовъ: тутъ персамъ уже не справиться съ хорошо обученнымъ европейскимъ войскомъ и не обойтись безъ посторонней помощи.

Все отправленіе правосудія у персовъ, какъ, впрочемъ, и у другихъ мусульманъ, главнымъ образомъ основано на Коранѣ. По понятію послѣдователей Магомета, источникомъ всякаго законодательства является Богъ, который и ниспослалъ правила, изложенныя частью въ Коранѣ, частью же въ изреченіяхъ пророка. Вотъ почему Магомета послѣдователи его и называютъ *шарій* ¹⁾, т.-е. законодателемъ.

Дополненіемъ къ Корану въ дѣлѣ законодательства мусульманъ служитъ еще такъ-наз. *Сунна* ²⁾,

¹⁾ Собственно слово это означаетъ «приготовить путь».

²⁾ *Сунна* означаетъ правила или установленія.

которая никогда не была изложена письменно. Это ничто иное, какъ собраніе устныхъ преданій о рѣшеніяхъ и постановленіяхъ пророка по тѣмъ предметамъ, которые недостаточно были разработаны въ Коранѣ. Первоначально преданія эти сохранились лишь въ памяти учениковъ его, а потомъ изустно передавались отъ одного къ другому, при чемъ число ихъ, постепенно разрастаясь, достигло огромныхъ размѣровъ, пока не подверглось значительному сокращенію. Первый сборникъ такихъ преданій составленъ былъ при халифѣ Алиі, впоследствии же выходило ихъ не мало.

Наконецъ, немалое значеніе въ дѣлѣ отправленія правосудія имѣеть еще и такъ-наз. *обычное право*, или *адатъ*, т.-е. правила, вырабатываемыя обыкновенно самими людьми при ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. И эти правила также никогда никѣмъ не записывались; изустно передаваясь изъ рода въ родъ, они, однако, настолько прочно вѣдрились въ сознаніи народа, что приняли форму обычая.

Правосудіе въ Персіи отправляется какъ свѣтскимъ судомъ, такъ и духовенствомъ. Свѣтскій судъ разбираетъ дѣла по обычному праву, во главѣ котораго стоитъ самъ шахъ. Нечего говорить, что взгляды правителя имѣютъ тутъ большое значеніе и даютъ направленіе всему свѣтскому судопроизводству, когда дѣло идетъ о важныхъ вопросахъ. Да и вообще говоря, обычное право не можетъ представлять нѣчто цѣльное и непреложное: вѣдь оно прежде всего зави-

ситъ отъ состава населенія и степени его развитія; мѣстные обычаи условія жизни имѣютъ здѣсь большой вѣсъ, въ особенности въ преступленіяхъ менѣе серьезныхъ.

Духовенство судить по письменному праву, или *шариату*; тутъ власть его и понынѣ очень обширна, а въ прежнія времена она доходила до того, что шла въ разрѣзъ съ направленіемъ правительства, становясь угрозой самому шаху. Такъ было, напр., до царствованія шаха Надира, когда значеніе духовенства стояло такъ неизмѣримо высоко, что порою въ руки его предавался весь судъ. Кромѣ народнаго уваженія, сила духовенства зависѣла еще отъ того, что оно владѣло въ то время обширнѣйшими помѣстьями и денежными средствами. Но и въ наши дни могущественное въ Персіи духовенство дѣятельно участвуетъ въ отправленіи правосудія; особенно велико здѣсь значеніе муштаидовъ — этихъ высшихъ духовныхъ лицъ, къ которымъ въ трудныя минуты жизни персъ идетъ искать защиты и справедливости. Однако, не довольствуясь своей и безъ того огромной властью, духовенство стремится еще забрать въ свои руки и все дѣло правосудія; отсюда безконечныя распри между свѣтскимъ и духовнымъ судомъ. Тѣмъ не менѣе въ настоящее время отправленіе правосудія размежевано здѣсь такимъ образомъ, что всѣ преступленія противъ вѣры, брачныя дѣла, разводы, споры о наслѣдствахъ, словомъ всѣ такъ-наз. *гражданскія* дѣла — подлежатъ духовному суду, *уголовныя же* преступленія разбираетъ свѣтскій судъ.

Въ небольшихъ городахъ и деревняхъ всѣ дѣла, подлежащія духовному суду, рѣшаются *муллами*, т.-е. низшими священнослужителями. Такъ какъ муллою можетъ быть всякій грамотный магометанинъ умѣющій, съ грѣхомъ пополамъ, толковать Коранъ, то эти малообразованные, узкіе судьи способны рѣшать лишь самыя простыя гражданскія сдѣлки, а болѣе важныя дѣла отсылаются въ высшія судебныя мѣста. Надо прибавить къ тому еще, что муллы пользуются чрезвычайно дурной славой, какъ люди продажныя, хотя этому не трудно найти и объясненіе: получаемое ими содержаніе настолько ничтожно, что его не можетъ хватить даже на самое скромное существованіе.

Важныя уголовныя преступленія разбираются самимъ губернаторомъ; менѣе же значительныя поступаютъ въ городахъ къ полицейскимъ властямъ, а въ деревняхъ къ старшинамъ или *кетхудамъ*. Деревенскій судъ въ Персіи справедливѣе и человѣчнѣе городского, такъ какъ кетхуды судятъ не единолично, а совѣщаются со стариками; на основаніи общаго мнѣнія и выносятся постановленія. Вотъ почему и наказанія въ деревняхъ рѣдко такъ жестоки и безчеловѣчны, какъ мы это сплошь и рядомъ видимъ въ городахъ. Однако, какъ здѣсь, такъ и тамъ образъ дѣйствій низшихъ органовъ правосудія во многомъ зависитъ отъ денегъ; въ уголовныхъ же преступленіяхъ онѣ имѣютъ первенствующее значеніе и могутъ совершенно освободить отъ наказанія. Дастъ пре-

ступникъ выкупъ — онъ свободенъ, въ противномъ случаѣ у него отбираютъ все, что представляетъ хотя малѣйшую цѣнность, заковываютъ въ кандалы и ввергаютъ въ темницу. Страшно подумать о тѣхъ тяжкихъ лишеніяхъ и безчеловѣчныхъ терзаніяхъ, которымъ подвергаютъ тутъ подсудимаго! Мало того что его морятъ голодомъ, но еще жестоко бьютъ, жгутъ пальцы, подвергаютъ всевозможнымъ пыткамъ, и все это продѣлывается до тѣхъ поръ, пока несчастный не сможетъ откупиться. Если же все это не помогаетъ, и подсудимый все-таки не даетъ взятки своимъ безчеловѣчнымъ судьямъ, то, отведя вдоволь душу, несчастнаго отправляютъ къ губернатору этой провинціи. Тутъ жертву жестокаго правосудія ожидаютъ еще большія пытки, а порою и казнь. Городскія и полицейскія власти судятъ, главнымъ образомъ, за воровство, пьянство и грабежи.

При каждомъ судѣ въ Персіи, какъ и въ другихъ мусульманскихъ странахъ, непременно состоитъ такъ наз. *муфтій*. Это нѣчто въ родѣ нашего обвинителя, который излагаетъ передъ судомъ суть дѣла и даетъ о немъ свое собственное заключеніе. Такъ какъ муфтій въ большинствѣ случаевъ по-своему человѣкъ образованный, — онъ хорошо изучилъ Коранъ и мусульманское право вообще, — то мнѣніе его уважается настолько, что оно одно уже очень часто рѣшаетъ дѣло.

Въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ можетъ являться и посторонняя публика, что, по мнѣнію персовъ, даже

желательно, такъ какъ это обстоятельство сдерживаетъ судей и предупреждаетъ злоупотребленія съ ихъ стороны. «Засѣданія суда,—говоритъ одинъ изъ знатоковъ Персіи, — очень шумны, несмотря на то, что всегда присутствуютъ тутъ *фарраши* ¹⁾, на обязанности которыхъ лежитъ водвореніе тишины при помощи палокъ. Больше всего, конечно, шумятъ женщины, пользуясь тѣмъ, что по закону ихъ не могутъ бить палками».

Разнообразны наказанія въ Персіи, а жестокость ихъ и нынѣ поражаетъ европейца, въ прежнія же времена она носила прямо звѣрскій характеръ. Даже заколъ кинжаломъ, задушеніе или обезглавленіе,—эти излюбленныя персидскія казни, — считались раньше слишкомъ мягкими и снисходительными: правительство полагало, что для вящаго устрашенія народа, всякая такая кара должна еще сопровождаться страшными пытками, а потому предпочитало сожженіе преступника, распятіе или четвертованіе его. Нынѣ же приговоренныхъ къ казни пытаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ, напр., при отцеубійствѣ, кражѣ у членовъ царствующаго дома; обыкновенно же преступниковъ обезглавливаютъ.

Послѣ смертной казни однимъ изъ самыхъ частыхъ наказаній является присужденіе къ палочнымъ ударамъ. Персы до того привыкли къ нему, что не считаютъ его даже унижительнымъ для себя, а шутя

¹⁾ Персидскіе городовые.

называютъ это «покушать палокъ»... Отъ этого излюбленнаго наказанія ничто не спасаетъ въ Персіи — ни возрастъ ни высокое положеніе; въ провинціяхъ, гдѣ хакимами состоятъ родственники шаха, палочными ударами награждались не разъ даже высшіе чиновники... Трудно повѣрить, что число ударовъ, наносимыхъ, обыкновенно, по пятамъ шестифутовыми палками, доходитъ здѣсь порою до нѣсколькихъ тысячъ штукъ! И если персъ способенъ выдержать такое чудовищное наказаніе, то лишь благодаря тому, что обставлено, къ счастью, оно ужъ очень несовершенно. Раздѣтаго обвиняемаго кладутъ на спину, прямо на землю; ноги его продѣваютъ въ петли, привязанныя къ шесту, а послѣдній держится на вѣсу двумя дюжими персами; послѣ этого шестъ начинаютъ крутить до тѣхъ поръ, покуда ноги не подойдутъ къ нему вплотную. Благодаря такому неудачному приспособленію, большинство ударовъ вмѣсто пяти приходится по шесту, который при этомъ совершенно превращается въ щепки. Для воровъ существуетъ еще и другое варварское наказаніе: имъ отрубаютъ руку или ногу, обрѣзываютъ уши, а чаще всего прямо подрѣзываютъ подкожную жилу и пускаютъ навѣки хромыми... Но, собственно говоря, строго установленнаго наказанія за каждый проступокъ нѣтъ въ Персіи, — тутъ все зависитъ отъ вдохновенія и вкуса самихъ судей...

Не удивительно, что при такомъ печальномъ положеніи вещей персы избѣгаютъ обращаться къ суду,

предпочитая обходиться своими средствами. Въ гражданскихъ дѣлахъ, на примѣръ, народъ любитъ прибѣгать къ *третейскому* суду: обѣ стороны выбираютъ уважаемыхъ ими лицъ и на судъ ихъ отдаютъ свой споръ. Въ торговомъ и сельскомъ мѣрѣ народный обычай создалъ даже нѣчто въ родѣ постоянного такого суда. Въ первомъ случаѣ такое учрежденіе называется *меджлисъ* (засѣданіе); онъ состоитъ изъ предсѣдателя, выбираемаго, обыкновенно, изъ самыхъ уважаемыхъ купцовъ, и членовъ — также представителей избраннаго купечества. Какъ только въ торговомъ мѣрѣ возникаетъ какое-нибудь спорное дѣло, члены меджлиса собираются въ домъ предсѣдателя и тутъ начинаютъ обсуждать его; всѣ данныя взвѣшиваются при этомъ очень тщательно и осторожно, при полномъ безкорыстіи: вѣдь такіе судьи никакой платы за рѣшеніе не берутъ. Вотъ почему судъ этотъ пользуется большимъ уваженіемъ въ глазахъ персовъ, а постановленія его принимаются, обыкновенно, безпрекословно обѣими сторонами. Такой меджлисъ признается даже властями, а рѣшенія его записываются, при чемъ тяжущіеся и судьи прикладываютъ къ нимъ свои печати ¹⁾. Послѣ этого бумага препровождается къ высшимъ судебнымъ или духовнымъ властямъ, которыя, въ свою очередь, прикладываютъ печать и заносятъ дѣло въ особую книгу;

¹⁾ Персы вмѣсто подписей употребляютъ печати.

теперь уже оно считается окончательно рѣшеннымъ и принятымъ обѣими сторонами.

Такіе же точно третейскіе суды мы видимъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Тутъ членами суда избираются уважаемые сельскіе хозяева, достигшіе зрѣлаго возраста, предсѣдателемъ же состоитъ, обыкновенно, кетхудъ (старшина). Какое бы спорное дѣло ни возникло въ деревенскомъ обиходѣ, — будетъ ли это вопросъ о размежеваніи земли, орошеніи и т. п. — все передается на усмотрѣніе этого уважаемаго населеніемъ суда, и рѣшеніе его принимается по большей части съ полною покорностью. Если же какая-либо сторона недовольна, то она можетъ подавать апелляцію ¹⁾, начиная съ уважаемаго мѣстнаго землевладѣльца и кончая губернаторомъ данной провинціи, даже самому шаху — какъ высшему источнику справедливости...

Что касается тюремнаго заключенія, то въ Персіи это одно изъ самыхъ рѣдкихъ наказаній, при чемъ оно никогда не бываетъ продолжительнымъ: вѣдь персидское правосудіе прежде всего старается, чтобы наказаніе было дешево и быстро... Двѣнадцатимѣсячное заключеніе считается здѣсь уже чрезчуръ суровымъ. Къ тюрьмѣ присуждаютъ, обыкновенно, за маловажныя преступленія — бродяжничество, неплату податей, кражи и т. д. Положеніе заключенныхъ крайне жалкое: не говоря уже о томъ, что

¹⁾ *Апелляція* — жалоба высшему присутственному мѣсту на рѣшеніе низшаго.

сама казна отпускаетъ на содержаніе ихъ ничтожную сумму, но не малая часть ея перепадаетъ еще въ карманы тюремнаго начальства, такъ что на долю заключенныхъ выпадаютъ всевозможныя лишенія, до голодовки включительно. Еще ужаснѣе положеніе преступниковъ, совершившихъ какое-либо насиліе—грабежь, напимѣръ; эти несчастные мало того

что заковываются въ кандалы и сажаются на цѣпь, но для окончательнаго предупрежденія побѣга имъ надѣваютъ еще на шею желѣзныя кольца, изъ которыхъ каждое соединяется съ кольцомъ сосѣда. Эти обернутые въ тряпки ошейники поддерживаются самими преступниками при помощи деревянныхъ виль, и можно себѣ представить, какія мученія причиняетъ эта бессмысленно жестокая мѣра. Нечего

говорить, что при такихъ условіяхъ заключенному мудрено бѣжать изъ тюрьмы, и если такіе, хотя и рѣдкіе, случаи все же бываютъ въ Персіи, то тутъ дѣло не обходится, конечно, безъ подкупа тюремной стражи. Такова ужъ цѣнность денегъ въ этой странѣ: этотъ волшебный ключъ отмыкаетъ и тяжелыя тюремныя двери...

Женщину-преступницу въ Персіи не заключаютъ въ тюрьму, а отправляютъ на исправленіе въ домъ духовнаго лица. Надо, однако, замѣтить, что благодаря затворнической жизни персидскихъ женщинъ, преступленія среди нихъ чрезвычайно рѣдки.

Есть у персовъ старинный обычай—въ 10-й день Мохаррема выпускать на волю всѣхъ заключенныхъ. Въ этотъ день, какъ намъ уже извѣстно, шииты оплакиваютъ смерть своего святого, Гуссейна,—мученически убитаго въ 680 г. по Р. Хр. И вотъ неудержимый порывъ овладѣваетъ народомъ въ этотъ священный для всякаго шиита день, и персы толпами устремляются къ тюрьмамъ, чтобы освободить томящихся узниковъ. Не дремлетъ тутъ, конечно, и правительство: оно старается основательнѣе припрятать на этотъ день важныхъ преступниковъ, а въ крайнемъ случаѣ уже заранѣе принимаетъ всѣ мѣры, чтобы снова водворить ихъ на прежнее мѣсто, такъ что счастливо ускользаютъ лишь мелкіе преступники. Но есть у гонимаго безправнаго перса и еще якорь спасенія: это такъ-называемый *бэстъ*. Словомъ этимъ именуются въ Персіи мѣста, гдѣ могутъ безнаказанно

укрыться лица, преслѣдуемая властями. Такими убѣжищами служатъ, обыкновенно, иностранныя посольства, телеграфныя станціи, главнымъ же образомъ— мечети, могилы святыхъ и жилища мунтаидовъ; въ послѣднемъ случаѣ бѣствомъ является не только самый домъ этого важнаго духовнаго лица, но и часть прилегающей къ нему улицы. Разъ заподозрѣнный въ преступленіи персъ перешагнулъ эту завѣтную черту—власти уже не могутъ взять его силой; обыкновенно онъ и остается здѣсь, пока родственники не столкнутся съ кѣмъ слѣдуетъ о выкупѣ... Удалить изъ бѣста можетъ лишь самъ хозяинъ его, что часто и случается, когда укрывшійся — завѣдомый уголовный преступникъ. Вотъ почему такіе несчастные чаще всего ищутъ убѣжища въ мечетяхъ и у святыхъ могилъ. Но и тутъ имъ трудно бываетъ продержаться долго: власти берутъ ихъ изморомъ, устанавливая поблизости полицейскихъ, которые и не позволяютъ родственникамъ доставлять преслѣдуемымъ пищу.

Однако, нельзя не замѣтить, что въ общемъ, по наблюденіямъ знатоковъ Персіи, жестокость наказаній постепенно смягчается нынѣ. Любопытно, что наказаніе не кладетъ здѣсь такого рокового клейма на всю будущность человѣка, какъ въ другихъ странахъ: въ исторіи Персіи есть случаи, когда люди, годами занимавшіеся грабежами на большихъ дорогахъ и присужденные за это къ смертной казни, добирались тѣмъ не менѣе до высшихъ ступеней государственной лѣстницы

Такъ отправляется правосудіе въ современной Персіи, а сами судьи съ гордостью говорятъ европейцамъ:

«Мы хватаемъ преступника тотчасъ же послѣ совершенія преступленія и поступаемъ съ нимъ такъ сурово, что судьба его внушаетъ ужасъ всѣмъ злоумышленникамъ. Но мы не дѣйствуемъ подобно вамъ: мы не запираемъ его на цѣлые годы въ тюрьму, такъ какъ не питаемъ къ нему ровно никакой злобы...»

Г Л А В А VI.

Тегеранъ и его виды. — Персидскія улицы и дома. — Дворецъ «царя царей». — Базаръ. — Одежда и пища у персовъ.

Если бы вы случайно попали въ Тегеранъ, то навѣрное были бы поражены необычнымъ видомъ этой нынѣшней столицы персидскихъ шаховъ. Не даромъ говорятъ про одного путешественника, что, проѣхавъ больше половины города, онъ вдругъ обратился съ вопросомъ къ возницѣ:

— Да когда же, наконецъ, будетъ Тегеранъ?

И неудивительно: европеецъ, незнакомый съ жизнью и нравами персовъ, и не подозреваетъ, что онъ просто ѣдетъ азиатскими улицами. Представьте себѣ длинныя, болѣе или менѣе узкія коридоры, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся довольно высокія глинобитныя стѣны, — и вы получите

улицы Тегерана. Ни одного жилья, ни одной постройки вокругъ... И если среди этихъ непривѣтныхъ стѣнъ мелькнетъ вдругъ домъ фасадомъ на улицу, то заранѣе можете быть увѣрены, что это жилище какого-нибудь *ференги*, т.-е. иностранца, котораго судьба забросила въ Тегеранъ, или же европейскаго учрежденія — банка, посольства и т. п.

Стоитъ только вспомнить всю многострадальную исторію персовъ, ихъ вѣчную борьбу за существованіе, чтобы понять, почему они привыкли строить свои жилища внутри дворовъ. Когда безпрестанно приходится бояться нападенія врага, который можетъ отнять не только все достояніе, но и жизнь, то и жилище приходится строить наподобіе маленькой крѣпости. Другая причина такихъ скрытыхъ построекъ — это затворническая жизнь магометанскихъ женщинъ; каждый правовѣрный пуце огня боится, чтобы взоры какого-нибудь посторонняго мужчины не проникли въ его *эндерунъ*, или *гаремъ*, т.-е. на женскую половину. Никакая власть въ свѣтѣ — ни свѣтская ни духовная — никто, кромѣ хозяина и дѣтей, не смѣетъ переступить порогъ гарема; исключеніе дѣлается только для самого шаха, посѣщеніе котораго, по повѣрью персовъ, приноситъ счастье. Вотъ почему съ улицы и видны только однѣ непривѣтныя стѣны, до двухъ саженъ въ вышину, съ небольшими выемками для воротъ; самые же дома находятся внутри, за этими непривѣтными стѣнами. Ихъ плоскія крыши служатъ вмѣсто балко-

новъ, а въ жаркое время года, когда духота гонитъ наружу и по ночамъ, персы преспокойно располагаются на нихъ спать. Надо, однако, замѣтить, что мало-мальски состоятельные люди — и персы и европейцы — на лѣто спѣшаютъ вонъ изъ Тегерана и уѣзжаютъ въ горы: жаркій климатъ въ связи съ грязью порождаютъ массу болѣзней и дѣлаютъ жизнь въ столицѣ невыносимою.

Да и города въ Персіи по старой привычкѣ также обнесены стѣнами или глубокими рвами. Для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ въ стѣнѣ имѣются ворота, рѣдко ихъ нѣсколько; на ночь ворота эти запираются, и населеніе какъ бы отрѣзано отъ остальнаго міра. Своеобразный видъ имѣютъ въ большихъ персидскихъ городахъ эти городскія ворота: это просто обширная арка ¹⁾, украшенная высокими башенками, и все это облицовано разноцвѣтными изразцами въ персидскомъ вкусѣ, а наверху изъ тѣхъ же изразцовъ изображена аляповатая картина: либо сказочный герой Рустемъ (въ родѣ нашего Ильи Муромца), либо какое-нибудь событіе изъ исторіи Персіи.

Но вотъ вы уже благополучно миновали городскія ворота, проѣхали цѣлый рядъ широкихъ и узкихъ коридоровъ, т.-е. улицъ и переулковъ, и выѣхали на широкую, просторную площадь. Это — «Топъ-Ханэ» ²⁾, или главная городская площадь Теге-

¹⁾ Ворота съ полукруглымъ верхомъ.

²⁾ «Площадь пушекъ».

рана; кругомъ нея идетъ рядъ грубо размалеванныхъ двухъэтажныхъ зданій — это военныя казармы. Самая площадь прескверно вымощена крупнымъ неровнымъ булыжникомъ, да и ремонта тутъ не полагается. Не мудрено, что на каждомъ шагу попадаются то яма, то рытвина, то колдобина, и не сдобровать бы по ночамъ злополучнымъ экипажамъ, если бы съ восьми часовъ вечера улицы не пустѣли, а весь городъ точно вымиралъ. Посреди площади небольшой садъ съ большимъ четырехугольнымъ бассейномъ посрединѣ; растительность чахлая и производитъ самое жалкое впечатлѣніе, а бассейнъ всегда сухой. По правую сторону сада стоятъ въ два ряда штукъ двадцать бронзовыхъ пушекъ различной величины; но не грозную картину представляютъ эти смертоносныя орудія, а одно печальное запустѣніе. Точно такъ же и по угламъ сада стоятъ четыре огромнѣйшихъ пушки, принесенныя, какъ говорятъ, въ даръ одному изъ шаховъ какимъ-то владѣтельнымъ индійскимъ принцемъ. Но и эти грозныя чудища не способны внушить ни малѣйшаго страха: необъятныя колеса и лафеты покосились и потрескались подъ ними, и, того и гляди, огромное орудіе рухнетъ на землю, точно само моля о пощаду... На этой же площади находятся и нѣкоторыя учрежденія: почтамтъ, телеграфъ, гауптвахта и англійскій банкъ.

А вотъ и шахскій дворецъ. Изъ-за высокихъ стѣнъ, которыми огорожено это мѣстопробываніе

«царя царей», видна лишь верхняя часть дворца, украшеннаго тонкими красивыми башенками, и все это также облицовано кафелемъ. Самый дворецъ ничего особеннаго не представляетъ, и, какъ каждый богатый персидскій домъ, онъ дѣлится на двѣ половины: внѣшняя часть дома, или *бирунъ*, служитъ для пріемовъ, а тамъ дальше идетъ *эндерунъ*, или гаремъ, гдѣ помѣщаются десятка два шахскихъ женъ съ дѣтьми и при нихъ до сотни женской прислуги. Въ бирунъ эти царственныя затворницы никогда не заглядываютъ—входъ туда имѣютъ исключительно мужчины. Эта внѣшняя часть дворца двухъэтажная; какъ и остальные дворцовыя строенія, бирунъ представляетъ изъ себя смѣсь величія и красоты съ простотой, доходящей до безвкусія, а подчасъ и прямо до грубости. Но что придаетъ необыкновенно чарующій видъ этимъ разбросаннымъ постройкамъ—это дивная зелень окружающихъ ихъ садовъ; въ нихъ бьютъ фонтаны, искрятся огромныя бассейны, наполненные водой, тянутся многочисленные каналы, освѣжающіе воздухъ. Пріятно войти сюда, въ это царство прохлады, въ особенности въ жаркій лѣтній день, когда такъ невыносимо душно на пыльных, грязныхъ улицахъ Тегерана. Въ этой внѣшней части дворца находится огромная зала въ два свѣта, посреди ея возвышается большой бѣлый мраморный тронъ, на которомъ возсѣдаетъ шахъ во время торжественныхъ пріемовъ. Во второмъ этажѣ помѣщается

нѣчто въ родѣ музея¹⁾; тутъ на ряду съ рѣдкими драгоценностями, съ тончайшими произведеніями древнихъ мастеровъ вы встрѣтите самыя заурядныя, безвкусныя вещи. Замѣчательны здѣсь очень дорогіе ковры, особой тонкой стрижки, какихъ не знаютъ у насъ въ Европѣ.

Правую часть дворца занимаютъ жилыя комнаты шаха; здѣсь находится его эндерунъ, гдѣ онъ и проводитъ большую часть дня. Комнаты убраны довольно безтолково: есть и хорошія картины и дорогая мебель, но и тутъ, въ свою очередь, попадаютъ ничего не стоящія, безвкусныя вещи. Какъ и у всѣхъ богатыхъ персовъ, каждой шахской женѣ отводится особое помѣщеніе и прислуга. Главною женою считается какая-нибудь принцесса царской крови, по большей части дальняя родственница шаха; сынъ этой жены и является наследникомъ, а остальные жены хотя и считаются законными, но дѣти ихъ не имѣютъ права на шахскій престолъ. Можно себѣ представить, сколько ссоръ, несправедливостей, а подчасъ и преступленій творится на этой женской половинѣ дворца! Главное занятіе этихъ праздныхъ, избалованныхъ женщинъ—взаимное соперничество: каждая старается прочнѣе привлечь къ себѣ сердце шаха, чтобы какъ можно больше урвать для себя и своихъ дѣтей, пристроить много-

¹⁾ *Музей* — собраніе предметовъ научныхъ или художественныхъ.

численныхъ родственниковъ; тутъ все пускается въ ходъ, ни передъ чѣмъ не останавливается ревнивая восточная красавица... Такъ прозябаютъ эти «звѣзды гарема» за высокою грязною стѣною, окружающею всѣ дворцовыя зданія.

Лучшая часть Тегерана—это европейская. Такъ называется одна изъ двухъ улицъ, выходящихъ на площадь—съ сѣверо-восточной стороны. Здѣсь по большей части живутъ европейцы, помѣщаются посольства и другія учрежденія; нѣтъ уже больше унылыхъ глинобитныхъ заборовъ — фасады домовъ смѣло смотрятъ на улицу. А вотъ и русскій «Учетно-Судный банкъ» въ своемъ красивомъ домѣ, окруженномъ огромнымъ тѣнистымъ садомъ съ прохладными бассейнами и цвѣтущими клумбами. Неподалеку, за высокой оградой, пріютилась маленькая католическая церковь, а при ней школа для дѣтей армянъ и халдеевъ; тутъ же и небольшой госпиталь, гдѣ каждый страждущій иностранецъ, къ какой бы вѣрѣ онъ ни принадлежалъ, находитъ себѣ нужную помощь.

Любопытно пройти по улицамъ Тегерана. Хотя пыль и грязь царятъ здѣсь и понынѣ, какъ въ доброе старое время, но на ряду съ извозчиками мелькнетъ порою и автомобиль¹⁾; видно, просвѣщеніе и новшества коснулись, наконецъ, и Персіи. Вотъ потянулся караванъ, нагруженный товарами. Мѣрно ша-

¹⁾ Самодвижущаяся карета или коляска.

гают покорные верблюды, гулко режут мулы под своим странным грузом: это трупы богатых персов, пожелавших покоиться на святой земле, но пока они разносят лишь заразу и болѣзни. А вот и одна из достопримѣчательностей столицы—знаменитый тегеранскій базаръ «Эмиръ». Это не простая базарная площадь, какъ мы привыкли это видѣть у себя дома, а цѣлый крытый кварталъ, изрѣзанный множествомъ узкихъ и кривыхъ улицъ и переулковъ. Кажется, свѣжему человѣку ни за что не разобратся и не найти здѣсь нужную ему вещь—до того все обширно и разбросано кругомъ; но стоитъ лишь приглядѣться повнимательнѣе, и сразу бросается въ глаза, что все устроено здѣсь очень удобно: ремесленники подобрались по мастерствамъ, а купцы по роду торговли, и найти все необходимое очень легко. Если вамъ нуженъ, на примѣръ, мѣдникъ или котельщикъ—смѣло идите на стукъ и звонъ молотковъ и наковалень, который издали доносится къ вамъ оглушительнымъ ревомъ изъ многихъ десятковъ мастерскихъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ. А вотъ и красный товаръ. Вы входите въ одну изъ лавокъ, которая длинной вереницей лѣпятся другъ къ другу. Это небольшой четырехугольникъ безъ одинаго окна, съ чисто выбѣленными стѣнами; свѣтъ идетъ только со стороны входа, который на ночь закрывается грубо сколоченными ставнями. На небольшомъ возвышеніи, прямо на коврѣ, торжественно возсѣдаетъ самъ хозяинъ, окруженный кипами товаровъ: восточный купецъ не

любить далеко прятать свой товаръ, а прямо выставляетъ его напоказъ; самыя же цѣнныя вещи

хранятся, обыкновенно, въ темной каморкѣ, которая имѣется позади каждой лавки. Едва вы вошли, какъ прежде всего купецъ спѣшитъ предложить вамъ

кальянъ и очень огорчится, если вы откажетесь отъ этого излюбленнаго на Востокѣ удовольствія; онъ любить поговорить и никогда не торопится, а съ покупателемъ-персомъ дѣло не обходится безъ долгихъ торговъ и пререканій: расчетливый иранецъ никогда сразу не покупаетъ нужную ему вещь, а сначала обойдетъ безконечный рядъ лавокъ, всюду прицѣнивается и торгуется, а потомъ только ужъ купить гдѣ похощидѣ; но если, придя домой, покупка ему разонравилась или онъ просто раздумалъ тратиться, то въ теченіе сутокъ можетъ вернуть вещь обратно и получить свои деньги. Есть лавки, убранныя съ большимъ вкусомъ: повсюду стоятъ букеты живыхъ цвѣтовъ, съ потолка или надъ самымъ входомъ спускаются клѣтки съ попугаями, соловьями и жаворонками, которые своимъ пѣніемъ улаживаютъ хозяевъ, и смѣшиваясь съ немолчнымъ людскимъ говоромъ, еще болѣе усиливаютъ нависшій надъ базаромъ трескъ и шумъ. Почти предъ каждой лавкой стоятъ чаши съ холодной водой; здѣсь покупатели или просто прохожіе утоляютъ свою жажду, безъ чего не обойтись лѣтомъ при невыносимомъ тегеранскомъ зноѣ.

Но не только осѣдлая торговля идетъ на базарѣ: масса бродячихъ торговцевъ тоже снискиваетъ себѣ здѣсь свое скудное пропитаніе. Вотъ продавецъ трубокъ и чайный разносчикъ усердно расхваливаютъ свой товаръ, навязывая его прохожимъ; то-и-дѣло снуютъ продавцы стараго платья и разнаго хлама.

А вонъ и хитрый дервишъ ¹⁾ въ своемъ странномъ нарядѣ; онъ выпрашиваетъ милостыню не хуже за-

правскаго нищаго, который попадаетъ здѣсь на каждомъ шагу. Среди этой разношерстной толпы повсюду видны закутанныя въ свои покрывала покупательницы; онѣ заполнили все проходы и

¹⁾ Странствующій монахъ.

частый говоръ ихъ наполняетъ воздухъ. Но вотъ вдругъ верхомъ на кровномъ конѣ неожиданно появляется гроза населенія — губернаторъ, окруженный своими приближенными. Поднимается невообразимое смятеніе и переполохъ. Всѣ купцы быстро вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и привѣтствуютъ его почтительными поклонами. А безконтрольный владыка огромной провинціи торжественно ѣдетъ дальше, взбудораживая весь базаръ.

Но уже солнце близится къ закату. Вдругъ раздается призывный звукъ трубы и громкій протяжный возгласъ:

— За-кры-вай-те лавки!

По повелѣнію мудраго Корана торговать разрешается лишь съ восхода до заката солнца — дабы не было обмана и чтобы не ввести въ убытокъ тѣхъ изъ купцовъ, которые почему-либо не могутъ торговать по вечерамъ. Всѣ лавки поспѣшно закрываются, а черезъ полчаса закрыты и главныя базарныя ворота. Теперь кромѣ сторожей да многочисленныхъ собакъ на всемъ обширномъ пространствѣ вы не встрѣтите ни души. Зато замѣчательны здѣсь эти собаки: неизмѣнные обитатели базара, онѣ такъ и живутъ здѣсь, питаются отбросами и помоями; днемъ онѣ мирно спятъ и не только не тронуть покупателя, но даже и не залаютъ на него, по ночамъ же страшно свирѣпы, а шумный лай ихъ такъ и стоитъ въ воздухѣ, еще издали отпугивая обывателя.

Одежда персидскаго крестьянина незамысловата: — холстинковые штаны и рубаха, родъ поддевки изъ синяго грубаго холста, именуемой *бешметомъ*; поверхъ пояса бешметъ обматывается краснымъ кушакомъ. Высокая барашковая шапка на бритой головѣ, грубые носки да кожаная обувь безъ каблуковъ, съ узкими загнутыми вверхъ носками — вотъ и весь нарядъ бѣднаго иранца. По восточному обычаю, персъ, входя въ домъ, никогда не снимаетъ шапки — это значило бы оказать неуваженіе хозяину; даже близкіе люди, придя въ гости, до тѣхъ поръ остаются съ покрытой головой, покуда хозяинъ или кто-либо изъ присутствующихъ не предложитъ имъ снять шапокъ.

Носить еще суевѣрный персъ и разные талисманы, спасающіе, по его понятію, отъ болѣзней и другихъ несчастій. Зачастую это просто ничего не стоящій камешекъ съ вырѣзаннымъ на немъ завѣтнымъ словомъ, которыми такъ бойко торгуютъ повсюду странствующіе дервиши; завернутый въ грязную тряпицу, на не менѣе грязномъ шнуркѣ, талисманъ этотъ украшаетъ собою грудь темнаго иранца, который крѣпко вѣруетъ въ его спасительную силу... Но, конечно, какъ и вся жизненная обстановка, нарядъ въ Персіи зависитъ прежде всего отъ достатка чело-вѣка: въ то время, какъ бѣднякъ носитъ грубыя, домотканныя одежды, богачи одѣваются въ тонкія заграничныя сукна, которыми не побрезговаль бы и любой щеголь-европеецъ.

Зато любопытенъ здѣсь женскій нарядъ. Если заглянуть случайно въ андерунъ богатаго перса, то европейцу покажется, что онъ попалъ въ балетъ ¹⁾ и передъ нимъ заправскія танцовщицы. Тонкая шелковая рубашка всевозможныхъ цвѣтовъ повыше ко-

лѣнъ, рядъ такихъ же коротенькихъ юбокъ, изъ которыхъ самая верхняя—шелковая, затканная золотомъ; бархатная курточка-безрукавка, также вся

¹⁾ Такъ называется театральное представленіе, сопровождаемое музыкой; въ немъ дѣйствующія лица играютъ лица, танцами и знаками выражаютъ различные характеры, мысли и чувства.

расшитая, длинныя чулки, тѣлеснаго или голубого цвѣта, да легкія туфли—вотъ нарядъ персидской женщины или дѣвушки изъ состоятельной семьи.

Не менѣе своеобразна прическа: изъ-подъ шелкового платка, расшитаго золотомъ, падаетъ масса мелкихъ косичекъ, въ которыя персіянка заплетаетъ свои длинныя, порою до полу, волосы. Любитъ она и всевозможныя украшенія изъ золота и драгоценныхъ камней: въ большой чести браслеты, которые щеголихи надѣваютъ по нѣскольку на каждой рукѣ. При малѣйшемъ движеніи пышныя юбочки вздымаются, плавно колышутся, и кажется, что восточная красавица вотъ-вотъ взвѣется и закружится какъ настоящая балерина на сценѣ ¹⁾. А крестьянки и женщины небогатаго круга и совсѣмъ обходятся безъ такой роскоши, какъ дорого стоящіе длинныя чулки, и просто щеголяютъ своими голыми до колѣнъ ногами; самое же платье точно такого же покроя, только изъ грубыхъ домотканыхъ матерій.

Этотъ своеобразный нарядъ персидской женщины вошелъ въ моду лѣтъ сорокъ тому назадъ и о происхожденіи его толкуютъ разно. Иные говорятъ, что будто бы въ то время одна изъ принцессъ, отличавшаяся красивымъ тѣлосложеніемъ, пожелала блеснуть своей красотой и переняла костюмъ европейскихъ

¹⁾ *Сцена* — возвышенное мѣсто въ театрѣ, отдѣленное отъ зрителей, на которомъ идетъ представленіе. *Балерина* — танцовщица въ балетѣ.

танцовщицъ. Другіе же утверждаютъ, что когда покойный шахъ Насръ-эд-Динъ, первый посѣтившій Европу, увидалъ въ театрѣ балетъ, то пришелъ въ такой восторгъ, что, вернувшись домой, тотчасъ же отъ аль приказаніе своему эндеруну облечься въ костюмы балеринъ. Какъ бы тамъ ни было, но старинныя картины персидскихъ художниковъ показываютъ намъ, что въ прежнія времена женскій нарядъ былъ совсѣмъ иной и мало чѣмъ отличался отъ тепершняго европейскаго: передъ нами красуются персидскія дамы въ изящныхъ длинныхъ платьяхъ, съ небольшимъ вырѣзомъ у шеи. То же самое утверждаютъ и старожилы-персы, помнящіе еще прежнія женскія моды.

Но зато что можетъ быть безобразнѣе уличнаго наряда персіянки! Куда дѣвалась теперь игривость и легкость одѣянія, которымъ она только что щеголяла у себя въ эндерунѣ! Собираясь выйти изъ дому, она надѣваетъ шелковые темно-синіе шаровары съ прилаженными къ нимъ короткими чулками и съ головы до ногъ закутывается въ свой безобразный *чадуръ*. Это темно-синій или черный плащъ, шелковый у богатыхъ и шерстяной или бумажный у бѣдныхъ. Ко всему этому лицо ея скрыто теперь за неменѣе безобразнымъ покрываломъ—*рубандэ*. Это не тонкая, прозрачная вуаль, которая такъ краситъ европейскую женщину, а просто длинный кусокъ бѣлаго коленкора, гдѣ для глазъ вырѣзаны небольшія отверстія, да и тѣ покрыты густою искусно вышитою

кисеей. Неудивительно, что у персидскихъ женщинъ такъ развиты глазныя болѣзни, не говоря уже о томъ, что въ тяжкій лѣтній зной онѣ положительно задыхаются подъ своими безсмысленными покрывалами. Идетъ по улицѣ такая закутанная фигура и не различишь, кто скрывается за этимъ безобразнымъ одѣяніемъ—молодая или старуха, красавица или уродъ; тутъ всѣ равны, и больше уродамъ-то и на руку такой уличный нарядъ.

Древняя персидская женщина не знала нездорового, унижительнаго обычая—появляться на улицѣ съ закрытымъ лицомъ; не знаютъ его и нынѣшнія женщины персовъ, которыя, какъ извѣстно, уклонились отъ магометанства и на протяженіи многихъ вѣковъ сумѣли сохранить въ чистотѣ древніе обычаи и вѣрованія иранцевъ. Лишь съ появленіемъ въ странѣ суровой религіи Магомета персіянка утратила свое естественное право и должна скрываться за нелѣпымъ покрываломъ. Говорятъ, что жестокимъ обычаемъ этимъ восточныя женщины обязаны женѣ Магомета, красавицѣ Айшѣ. Однажды пророкъ заподозрилъ ее въ измѣнѣ, послѣ чего и издалъ постановленіе закрывать лица всѣмъ женщинамъ. И вотъ одно случайное обстоятельство надолго набросило безобразное покрывало на зачастую прекрасное лицо мусульманки. Шахъ Насръ-эд-Динъ разрѣшилъ было женщинамъ появляться на улицѣ съ открытымъ лицомъ, но невѣжественное духовенство подняло такой вопль, что пригрозило даже прави-

тельству народнымъ бунтомъ. Шаху поневолѣ пришлось уступить и отмѣнить разрѣшеніе.

Зато народный обычай окружилъ особымъ почетомъ это уличное одѣяніе женщины: сорвать чадуръ или даже приподнять край рубандэ—считается у персовъ такимъ святотатствомъ, за которое дерзкаго ждетъ страшная расправа: темная толпа тутъ же растерзаетъ его на мѣстѣ. Бываютъ однако рѣдкіе случаи, когда персіянки сами срываютъ съ себя покрывала—это въ минуты высшаго, безумнаго отчаянія. Такъ было, на примѣръ, во время голоднаго бунта въ Тегеранѣ, когда истомленные голодомъ нѣсколько сотъ женщинъ собрались передъ домомъ русскаго посланника и, срывая свои рубандэ, истоново кричали:

— У насъ нѣтъ больше правительства, некому о насъ заботиться! Идемъ просить хлѣба у русскаго царя!..

И вотъ забитый, безправный персъ, который въ обыкновенное время считаетъ для себя унижительнымъ выйти на улицу съ женою, сестрою или дочерью, — во время народныхъ бѣдствій выдвигаетъ на первый планъ своихъ бабъ: вѣдь женщину по законамъ Магомета не судятъ, на улицѣ никто даже не посмѣетъ и толкнуть ее, а спасительное покрывало скрываетъ ея лицо, и власти, если бы и хотѣли, не могутъ открыть зачинщицъ... И затравленный алчными чиновниками иранецъ робко прячется за нихъ, боясь лишній разъ поплатиться потомъ своимъ истощен-

нымъ карманомъ, не говоря уже о сотнѣ-другой палочныхъ ударовъ...

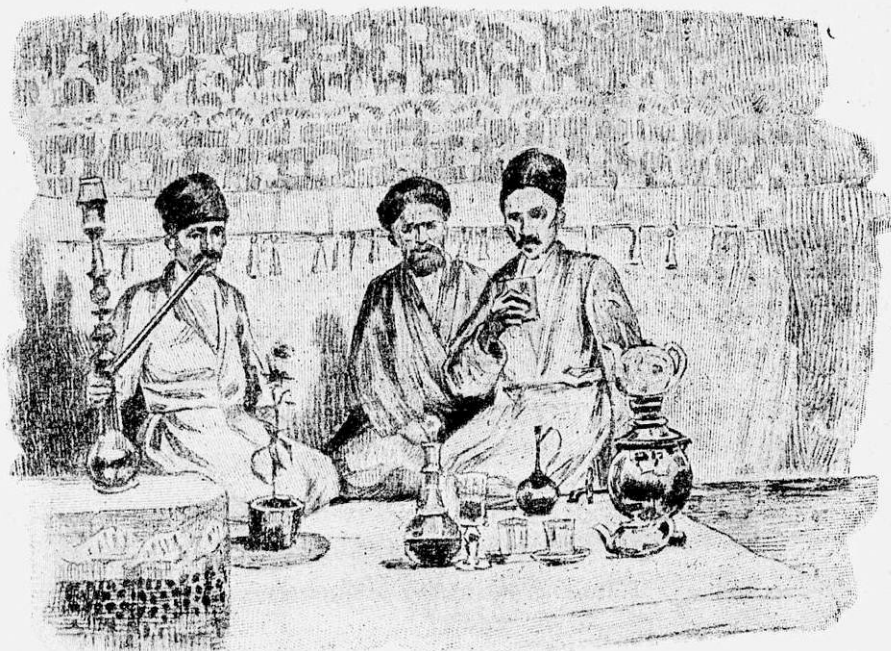
Персія богато одарена природой и по обилію всевозможныхъ произведеній ея населеніе могло бы питаться сытно и разнообразно. Но страна разорена, и народъ обнищаль; удивительно, до чего малымъ можетъ довольствоваться неприхотливый персъ! Лѣтомъ, на примѣръ, рабочій можетъ питаться однимъ хлѣбомъ да фруктами; абрикосы, груши, персики, сливы, виноградъ, всевозможныхъ сортовъ дыни — вотъ пища трудового люда. Крестьяне счастливы на этотъ счетъ — къ ихъ услугамъ свой салатъ, сыръ и творогъ. Въ южной Персіи большимъ подспорьемъ являются финики, которые доставляютъ вкусную и дешевую пищу. Но главными предметами питанія служатъ хлѣбъ и рисъ, на мясо же простой народъ смотритъ какъ на лакомство и ѣстъ его не больше раза въ недѣлю, а кочевники и вовсе угощаются имъ очень рѣдко: лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, для свадебнаго пира, вольный сынъ Персіи позволить себѣ извести барана.

Но самымъ любимымъ блюдомъ какъ бѣднаго, такъ и богатаго перса — считается *кебабъ*. Это мелко изрубленная баранина съ лукомъ или чеснокомъ, поджаренная на нѣжномъ жиру, который добывается изъ бараньяго курдюка (хвоста). Въ большихъ городахъ очень распространены уличные кухни, что представляетъ большія удобства для населенія. И

вотъ въ полдень и при солнечномъ закатѣ — въ часы завтрака и обѣда — толпа голоднаго люда осаждаеть лавки продавцовъ этого любимаго народнаго блюда: каждый приноситъ съ собой огромный хлѣбъ и тутъ же, на улицѣ, уничтожаетъ горячій кебабъ, а иные покупають и уносятъ домой для семьи. Здѣсь вы встрѣтите и жалкаго персидскаго солдата; съ жадностью поглощаетъ онъ чашку малопитательнаго супа, который еле удосужился купить на вырванные, наконецъ, у начальства свои кровные гроши...

Любить персидскій богачъ хорошо покушать и не ударить лицомъ въ грязь передъ гостемъ. Персы необыкновенно гостеприимны и ничего не пожалѣютъ, лишь бы достойно почтить гостя. Вотъ почему у богатыхъ людей на всякій случай всегда готовится множество блюдъ и въ большомъ изобиліи. Тутъ и всевозможные пилавы изъ баранины, курицы или дичи и варенаго риса съ масломъ; жаренныя перепелки, куропатки, цыплята и голуби подаются гостямъ прямо на вертелѣ; къ нимъ разные соусы изъ дичи, смѣшанной съ грецкими орѣхами, фруктовымъ сокомъ и масломъ. Часто обѣденный столъ украшаетъ еще и жаркое изъ молодого ягненка, начиненнаго изюмомъ, миндалемъ, фисташками, каштанами и финиками; въ приморскихъ городахъ подается и рыба, а ко всему этому полагается неизмѣнный вареный рисъ, до котораго такіе охотники персы. Какъ видите, богатый иранецъ мастеръ поѣсть, и надо отдать справедливость персидской кухнѣ—тамъ все готовится очень вкусно и чисто.

Когда приходитъ гость, его прежде всего угощаютъ кальяномъ, конфетами и чаемъ. Персы очень любятъ всевозможныя сласти и способны сѣдять ихъ цѣлыми фунтами разомъ. Чай подается въ китайскихъ чашкахъ, конфеты же, изготовленныя на лимонномъ соку, очень вкусны и почти всегда бѣлаго цвѣта.

Едва окончено это предварительное угощеніе, какъ являются слуги съ длинной кожаной скатертью, которую и постилають прямо на полъ; вотъ тутъ-то, поджавши подъ себя ноги, по-турецки, и разсаживаются гости. Предъ каждымъ изъ нихъ лежитъ по большому плоскому хлѣбу, а кушанья вносятся на огромныхъ подносахъ. Прежде чѣмъ приступить къ трапезѣ,

хозяинъ призываетъ на нее благословеніе Божіе и, обращаясь къ гостямъ, торжественно произноситъ: «Бисмалла!» (т.-е. «во имя Бога!»). Всѣ молча принимаютъ за ѣду, а по окончаніи обѣда, по восточному обычаю, отправляются на отдыхъ.

Изъ напитковъ стоитъ упомянуть о персидскомъ *шербетѣ*. Это прекрасное освѣжающее средство, которымъ персы утоляютъ свою жажду цѣлыхъ семь лѣтнихъ мѣсяцевъ. Шербетъ готовится какъ изъ сока свѣжихъ плодовъ — главнымъ образомъ лимоновъ, апельсинъ и гранатъ, — такъ и изъ фруктового сиропа. Въ жаркій лѣтній день персъ беретъ, на примѣръ, апельсинъ, выжимаетъ его сквозь серебряную ситку въ свой разноцвѣтный стаканъ, опускаетъ туда сахаръ и кусочки льда и шербетъ готовъ. Всегда холодный и пріятный на вкусъ, этотъ напитокъ подносится и гостямъ во время обѣда въ особыхъ китайскихъ чашахъ. Каждая такая чаша ставится на блюдце и подается вмѣстѣ съ знаменитыми деревянными ложками, выдѣлываемыми въ городѣ Абадѣ изъ грушеваго дерева. Простымъ перочиннымъ ножомъ и грубымъ долотомъ персидскій кустарь умудряется изготовлять настоящія произведенія искусства, которыя такъ поражаютъ иностранца своею красотою и изяществомъ. Каждая ложка имѣетъ своеобразный рисунокъ и свою особую форму, вмѣщаетъ около одного стакана жидкости и отличается необыкновенной легкостью. Неудивительно, что ложки эти высоко цѣнятся любителями и совершенно затме-

ваютъ у персовъ серебряныя, которыми принято здѣсь только размѣшивать чай: въ нихъ сдѣланы отверстія наподобіе ситокъ, такъ что пить изъ нихъ нельзя.

Мудрый Магометъ запретилъ своимъ послѣдователямъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ, которые въ странахъ съ жаркимъ климатомъ еще вреднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Къ сожалѣнію, тутъ персы не такъ-то свято чтутъ завѣты своего пророка и, въ особенности въ большихъ городахъ, вино пьютъ во всѣхъ слояхъ населенія, а больше всего въ высшихъ кругахъ. Но разъ вступивъ на скользкій путь, трудно бываетъ удержаться во-время, и персъ пьетъ безъ мѣры, легко переходя въ пьянство. Вотъ почему любимымъ напиткомъ его и является опьяняющій *аракъ* — крѣпкая персидская водка, изготовляемая изъ виноградныхъ выжимокъ. Въ деревняхъ, однако, употребленіе вина распространено гораздо меньше.

Персія славится своими прекрасными виноградными винами, но самыя лучшія изъ нихъ — Гамаданское и Ширазское. Пріятные на вкусъ, съ замѣчательно тонкимъ нѣжнымъ ароматомъ, эти два сорта могутъ сдѣлать честь любому европейскому погребу и поспорить съ лучшими французскими винами. Вышіе ширазскіе сорта изготовляются изъ винограда, растущаго въ мѣстечкѣ Холаръ, неподалеку отъ Ширазы. Кромѣ своихъ знаменитыхъ соловьевъ и душистыхъ дивныхъ розъ, благодатный городъ этотъ славится, какъ видите, еще и прекрасными винами,

которыя извѣстны по всему Востоку и не разъ воспѣвались персидскими поэтами.

Г л а в а VII.

Сватовство и свадьба у персовъ. — Многоженство. — Семейное положеніе женщины. — Смерть и похороны.

Какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ, сватовство у персовъ начинается очень рано — нерѣдко еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Есть степень родства, которая прямо какъ бы обязываетъ мальчика и дѣвочку стать въ будущемъ мужемъ и женой: таковы, напр., браки между двоюродными сестрами и братьями. Но кромѣ этихъ союзовъ по долгу родства, еще чаще устраиваются браки между чужими, очень рѣдко по любви, а по большей части по выбору родителей. Тутъ уже огромную роль играютъ свахи, которыя поэтому всегда являются желанными гостями вездѣ, гдѣ есть взрослые дочери или женихи. Этимъ выгоднымъ въ Персіи ремесломъ занимаются, обыкновенно, старухи, которыя, конечно, всегда на-чеку и прекрасно освѣдомлены въ своемъ дѣлѣ.

Вотъ, наприимѣръ, у стараго Гассана подросла красавица Фатъма; вездѣсущая сваха отлично знаетъ, что дѣла у Гассана не блестящи, и большого приданого онъ дать за дочерью не можетъ; поэтому она напираетъ больше на красоту невѣсты, возбуждая тѣмъ любопытство молодого жениха. Но Ахметъ ужъ и такъ не дремалъ: несмотря на безобразный уличный

нарядъ персидскихъ женщинъ, выгодный только уродамъ, несмотря на покрывало, тщательно скрывающее лицо, — Ахмету нѣсколько разъ удавалось заглянуть за запретную грань и полюбоваться чарующей красотой юной Фатъмы... Послѣдній разъ это было еще такъ недавно — въ театрѣ на празднованіи Мохаррема. Когда ненавистный Шимръ подошелъ къ Гуссейну и занесъ тяжелый мечъ надъ его мученической головой, Фатъма не выдержала и въ волненіи откинула покрывало...

Съ того дня Ахметъ только и думалъ, что о прелестной, черноокой Фатъмѣ. Когда же отецъ его, небогатый, но всѣми уважаемый мелкій торговецъ сусеной рыбой, тронутый мольбами любимаго сына, далъ, наконецъ, свое благословеніе, — ликованію Ахмета не было конца. Призванная на помощь сваха быстро уладила дѣло: получила согласіе родныхъ невѣсты, выторговала приличную сумму денегъ въ приданое, на которую, по обыкновенію, куплено было нѣсколько мѣдныхъ кастрюль, горшковъ и другіе хозяйственные предметы, поступающіе въ полную собственность невѣсты. Итакъ, все кончилось къ общему удовольствію: молодые люди обручились, и возликовали, а расторопная сваха получила за труды отъ родителей жениха и невѣсты.

Вскорѣ же подписанъ былъ и брачный контрактъ ¹⁾. Торжество это обставлено было съ большой

¹⁾ Письменный договоръ.

пышностью; Фатъма сидѣла въ разубранной, занавѣшанной коврами комнатѣ, окруженная родственницами; всѣ мужчины находились рядомъ—въ комнатѣ, отдѣленной занавѣской; среди нихъ былъ и мѣстный мулла, съ довольно безсвязнымъ брачнымъ контрактомъ или *акдомъ* въ рукахъ, который онъ же и составилъ заранѣе. Сидя, по восточному обычаю, прямо на полу, священнослужитель началъ читать своимъ однообразнымъ, глухимъ голосомъ:

«Симъ условлено между Али, торговцемъ кожами, здѣсь присутствующимъ въ качествѣ *векиля*¹⁾ Ахмета, сына торговца сушеной рыбой Юсуфа, что онъ, Ахметъ, даетъ удостовѣреніе въ томъ, что получилъ условленное приданое за дочерью серебрянника Гасана, Фатъмою».

Тутъ начинается самый подробный перечень имущества невѣсты: денегъ, скота, носильнаго платья, бѣлья, ковровъ, посуды — все до послѣдней ложки. Хотя все это у персовъ поступаетъ въ распоряженіе мужа, но собственницей все-таки остается жена, которой, въ случаѣ смерти мужа или развода, имущество и возвращается полностью. Предосторожность не лишняя, если вспомнить, что Персія — страна многоженства, гдѣ положеніе женщины часто самое плачевное.

— Ну, а ты, Али, свидѣтель Ахмета, — продолжаетъ мулла тѣмъ же замогильнымъ голосомъ, — согласенъ на перечисленныя условія?

¹⁾ Повѣреннаго, свидѣтеля.

— Да, да, согласенъ, — твердо отвѣчаетъ Али.

— А ты, Гассанъ, согласенъ выдать свою дочь Фатъму за Ахмета? — продолжается допросъ.

— Согласенъ.

— А ты, Фатъма, слышишь? — возвышаетъ свой голосъ мулла по направленію къ занавѣскѣ.

— Да, мулла, она слышитъ! — несется оттуда цѣлый хоръ женскихъ голосовъ.

Изъ уваженія къ дѣвичьей стыдливости юной невѣсты, ей по обычаю разрѣшается молчать, а отвѣчаютъ за нее окружающія женщины.

— И ты согласна выйти за Ахмета, Фатъма?

— Да, да, она согласна! — снова доносится хоръ.

— А если такъ, — торжественно провозглашаетъ мулла, — во имя Аллаха милосерднаго, милостиваго, я объявляю тебя, Ахметъ, и тебя, Фатъма, мужемъ и женою!

Мулла и свидѣтели вмѣсто подписи прикладываютъ къ контракту свои печати; священнослужитель передаетъ бумагу отцу невѣсты или ея свидѣтелю и получаетъ положенное вознагражденіе. Обрядъ конченъ, и молодые люди считаются мужемъ и женой.

Начинается пиръ горой, при чемъ мужчины и женщины пируютъ отдѣльно. Угостившись на славу, накурившись кальяну до одурѣнія, гости расходятся по домамъ, получивъ приглашеніе на свадьбу, которая еще впереди.

Это новое торжество совершенно самостоятельное, и происходитъ отдѣльно отъ брачнаго контракта.

По желанію, свадьба можетъ быть назначена когда угодно — въ тотъ же вечеръ, черезъ недѣлю, смотря по обстоятельствамъ; а если женихъ и невѣста еще въ дѣтскомъ возрастѣ — то и черезъ нѣсколько лѣтъ. Собственно говоря, это только свадебный пиръ, такъ какъ религіознаго обряда больше никакого не полагается.

Но вотъ наступилъ для Фатмы и этотъ самый торжественный день въ ея жизни. Съ ранняго утра въ домѣ идетъ невообразимая суета; вездѣ блескъ и чистота, все вычищено и прибрано, какъ къ великому празднику; комнаты украшены цвѣтами, обвѣшаны коврами. Дворъ обильно полить, а посреди него, въ бассейнѣ, своеобразное, но замѣчательное украшеніе: по водѣ безчисленные лепестки розъ разбросаны такимъ образомъ, что получилось слово *бисмалла*; это обычное мусульманское привѣтствіе, означающее «во имя Бога». А снаружи, у дверей, неизмѣнная толпа всѣхъ такихъ торжествъ въ Персіи: многочисленные нищіе, явившіеся въ ожиданіи щедрой подачки благочестивыхъ хозяевъ. Собираются и просто любопытные — праздные зрители чужихъ радостей; многіе изъ нихъ, отъ нечего дѣлать, будутъ сопровождать потомъ невѣсту, когда она къ вечеру отправится въ домъ жениха.

Вотъ уже все готово къ приему гостей. Уютно бурлитъ, распуская клубы пара, огромный русскій самоваръ — въ Персіи въ рѣдкомъ домѣ не встрѣтишь этого излюбленнаго нашего друга; готовится

обильное угощеніе, и въ томъ числѣ не одинъ десятокъ фунтовъ табаку для кальяна, безъ котораго персу радость не въ радость. Стоитъ мороженое въ китайскихъ чашахъ, въ огромныхъ кувшинахъ заготовленъ прохлаждающій душистый шербетъ съ кусками плавающего въ немъ льда, цѣлыми грудами высятся всевозможныя сласти на обширныхъ китайскихъ блюдахъ.

Уже пришли музыканты—по большей части евреи, въ рукахъ которыхъ, какъ мы уже знаемъ, сосредоточены здѣсь почти всѣ искусства. Въ городахъ рѣдкая свадьба обходится безъ музыки; появляются и пѣвцы. И вотъ лишь только начинаютъ прибывать гости, являющіеся, обыкновенно, цѣлыми толпами, и хозяинъ спѣшитъ къ нимъ навстрѣчу, — какъ музыка гремитъ, пѣвцы поютъ, и продолжается это все время торжества, вплоть до отъѣзда молодой въ домъ мужа.

— Да благословитъ Аллахъ этотъ бракъ! — привѣтствуютъ хозяина входящіе гости.

— Привѣтъ дорогому гостю! Да будутъ счастливы ваши шаги! Рабъ вашъ никогда не забудетъ такой чести! — почтительно отвѣчаетъ счастливый хозяинъ.

Пока идетъ этотъ обмѣнъ любезностей, закутанныя женщины, какъ таинственныя уродливыя видѣнія, быстро проходятъ на свою половину. Здѣсь онѣ снимаютъ свои безобразныя покрывала и уже безбоязненно открываютъ подкрашенные лица. Въ своихъ пышныхъ, короткихъ юбочкахъ, легкихъ цвѣтныхъ сорочкахъ и расшитыхъ шелками и золотомъ

курткахъ — онѣ и тутъ напоминаютъ балетныхъ танцовщицъ; вотъ такъ и кажется — сейчасъ встанутъ, закружатся и понесутся разноцвѣтнымъ роемъ бабочекъ... А множество длинныхъ косичекъ, ниспадающихъ порою до полу, придаютъ иной черноокой красавицѣ прямо русалочій видъ.

Прежде всего гости принимаются за чай и лакомства, которыя начинаютъ уничтожаться въ огромныхъ размѣрахъ. Въ полдень подается обильный завтракъ; его въ избыткѣ хватаетъ не только на всѣхъ приглашенныхъ, но остатками вдоволь насыщаются и нищіе — попрежнему толпою осаждающіе двери. Тутъ и груды вареныхъ куръ съ рисомъ, и жареные бараны и ягнята; всевозможные супы, излюбленный кебабъ — всего вдоволь. Снова кальянъ, мороженое, шербетъ, разнообразные сласти и фрукты, — всякій угощается, чѣмъ хочетъ. Танцы, пѣніе и музыка не переставая развлекаютъ гостей. А вотъ и *лоти* (шутъ) съ своимъ другомъ — ученымъ медвѣдемъ: онъ заставляетъ его продѣлывать всевозможныя потѣшныя штуки, и веселью неприхотливыхъ гостей нѣтъ границъ...

А счастливая Фатъма, окруженная подругами и родственницами, тѣмъ временемъ снаряжается уже понемногу въ путь. Послѣ обильнаго обѣда, вмѣстѣ съ наступленіемъ сумерекъ, настанетъ и часъ разлуки съ родимымъ кровомъ.

Но — чу! что за шумъ доносится снаружи? Сердце Фатъмы затрепетало — часто-часто, какъ у пойман-

ной птички. Она поняла, въ чемъ тутъ дѣло. Окруженный друзьями, съ разубраннымъ конемъ для молодой жены, приближался Ахметъ, котораго все время торжества здѣсь не было и въ поминѣ: въ домѣ его родителей шель цѣлый день такой же пиръ, какъ и въ домѣ невѣсты. Теперь онъ пріѣхалъ за своей суженой, чтобы увезти ее изъ родного гнѣзда подъ новый отнынѣ кровъ.

Изъ ярко освѣщеннаго дома выходитъ Фатъма; закутанная съ головы до ногъ въ пышную розовую кисею, осыпанную искрящимися блестками, она при свѣтѣ факеловъ кажется какимъ-то сказочнымъ видѣніемъ. Но вотъ она садится на коня, и мгновенно весь поѣздъ снимается съ мѣста; впереди ѣдутъ гости, освѣщая путь факелами и фонарями. Женщины и дѣти, усѣявшія плоскія крыши сосѣднихъ домовъ, громкими криками провожаютъ молодыхъ. Гремитъ музыка, высоко къ небу вздымается блестящій фейерверкъ ¹⁾. Юная Фатъма навѣки покинула родительскій домъ...

Едва свадебный поѣздъ приблизился къ дому Ахмета, въ честь молодыхъ на самомъ порогѣ жилища закалывается нѣсколько барановъ. Черезъ этотъ обгреный кровью порогъ она должна переступить въ сопровожденіи своихъ любимыхъ подругъ. И этимъ заканчивается все торжество.

¹⁾ Потѣшныя огни.

Призвавъ благословеніе Аллаха на молодую чету, гости расходятся по домамъ.

Бѣдная, бѣдная Фатъма! Въ своемъ ликованіи она забыла, что можетъ ожидать ее впереди... Черезъ годъ или два ея ненаглядный Ахметъ, прельстившись новою красотой, приведетъ, быть-можетъ, въ домъ вторую жену, и ревность холодной змѣей заползетъ въ ея сердце. Будетъ она плакать по ночамъ, придумывать, чѣмъ бы отворожить отъ нея мужа, и проклинать велѣнія Корана... А тамъ вдругъ появится и третья и четвертая соперницы... Будутъ ссориться ихъ дѣти, пойдутъ вѣчные раздоры между матерями, не разъ, вѣроятно, проклянетъ свою жизнь и самъ властелинъ, но дѣло отъ этого не улучшится. Счастіе умчалось навѣки, и юная черноокая красавица постепенно превратится въ брюзжащую сварливую старуху; чѣмъ моложе и пригожѣй будетъ каждая новая соперница, тѣмъ выше будетъ ненависть къ ней завистливой Фатъмы...

Да, великое зло у магометанъ это узаконенное многоженство! Сколько лишняго горя и страданій, темной вражды, а подчасъ и преступленій! Но нельзя осуждать за это Магомета: вѣдь когда онъ создавалъ свою новую вѣру, у арабовъ существовало *неограниченное* многоженство, которое онъ не рѣшился уничтожить сразу, сокративъ лишь число законныхъ женъ до четырехъ. Хорошо еще, что персіянинъ не такъ падохъ на эту поблажку своей вѣры, и не вся-

кій рѣшится взять вторую жену — особенно люди небогатые. Но тамъ, гдѣ уже существуетъ такая роскошь, каждая жена пользуется отдѣльнымъ помѣщеніемъ, имѣетъ свою прислугу, свои деньги и имущество.

Первый годъ замужества молодую не неволятъ работой; наоборотъ, ее оберегаютъ въ новой семьѣ, свекровь понемногу обучаетъ ее хозяйству и всюду сопровождаетъ при покупкахъ. Въ Персіи считается очень неприличнымъ, если молодая женщина, прежде чѣмъ сдѣлается матерью, позволить себѣ явиться на базаръ одна; развѣ только самая захудалая крестьянка, которой не до людской молвы, рѣшится на такой смѣлый подвигъ. Зато рожденіе первенца сразу измѣняетъ положеніе молодой; она получаетъ теперь уже значительный вѣсъ въ семьѣ и, закутавшись въ свое таинственное покрывало, можетъ отправляться одна куда угодно. Въ особенности положеніе ея повышается, если родится сынъ: друзья, знакомые и родные наперерывъ спѣшатъ съ своими поздравленіями и привѣтствіями; съ этого дня мужъ уже больше не зоветъ ее по имени, а называетъ лишь матерью такого-то.

— Мать Юсуфа! Ну какъ ты себя чувствуешь сегодня? — заботливо, напимѣръ, справляется супругъ, только что со вчерашняго дня ставшій отцомъ... И вмѣстѣ съ рожденіемъ первенца молодая жена совершенно утрачиваетъ свое имя; она какъ бы перестаетъ существовать сама-по-себѣ, — остается одна лишь мать.

По смерти свекрови молодая становится полновластной хозяйкой въ домѣ. Надо отдать справедливость персидской женщинѣ — она трудолюбива, въ высшей степени бережлива, чистоплотна и большая опора въ семьѣ. Въ болѣе образованных достаточныхъ семьяхъ женщины умѣютъ читать, а иногда и писать стихи, пѣть и играть; онѣ прекрасныя рукодѣльницы и искусныя поварихи. Въ сельскомъ быту персіянка стряпаетъ, печетъ хлѣбы, обшиваетъ всю семью, а иногда еще и подрабатываетъ какимъ-нибудь ремесломъ, помогая своему мужу нести тяжелое бремя жизни; зато и рано старятся персидскія женщины. Зрѣлый возрастъ приноситъ съ собой новыя заботы: надо пристраивать дочерей, присматривать женъ для сыновей. А если женщина бездѣтна, то нерѣдко ей предстоитъ еще нелегкій трудъ — подыскать подходящую вторую жену своему недовольному властелину... Вѣдь для перса нѣтъ большаго несчастія, какъ остаться безъ потомства, и бездѣтная жена вызываетъ лишь всеобщее сожалѣніе.

Хотя разводъ и разрѣшается Кораномъ, но надо сознаться, что въ Персіи не часто злоупотребляютъ имъ, такъ какъ онъ ограниченъ нѣкоторыми довольно серьезными препятствіями. Прежде всего мужъ обязанъ, въ случаѣ развода, возвратитъ полностью все приданое жены, да кромѣ того, разъ разведенной женѣ или мужу очень ужъ трудно бываетъ вступить въ новый бракъ. Конечно, бываютъ случаи, когда извѣрившись въ возможность счастья, обѣ стороны

жаждутъ свободы; тутъ уже дѣло улаживается легко и полюбовно: жена просто отказывается отъ приданого въ пользу мужа и получаетъ желанную свободу. Но въ общемъ персидскія женщины прекрасныя семьянинки; всѣми силами стараются онѣ о счастіи семьи и часто служатъ предметомъ обожанія для мужа и дѣтей. Это, однако, не мѣшаетъ имъ то и дѣло чувствовать на себѣ унижительное отношеніе мужчинъ. Въ Персіи, на примѣръ, вы никогда не встрѣтите на улицѣ или въ другомъ общественномъ мѣстѣ мужа съ женою, отца съ дочерью или брата съ сестрой. Даже при случайныхъ встрѣчахъ и то они дѣлаютъ видъ, что не узнаютъ другъ друга... На Востокѣ считается неприличнымъ, чтобы женщина — это низшее существо — отвлекала при людяхъ вниманіе мужчины. Не даромъ ученіе умнаго Баба ударило по сердцамъ безправныхъ персіянокъ: заря лучшаго будущаго на мгновеніе блеснула предъ ними и погасла. Затворническая жизнь, тяжкій трудъ и подчиненіе своему властелину — таковъ и понынѣ удѣлъ персидской женщины.

Конченъ жизненный путь. Наступаетъ часъ разлуки съ земными радостями и печальми, который неизбежно постигаетъ всякаго; бѣдный ли, богатый, на верху славы или незамѣтный труженикъ — приходитъ мигъ и человекъ уходитъ туда, откуда нѣтъ возврата. Посмотримъ же, какъ умираетъ

персы и какъ провожаютъ его окружающіе въ мѣсто вѣчнаго успокоенія.

Если умирать вообще нелегко, то у персовъ это вдвойнѣ тяжелѣе. Больной лежитъ на тонкомъ тюфякѣ, заботливо прикрытый одѣяломъ, а вокругъ него — точно улей жужжитъ. Въ комнату набивается нѣсколько десятковъ человѣкъ: кто перешептывается, а кто говоритъ и громко; дымъ отъ кальяновъ стоитъ такой, что и здоровому становится невмоготу; каждый предлагаетъ свое средство — словомъ обстановка самая ужасная для умирающаго. Призванный докторъ ¹⁾ уже объявилъ, что на выздоровленіе нѣтъ ни малѣйшей надежды, и вотъ родные прибѣгаютъ къ послѣднему средству: они посылаютъ за *дервишемъ* ²⁾. Тотъ быстро готовитъ свое спаситель-

¹⁾ Туземные доктора въ Персіи — тѣ же невѣжественные знахари, совершенно незнакомые съ врачебной наукой. Руководствуются они при лѣченіи разными древними книгами, изъ которыхъ нѣкоторыя — особенно арабскія — относятся къ временамъ сѣдой старины. Врачебное искусство въ Персіи по большей части наслѣдственное, переходя отъ отца къ сыну.

²⁾ Нищенствующій монахъ. Дервиши поражаютъ непривычнаго зрителя своимъ страннымъ внѣшнимъ видомъ: по объѣту они никогда не моются, не чешутъ головы и бороды, и спутанные волосы беспорядочно развѣваются по вѣтру. Своимъ необыкновеннымъ нарядомъ дервишь уже издали даетъ знать о себѣ: высокая войлочная шапка, въ родѣ сахарной головы, съ вышитыми на ней изреченіями изъ Корана, грязныя шаровары и рубашка, *калабашъ*, привязанный къ поясу — сосудъ изъ тыквы, служащій одновременно бутылкой и сумкой, — ожерелье изъ четокъ на шеѣ и палка съ желѣзнымъ остриемъ въ рукѣ — вотъ полный нарядъ дервиша. Впрочемъ, поверхъ всего этого онъ надѣваетъ еще шкуру пантеры или леопарда, которая днемъ служить ему плащомъ, а ночью одѣяломъ.

ное снадобье — густой наваръ изъ раковъ; но умирающій уже не въ состояніи ничего проглотить и, къ великому раскаянію родныхъ, дервишь торжественно объявляетъ, что его призвали слишкомъ поздно и искусство его бессильно.

У изголовья умирающаго сидитъ плачущая жена — вѣрная подруга его жизни; неизмѣнное покрывало окутываетъ ее и въ этотъ торжественный мигъ. Но несмотря на тяжелое настроеніе персидское гостепріимство и тутъ не забыто: гостямъ, прибывающимъ все больше и больше, предлагаютъ чай, душистый кальянъ. А больной умираетъ... Вотъ кто-то изъ близкихъ предлагаетъ самое крайнее средство: принести только что зарѣзанную курицу и кладутъ къ ногамъ умирающаго. Но смерть смѣется надъ тщетными усиліями слабыхъ людей и празднуетъ свою побѣду: больной испустилъ послѣдній вздохъ...

— О, человѣкъ, клянусь мудрымъ Кораномъ, что ты посланъ Аллахомъ, чтобы показать правый путь! — торжественно провозглашаетъ присутствовавшій все время мулла и направляется наружу. Возбравшись на плоскую крышу дома, онъ однообразно и уныло начинаетъ чтеніе Корана, давая тѣмъ знать сосѣдямъ, что въ домѣ есть покойникъ. Тѣ съ плачемъ и причитаніями спѣшатъ на печальное зрѣлище.

Но вотъ появились и настоящія плакальщицы, для которыхъ это выраженіе человѣческаго горя составляетъ ремесло. Своими визгливыми криками и плачемъ онѣ покрываютъ всѣ прочіе звуки. Жутко

становится отъ этого нестерпимаго зрѣлища. А родные, между тѣмъ, уже спѣшать одѣться въ трауръ: мужчины въ знакъ печали распарываютъ свои одежды ножомъ, женщины облакаются въ темные цвѣта.

Покойника уже успѣли обмыть особые обмывальщицы. Обернутый въ бѣлоснѣжный длинный саванъ, обложенный камфорой, онъ спокойно и величаво лежитъ теперь въ своемъ хрупкомъ гробу, сколоченномъ изъ тонкихъ дощечекъ. Завтра рано гробъ его поставятъ въ *табутъ*¹⁾, покроютъ тонкой кашмиро-

¹⁾ Деревянный ящикъ, у богатыхъ украшенный рѣзбой. Погребеніе совершается у персовъ не позже сутокъ, утромъ или послѣ солнечнаго заката.

вой шалью, и друзья и родные понесутъ его на мѣсто вѣчнаго успокоенія.

Унылый видъ представляетъ собою персидское кладбище. Пустынно и голо кругомъ; развалившіеся памятники, заброшенные могилы наводятъ на печальныя мысли о человѣческомъ забвеніи. Кое-гдѣ уцѣлѣла небольшая четырехугольная плита съ какимъ-то рисункомъ, свидѣтельствующая о томъ, что подъ нею покоится юноша. А вотъ и топорный каменный левъ, указывающій на могилу воина. Надъ простыми смертными лежатъ просто плоскіе камни съ вырѣзанными на нихъ именами усопшихъ и соотвѣтствующимъ стихомъ изъ Корана. Но грустью вѣетъ отъ этого города мертвыхъ, а по ночамъ рыскаютъ тутъ шакалы и гиены...

Вотъ настало уже утро и близится часъ погребенія. Друзья и родственники наперерывъ спѣшаютъ ухватиться за гробъ, чтобы удостоиться донести покойника до могилы; это считается здѣсь большимъ душеспасительнымъ дѣломъ. Достигнувъ кладбища, гробъ опускаютъ въ неглубокую могилу уже одни родственники; саванъ, въ который такъ тщательно обернуто было тѣло, теперь свободно расправляется, чтобы покойному было легче встать въ день воскресенія. Мулла читаетъ краткую молитву и могила засыпается. Когда на мѣстѣ, гдѣ только что скрылся навѣки человѣкъ, остался небольшой бугоръ, всѣ присутствующіе произносятъ подобающій стихъ изъ Корана; могилу вспрыскиваютъ водой и обрядъ погребенія конченъ.

Съ кладбища всё отправляются на поминальный обѣдъ въ домъ покойника; тутъ раздаются хвалебныя рѣчи, вспоминаются его добрыя дѣла, заслуги передъ знавшими его. Еще нѣсколько дней носить трауръ семья ¹⁾, а въ день прекращенія его всё отправляются въ баню; волосы, ногти, пятки и ладони окрашиваются въ красный цвѣтъ. Снова устраивается поминальный обѣдъ, на который приглашаются друзья и родственники, раздается милостыня нищимъ. Женщины отправляются еще въ этотъ день на кладбище; здѣсь онѣ разсаживаются по могиламъ, ѣдятъ сласти и нарочно испеченный на этотъ случай особый хлѣбъ.

Если вамъ придется когда-нибудь странствовать по Персіи, то вы, вѣроятно, будете удивлены необычной картиной: по пустыннымъ дорогамъ тянется цѣлое подвижное кладбище: сотни гробовъ, тщательно обернутыхъ въ войлокъ, по двое, по трое привязанные къ муламъ ремнями, тянутся цѣлымъ караваномъ, беспорядочно загромождая дорогу. Это необыкновенное шествіе направляется къ святымъ мѣстамъ — въ Мешедъ или Кербелу, гдѣ благочестивые и знатные покойники (какъ мужчины, такъ и женщины) пожелали удостоиться погребенія вблизи священныхъ могилъ. Цѣлыя недѣли, мѣсяцы, а нерѣдко и годы стояли эти тѣла по мечетямъ, ожидая когда соберется, наконецъ, караванъ, къ которому удастся пристроить ихъ.

¹⁾ Только въ богатыхъ семьяхъ трауръ снимается черезъ мѣсяць.

Нечего говорить, что такой способъ погребенія крайне вреденъ для живыхъ людей, способствуя лишь болѣзнямъ и разнося заразу изъ одного мѣста въ другое.

ГЛАВА VIII.

**Воспитаніе и обученіе.—Низшія школы и медресе.—
Знаменитые персидскіе поэты.**

«Первое, что сотворилъ Господь — это разумъ», — сказалъ Магометъ. И Коранъ высоко ставитъ свѣтъ знанія. «Ученые на землѣ — наслѣдники пророковъ»; «ученые есть свѣточъ, факель земли»; «ученые превосходятъ богомольцевъ-отшельниковъ, какъ разнится свѣтлая луна надъ звѣздами», — такъ превозноситъ эта мудрая книга людей, посвятившихъ себя наукѣ и просвѣщенію. Много вѣковъ тому назадъ данъ былъ мусульманамъ Коранъ, но и до сихъ поръ свѣтъ знанія еле брезжетъ на Востокѣ и далеко еще то время, когда онъ разгорится яркимъ пламенемъ.

Въ древнія времена все воспитаніе у персовъ было направлено къ развитію воинственнаго духа, любви къ славѣ, чувства чести и правдивости. Мы уже знаемъ, что знаменитый греческій историкъ Геродотъ такъ говоритъ о воспитаніи мальчиковъ: «Ихъ учили лишь тремъ вещамъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду». Въ тѣ далекія времена,

когда государство еще только собиралось, некогда было думать о просвѣщеніи: стоило лишь ослабнуть воинственному духу народа и онъ тотчасъ же поддавалъ подъ власть другого, болѣе сильнаго, что мы не разъ и видѣли на протяженіи многовѣковой исторіи персовъ. Вотъ почему храбрость на войнѣ и вѣрность царю считались высшими добродѣтелями въ глазахъ древняго перса, а чинопочитаніе было главной основой всѣхъ житейскихъ отношеній.

Итакъ, Персія не имѣла своихъ ученыхъ, а представителями науки были исключительно иностранцы. При дворѣ персидскихъ царей жили греческіе врачи, греческіе и финикійскіе инженеры, египетскіе художники. Но изъ искусствъ процвѣтали скульптура и архитектура ¹⁾, заимствованныя персами отъ своихъ болѣе образованныхъ сосѣдей, съ которыми они сталкивались или на почвѣ мирныхъ сношеній, или на полѣ брани. Однако все чуждое они перерабатывали соотвѣтственно своему народному духу и дали такіе драгоцѣнные памятники искусства, какъ знаменитые дворцы въ древнихъ столицахъ персидскихъ царей— Пасаргадахъ и Персеполѣ.

Но и современная намъ Персія не блещетъ просвѣщеніемъ и въ этомъ главная причина ея слабости. Всесильное и темное духовенство забрало это жизненное народное дѣло въ свои руки и наложило на него печать мертвенности и невѣжества. Народъ зады-

¹⁾ Ваяніе и строительное искусство.

хается въ тискахъ безправія и нищеты, а его духовные пастыри стараются какъ можно дольше удержать его въ этомъ печальномъ состояніи, лишь бы не упустить изъ цѣпкихъ рукъ свою крѣпкую власть надъ нимъ. Въ Тегеранѣ, на примѣръ, есть нѣсколько благоустроенныхъ школъ, содержимыхъ иностранными миссіонерами ¹⁾; армяне, халдеи охотно посылаютъ туда своихъ дѣтей, но ни одинъ персъ не посмѣетъ отдать сына въ школу «ференги» (иностранца) изъ боязни прогнѣвить свое невѣжественное духовенство. Даже самые просвѣщенные люди, прекрасно сознающіе всю важность образованія для нашего времени, не рѣшаются на такой смѣлый шагъ, а лучше посылаютъ своихъ сыновей учиться въ Россію, Англію и Францію — подалше отъ бдительнаго ока всесильнаго муллы.

До 8-ми лѣтъ мальчикъ воспитывается у персовъ на женской половинѣ—въ эндерунѣ; съ этого возраста онъ уже переходитъ въ общество мужчинъ и понемногу научается смотрѣть на своихъ бывшихъ воспитательницъ, какъ на низшую половину человѣческаго рода... Но вотъ онъ поступаетъ въ школу, учреждаемую, обыкновенно, при мечети, на средства прихожанъ или же частныхъ благотворителей. Теперь ждетъ его новая жизнь; но не мудрена наука, которую онъ обрѣтаетъ здѣсь! Простая грамотность, краткія правила вѣры да нѣсколько стиховъ изъ

¹⁾ Такъ называются лица духовнаго званія, посланные въ какую-нибудь страну для распространенія или поддержанія христіанской религіи.

Корана, которые ученикъ безсознательно заучиваетъ на незнакомомъ ему арабскомъ языкѣ—вотъ и все, что даетъ ему школа. Часто тѣмъ же самымъ невѣдѣніемъ грѣшитъ и учитель: вытвердивъ наизусть нужныя мѣста изъ Корана, онъ совершенно не понимаетъ ихъ смысла, и не мудрено, что маленькій персъ смотритъ на школу, какъ на божеское наказаніе.

Странною показалась бы вамъ съ непривычки персидская школа. Не только удобныхъ партъ, но простыхъ столовъ и скамеекъ нѣтъ и въ поминѣ. Учитель и ученики возсѣдаютъ прямо на полу, поджавъ подъ себя ноги, и въ такомъ невозможномъ положеніи происходитъ все дѣло обученія. Читаютъ обыкновенно всѣ вслухъ и разомъ; еще издали доносится изъ школы шумъ, точно изъ потревоженнаго улья...

Если ученикъ, окончившій такую низшую школу, пожелаетъ посвятить себя наукѣ и получить высшее образованіе,—онъ поступаетъ въ *медресе*. Эти высшія мусульманскія школы содержатся исключительно на средства отъ вакуфовъ (церковныхъ имуществъ). Нерѣдко богатый персъ, умирая, завѣщаетъ солидную сумму на устройство медресе, что у мусульманъ вообще считается большимъ душеспасительнымъ дѣломъ. Это — просторное четырехугольное зданіе, обнесенное кирпичной стѣною, ко внутренней сторонѣ которой пристроены кельи для учащихся, а порою и для учителей; тутъ же находятся одна или двѣ классныхъ комнаты («дарсъ-хане») и мечеть.

По большей части медресе находятся въ городахъ и рѣже въ большихъ базарныхъ селеніяхъ. Число учениковъ также различно: есть школы въ 5 — 10 человекъ, а есть и въ 300; сообразно этому колеблется и число преподавателей. Ученики медресе дѣлятся на три класса или разряда — младшій, средній и старшій. Экзаменовъ при переходѣ изъ одного класса въ другой не полагается, а дѣло ведется по числу выученныхъ книгъ: окончилъ ученикъ известную книгу — онъ принимается за другую и тѣмъ самымъ считается уже въ высшемъ классѣ. Да, собственно, къ заучиванію наизусть определеннаго числа книгъ и сводится здѣсь все обученіе; инья изъ нихъ изложены стихами.

Персидскій студентъ («тулибъ») не торопится жить: онъ сидитъ въ своемъ медресе по три, по четыре

года въ каждомъ классѣ, а случается порою и до 8 — 10 лѣтъ, такъ что не рѣдкость встрѣтить тамъ почтенныхъ мужей лѣтъ въ 40... Вообще говоря, опредѣленнаго срока для пребыванія въ классѣ не существуетъ, и благо учащіяся тамъ же живутъ на полномъ содержаніи и совершенно бесплатно — они и засиживаются безъ особыхъ размышленій. Зато такого студента сразу и отличишь отъ обыкновеннаго смертнаго: руки у него бѣлыя, не рабочія, весь онъ какъ-то изысканнѣе, а рѣчь свою то и дѣло пересыпаетъ арабскими словами, что придаетъ ему такую большую ученость въ глазахъ его невзыскательныхъ соплеменниковъ. Нечего говорить, что по научнымъ предметамъ персидское медресе не имѣетъ ничего общаго съ нашими университетами: все дѣло вертится тутъ больше вокругъ богословскихъ наукъ; уголовные и гражданскіе законы хотя и изучаются, но опять-таки по Корану и толкованіямъ на него; преподаются еще начатки ариѳметики и медицины, географія же по древнимъ народнымъ сказаніямъ... Теперь уже не рѣдкость, что молодые люди отправляются за границу для полученія болѣе основательнаго, европейскаго образованія. Покойный шахъ Музафферъ-эд-Динъ очень поощрялъ такія поѣздки персидскихъ юношей и самъ отправлялъ своихъ сыновей и братьевъ въ Вѣну. Когда молодые люди возвращались, онъ призывалъ ихъ къ себѣ и внимательно расспрашивалъ о томъ, что они видѣли и слышали въ чужихъ краяхъ.

Зато совсѣмъ обижена маленькая персіянка: о ней въ Персіи почти никто не заботится и женское образованіе до самаго послѣдняго времени считалось здѣсь излишней и вредной затѣей. Не говоря уже о сельскихъ мѣстностяхъ, но и въ городахъ множество женщинъ даже средняго круга совершенно неграмотны. Если женщина умѣетъ читать и писать — она считается уже на Востокѣ хорошо образованной... Въ общемъ же на маленькую персіянку смотрятъ лишь какъ на будущую семьянинку и соотвѣтственно этому ее и воспитываютъ, а въ 12 лѣтъ уже выдаютъ замужъ. Но въ послѣднее время народное сознаніе и тутъ начинаетъ проясняться: теперь многіе персы стали обучать своихъ дочерей чтенію и письму. Стали открываться и начальныя женскія школы, а въ провинціи есть и смѣшанныя — гдѣ мальчики и дѣвочки обучаются вмѣстѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что вмѣстѣ съ обновленіемъ всего строя и персидскую женщину ожидаетъ лучшее будущее.

Знала Персія и великихъ поэтовъ, творенія которыхъ пережили вѣка и до сихъ поръ съ увлеченіемъ читаются и заучиваются наизусть.

Древнѣйшая персидская письменность не оставила намъ памятниковъ, кромѣ клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ, изъ которыхъ самая древняя принадлежитъ Киру, а самая длинная — Дарію Гистаспу. Европейскіе ученые, изучавшіе былую исторію пер-

совъ, сумѣли найти ключъ къ этимъ таинственнымъ письменамъ и тѣмъ приподняли завѣсу сѣдой старины. Но у древнихъ персовъ существовала и поэзія: въ сказаніяхъ о Кирѣ, переданныхъ намъ греками, слышатся отголоски неподдѣльнаго народнаго творчества.

Послѣ покоренія Персіи Александромъ Македонскимъ около 500 лѣтъ нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ персидскаго языка. Только при Сассанидахъ появляются особыя письмена, которыми обозначался въ то время такъ-называемый *среднеперсидскій* или *пехлевійскій* языкъ. На этомъ языкѣ разрослась у персовъ богатая литература ¹⁾ подѣ покровительствомъ болѣе просвѣщенныхъ царей изъ этого рода.

Но вотъ на Персію хлынули арабы и вновь умолкаютъ персидскіе писатели; по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ послѣ этого нашествія мы не находимъ никакихъ памятниковъ персидской литературы: персы пишутъ и говорятъ по-арабски и трудно отличить за это время писателя арабскаго отъ персидскаго. Знаменитыя, на примѣръ, *Сказки 1.001 ночи*, которыя принято называть арабскими, — несомнѣнно персидскаго происхожденія, на что указываютъ хотя бы одни встрѣчающіяся въ нихъ собственныя имена.

Однако въ X вѣкѣ, съ воцареніемъ чисто персидской династіи Саманидовъ, возрождается и письмен-

¹⁾ Словесность.

ность персовъ. Теперь языкъ народа уже *новоперсидскій*, на которомъ съ небольшими отличіями говорятъ персы и въ наше время. Стали появляться прославленные писатели. Около 1000 г. по Р. Хр. ко двору тогдашняго царя Махмуда явился *Фирдоуси* ¹⁾ — одинъ изъ величайшихъ поэтовъ въ мірѣ. Онъ написалъ знаменитую книгу *Шахъ-наме*, т.-е. «Книгу царей», гдѣ въ дивныхъ стихахъ описывается исторія Ирана, прикрашенная яркимъ поэтическимъ вымысломъ. Твореніе это надолго служило предметомъ безчисленныхъ подражаній и понынѣ еще персы гордятся имъ, считая «Шахъ-наме» своимъ величайшимъ народнымъ произведеніемъ. Нерѣдко можно встрѣтить совершенно безграмотнаго перса, который однако знаетъ наизусть множество мѣстъ изъ этой знаменитой книги. Языкъ Фирдоуси, яркій и образный, выгодно отличается еще тѣмъ, что въ немъ нѣтъ почти арабскихъ словъ. У этого поэта заимствовали и европейскіе писатели, даже любимая наша лубочная сказка «Ерусланъ Лазаревичъ» и та взята изъ твореній Фирдоуси, который оказалъ самое сильное вліяніе на русскія былины.

Приведемъ небольшой отрывокъ изъ знаменитой «Книги царей» въ прекрасномъ переводѣ кн. Д. Цертелева.

¹⁾ Т.-е. «райскій», настоящее же имя этого поэта — Абуль Касимъ.

СМЕРТЬ ИРЕДЖА 1).

Дни злые Зоака остались далеко,
 Текуть безмятежно года,
 И ярко пылая на небѣ Востока,
 Стоит Феридуна звѣзда.

Но силы уносить нещадное время,
 Усталъ повелитель царить,
 Наскучило власти тяжелое бремя
 И царство пора раздѣлить.

И Туру и Зельму рѣшилъ онъ всѣ страны
 Отъ моря до моря отдать.
 Иреджа онъ сдѣлалъ владыкой Ирана —
 Остался съ нимъ вѣкъ доживать.

Но не любъ дѣлежъ тотъ былъ старшимъ, и каждый
 Со злобою принялъ престоль.
 Шли годы — и вотъ къ Феридуно однажды
 Явился нежданный посоль:

—Прости меня, царь, коль тебѣ не угодны
 Покажутся рѣчи мои;
 Не я въ томъ виновенъ: послы не свободны;
 Сказали мнѣ дѣти твои:

Иди и спѣши Феридуно явиться,
 Поклонъ передай отъ сыновъ,

1) По «Шахъ-наме» Феридунъ — шестой персидскій царь. Отецъ его, Джемшида, былъ низвергнутъ дерскимъ пришельцемъ изъ Аравіи — Зоакомъ. Однако, Феридунъ, въ свою очередь, свергнулъ Зоака, заключилъ его въ пещеру горы Демавендъ и женился на его дочери. Отъ брака этого онъ имѣлъ двухъ сыновей — Тура и Зельма; отъ второй жены — персіянки — у Феридуна былъ еще одинъ сынъ, любимецъ Иреджъ, павшій жертвой вражды и зависти своихъ старшихъ братьевъ.

Скажи ему: «Всякая плоть да страшится
 Владыки обоихъ міровъ!

«Надеждою быются сердца молодыя,
 Встрѣчая веселья года;
 Но вѣдаешь самъ ты, что кудри сѣдыя
 Не будутъ черны никогда;

«Отъ мѣсяца Богъ тебѣ далъ золотого
 Весь міръ вплоть до края земли;
 Опомнись же нынѣ и царства земного
 Неправедно ты не дѣли.

«Опомнись, иль встанутъ бойцы изъ Турана,
 Изъ Джина и Рума придутъ,
 И будутъ пустыней цвѣтуція страны,
 И мохомъ дворцы порастутъ!»

Въ отвѣтъ ему мрачно владыка Ирана:
 «Скажи имъ — я правды хотѣлъ,
 Они жъ погибаютъ въ сѣтяхъ Аримана.
 Пусть дней моихъ близокъ предѣлъ,

«И слабъ я, и кудри мои уже сѣды,
 На бой поднимуся я вновь,
 И Богъ мнѣ даруетъ надъ ними побѣды
 И кровью заплатятъ за кровь».

Посоль удалился, и младшаго сына
 Спѣшить повелитель призвать,
 Въ душѣ его борются гнѣвъ и кручина,
 Онъ хочетъ войска собирать.

Но молвить Иреджъ: «Надъ землею не мало
 Прошло и бойцовъ и царей
 Такихъ же, какъ я, и слѣдовъ ихъ не стало,
 И памяти нѣтъ у людей...

«Отъ вѣка за свѣтомъ вновь ночь наступаетъ
И вянетъ цвѣтушій вѣнецъ,
Пусть радость и счастье жизнь начинается —
Лишь горе да слезы конецъ.

«И всѣхъ впереди ожидаетъ насъ то же,
И мы отъ судьбы не уйдемъ;
Примчится стрѣла, и на каменномъ ложѣ¹⁾
Мы всѣ непробудно заснемъ.

«Зачѣмъ же то сѣмя намъ сѣять съ тобою,
Которое кровью взойдетъ,
Которое множится лютой войною
И въ смерти приноситъ свой плодъ?»

«Нѣтъ, я безъ оружья пойду къ нимъ навстрѣчу,
Престоль мой оставлю я самъ,
И только любовью на злобу отвѣчу,
Я царство безъ боя отдамъ».

Ушелъ онъ, и полный сомнѣнья, тревоги,
Его ожидаетъ старикъ,
Тоскуетъ и глазъ не спускаетъ съ дороги,
Сѣдой головою поникъ.

Все нѣту ни сына, ни вѣсти желанной,
Велитъ онъ коня осѣдлать,
Съ дружиною ѣдетъ за грани Ирана —
Любимаго сына встрѣчать.

Мелькаютъ поля, и долины, и горы,
Остался далеко за ними Иранъ,
И солнце слѣпить утомленные взоры,
Песчаный горитъ океанъ.

¹⁾ То-есть, на «башнѣ молчанія», куда древніе персы относили своихъ покойниковъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ.

Но что закурилось какъ дымъ въ отдаленнѣ,
Подъ блескомъ полдневныхъ лучей?
Все ближе — протяжное слышится пѣнье
Надъ мертвымъ покоемъ степей.

Ужъ близко, подъ складками траурныхъ тканей
Идетъ за верблюдомъ верблюдъ.
Съ напѣвомъ сливаются звуки рыданій,
И слуги кровавое тѣло несутъ.

Все понялъ Ирана властитель могучій,
Любимаго сына узналъ,
Терзаемъ безсильемъ и мукою жгучей
На землю рыдая упалъ.

Молилъ онъ: «Услышь меня, Митра великій,
Ты свѣта и правды отецъ,
Отмсти же предателямъ, неба владыка,
Пошли имъ кровавый конецъ!»

«Пусть выйти на солнце не смѣя,
Покоя не знаютъ они,
И сердцу коварныхъ пусть ночи чернѣе
Покажутся ясные дни!»

Свершилось... Иреджа кровавое тѣло,
Подъ небомъ родимой земли,
Въ лучахъ восходящаго солнца истлѣло
И кости орлы унесли, —

И время несется; подъ мутной волною
За родомъ скрывается родъ;
Но сѣмя, что брошено въ землю враждою,
Кровавою жатвой растеть...

Золотымъ вѣкомъ персидской литературы можно
по справедливости считать XII, XIII и XIV столѣтія.

Въ XII вѣкѣ является второй послѣ Фирдоуси великій поэтъ *Низами*, со своими знаменитыми твореніями *Пенджъ - генджъ* или «Пять сокровищъ». Это собраніе поэтическихъ разсказовъ, въ которыхъ главнымъ образомъ воспѣвается любовь. Далѣе идетъ *Джелаль-ад-динъ Руми* (1207—1273 г.) съ своими прекрасными возвышенными стихотвореніями, за ними остроумный *Саади* и, наконецъ, величайшій пѣвецъ земныхъ радостей — *Гафизъ* (1300—1389 г.)

Чарующей прелестью вѣетъ отъ стиховъ этого любимца Востока. Кто изъ персовъ — въ минуты ли свѣтлой радости или безутѣшнаго горя — не поетъ проникающихъ въ душу пѣсень славнаго Гафиза! Онъ родился, жилъ и умеръ въ благословенномъ Ширизѣ, въ этомъ «саду розъ Ирана», — какъ прозвали его персы. Здѣсь жаръ смягчается прохладнымъ морскимъ вѣтромъ и подъ безоблачнымъ небомъ царитъ вѣчная весна... Цѣлыя роци апельсиновъ, миртъ и кипарисовъ чередуются съ превосходными фруктовыми садами, роскошными виноградниками и пестрыми цвѣтниками. Здѣсь царство розъ и соловьевъ, и чудится, что природа создала этотъ райскій уголокъ въ минуты своего наивысшаго вдохновенія... Сама исторія точно щадила Ширазъ: при всѣхъ бурныхъ превратностяхъ судьбы Персіи онъ мало пострадалъ отъ опустошеній и разумная дѣятельность его правителей обезпечивала спокойствіе жителямъ. И вотъ тутъ-то провель жизнь великій Гафизъ — не мудрено, что онъ такъ дивно воспѣвалъ радости земли.

Красота и любовь, вино и цвѣты — вотъ главное содержаніе его стиховъ; но не чужды были ему и болѣе глубокія, захватывающія чувства: горе и разлука, измѣнчивость счастья, жгучая скорбь о непостоянствѣ человѣческой судьбы — все находило откликъ въ его богатой душѣ. Персы прозвали Гафиза «Сахарными устами» (*Шекерлебъ*), до сихъ поръ стихи его распѣваются народомъ, и конца не видно славѣ любимаго поэта. Могила его находится въ одномъ изъ предмѣстій Шираза и усердно посѣщается путешественниками.

Вотъ одна изъ его пѣсень, въ переводѣ нашего извѣстнаго поэта А. Фета.

* * *

О, какъ подобень я — смотри! —
Свѣчѣ, мерцающей впотьмахъ!

Но ты, въ сіяющихъ лучахъ

Восходъ зари, —

Лишь ты сіяй, лишь ты гори!

Хотя по первому лучу

Твой яркій свѣтъ зальетъ свѣчу,

Но умолять тебя хочу:

Лишь ты гори,

Чтобъ я угасъ въ твоихъ лучахъ!

Съ XV вѣка поэтическое творчество въ Персіи ослабѣваетъ и никто не является на смѣну великимъ пѣвцамъ прошлаго.

Мы познакомились съ жизнью персовъ, съ ихъ многострадальной исторіей, знаемъ теперь ихъ чаянія

и надежды. Что ждетъ Персію впереди? Кто знаетъ... Трудно ограниченному человѣческому уму приподнять завѣсу будущаго и заглянуть за его грань. Сейчасъ страна стоитъ на распутьѣ: старый строй осужденъ, но не умеръ, новый возвѣщенъ, но еще не народился. Почти годъ, какъ идетъ упорная братоубійственная война между народомъ, жаждущимъ лучшей жизни, и шахскими войсками и сторонниками... А между тѣмъ съ сѣвера давно уже упорно стучится Россія, съ юга проникаетъ все дальше Англія, и персы ясно видятъ теперь, что не уйти имъ отъ просвѣщенія, что безъ него ожидаетъ ихъ гибель.

Долго еще будутъ давить перса алчные шахскіе чиновники, долго еще будетъ онъ чувствовать на себѣ роковое наслѣдіе прошлаго, стонать подъ игомъ безправія и нищеты. Но придетъ свѣтъ знанія и побѣдитъ тьму, засіяетъ солнце правды и справедливости надъ измученной страной. Великій Ормуздъ побѣдитъ Аримана, — такъ сказалъ когда-то мудрый Зороастръ...

10976

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава I. Возникновеніе Персидскаго государства.—Киръ—основатель древней Персіи.—Вторженіе Александра Македонскаго и паденіе Персіи.—Возрожденіе (Сасаниды).—Вторженіе арабовъ.—Абасиды.—Появленіе тюрковъ.—Нашествіе монголовъ.— Новѣйшая исторія Персіи.	3
Глава II. Гдѣ находится Персія.—Ея границы и пространство.—Климатъ.—Народонаселеніе.	33
Глава III. Чѣмъ занимаются персы.—Земледѣліе и искусственное орошеніе полей.—Скотоводство.—Минеральныя богатства.—Ловля жемчуга.—Торговля Персіи съ Россіей и Англіей.	49
Глава IV. Ученіе Зороастра—древнѣйшая религія персовъ.—Проникновеніе ислама.—Сунниты и шиты.—Секта бабидовъ.—Праздники и посты.—Персидское духовенство.	73
Глава V. Какъ управляется Персія.—Древніе сатрапы и нынѣшніе хакимы.—Подати и налоги.—Военное могущество Персіи.—Судъ и наказанія.	104
Глава VI. Тегеранъ и его виды.—Персидскія улицы и дома.—Дворецъ «царя царей».—Базаръ.—Одежда и пища у персовъ.	131
Глава VII. Сватовство и свадьба у персовъ.—Многоженство.—Семейное положеніе женщины.—Смерть и похороны.	154
Глава VIII. Воспитаніе и обученіе.—Низшія школы и медресе.—Знаменитые персидскіе поэты.	171